

№8
Август 2014

ТУСЕСКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Гоги КАВТАРАДЗЕ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Гулбат ТОРАДЗЕ
Джансуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Александр ЭБАНОИДЗЕ
Елен ДОРИС

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№8⁽¹⁰⁶⁾
Август 2014

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ЗОВУТ РОДНЫЕ КОРНИ
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
- 8 «КУЛЬТУРА – ЦИТАДЕЛЬ С ДЕСЯТЬЮ БАШНЯМИ»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 14 МЕСТО ВСТРЕЧИ – ЗВЕНИГОРОД
НИНА ШАДУРИ
- 16 НЕСГИБАЕМАЯ НОРА
БОРИС ДОБРОДЕЕВ
- 22 ТРЕТИЙ НЕ ЛИШНИЙ
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 25 «Я ТРОГАЮ СТАРЫЕ СТЕНЫ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 30 ЛЕРМОНТОВ ОБЪЕДИНИЛ ЛИТЕРАТОРОВ
- 31 КОРОЛЕВСКАЯ СКАЗКА
НИНО ДЖАВАХЕЛИ
- 32 ТЕАТР – РАЗВЛЕЧЕНИЕ СО СМЫСЛОМ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 36 ВЕЛИКАЯ ВОЙНА И ГРУЗИЯ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 38 ВЫ ОЦЕНИТЕ КРАСОТУ ИГРЫ
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
- 42 ЛЕГЕНДА О ЛОЗЕ
АННА АНТОНОВСКАЯ, БОРИС ЧЕРНЫЙ
- 46 СТИХОТВОРЕНИЯ ВЛАДИМИРА ЛЕОНОВИЧА
- 48 «ПЕРЕВОДЧИК, СЛОМАЙ КАРАНДАШ!...»
ПАВЕЛ НЕРЛЕР
- 49 ПАМЯТИ ДРУГА
АНАИДА БЕСТАВАШВИЛИ
- 50 ПОЭТ БОЖИЕЙ МИЛОСТЬЮ...
КАМИЛЛА-МАРИАМ КОРИНТЭЛИ
- 52 МАКСИМ
АНАИДА ГАЛУСТЯН
- 54 СЕЗОН ВИОЛОНЧЕЛИ
РЕВАЗ ТОПУРИЯ

На обложке – Вид на Метехи и Мтацминду.
Фото А.Сватикова

ОТ ДО

БЕЛЫЙ КИТ – ВСЕЛЕНСКОЕ ЗЛО

«Называйте меня Измаилом», - с этих слов начинается великий роман «Моби Дик» о битве людей с ужасным белым китом, написанный прекрасным американским писателем-романтиком и путешественником Германом Мелвилем, которому в этом месяце исполняется 195 лет. Его книги поражают смесью трагедии, подвигов, философии и элементов производственного романа – рассказами о повседневной жизни моряков-китобоев. А автор, сам долгое время бывший человеком моря, знал о чем писал. В истории мировой литературы Мелвил так и остался одним из самых глубоких символистов, и его символизм был вовсе не кабинетной блажью отстраненного, прохладного интеллектуала, а был наполнен страстью реальной борьбы, свершений и тяжелого повседневного труда. Многие молодые мужчины, ушедшие в море, хранили в своих матросских рундуках увесистую мудрую книгу о человеческом героизме, иллюстрированную потрясающей графикой Рокуэлла Кента.

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, РАДИО «МАЯК»!

Ровно 50 лет назад в полночь 1 августа 1964 в эфире прозвучали знаменитые позывные – песенка «Подмосковные вечера». И с этого момента в жизни советских людей появился новый и безотказный источник информации, столь же важный, как ныне интернет. Это были не только международные новости, сообщения о решениях Политбюро или вести с полей – на «Маяке» звучала хорошая музыка, песенные новинки, репортажи хороших журналистов, трансляции спортивных

соревнований, транслировались радио-спектакли и многое, многое другое, что делало нашу жизнь интереснее. В наше время, среди обилия самой разнообразной информации, его голос уже не так хорошо слышен, но, невзирая на нынешние трудные времена, радио «Маяк» продолжает работать. Поздравляем его сотрудников!

170 ЛЕТ ВЕЛИКОМУ РЕПИНУ

Илья Ефимович Репин, родившийся 5 августа 1844 года в городе Чугуеве, харьковской губернии, происходил из старинного стрельцкого рода – все его предки веками участвовали во всех войнах. А их потомок никогда не был на театрах военных действий и никогда не держал в руках оружия. Он служил стране своим талантом – умением рассказать о ее древней истории и непростой жизни, о характере ее людей. Он сохранил для нас образы современников от царей, до простых мужиков. Репин стал выдающимся русским художником-реалистом, мастером портрета, исторических и бытовых сцен, а также академиком Императорской Академии художеств. Он очень много трудился и был всегда окружен учениками и друзьями, занимавшими все его свободное время. Репин говорил, что от этого частенько чувствует себя усталым «бурлаком на Волге», иногда веселым запорожцем, пишущем письмо

турецкому султану, иногда гневным Иваном Грозным... а иногда и его сыном Иваном... В начале прошлого века, репинский дом в Куоккале стал одним из интеллектуальных центров российской культуры – так много туда приезжало знаменитостей! Илья Ефимович, по-прежнему узнаваем – его картины знакомы даже чуждым живописи людям.

ПОБЕДА У МЫСА ГАНГУТ

300 лет назад – 6-7 августа 1714 года произошло важное для России морское сражение с шведским флотом во время Северной войны. Юный флот царя Петра оказался перед трудным испытанием – пришлось противостоять опытному шведскому флоту, серьезно превосходившему русских, особенно в артиллерии. Русские галеры были не в состоянии оказать серьезное сопротивление, несмотря на героизм отечественных моряков. Но Бог благоволил россиянам – ветер утих

совершенно, наступил штиль. И царь Петр повел свои гребные суда в бой против шведов, заставших на зеркальном море с поникшими парусами. Тут-то и выяснилось, кто крепче в рукопашной – «на кулачках», как говорил Петр Алексеевич. Под натиском русских абордажных команд, шведы приспустили флаги и сдались. Это была первая крупная победа русского флота. Ее считали не менее важной, чем Полтавскую битву.

75 ЛЕТ ПАКТУ МОЛОТОВА-РИББЕНТРОПА

23 августа 1939 года произошло одно из самых неоднозначных исторических событий – в Москве был заключен пакт Молотова-Риббентропа, а точнее Договор о ненападении между СССР и Германией. По мнению многих, этот документ способствовал началу Второй мировой

войны. И повлиял на судьбу целых народов – латышей, эстонцев, литовцев, западных украинцев, белорусов и молдаван – и вселил в их историческую память чувство обиды от перенесенного национального унижения. Их, не спрашивая, попросту присоединили к Советскому Союзу. Даже спустя 75 лет с подписания, пакт Молотова-Риббентропа не забыт и в какой-то мере до сих пор влияет на геополитическую обстановку в Европе. В 50-ю годовщину подписания советско-германского пакта состоялась акция Балтийский путь, когда жители Литвы, Латвии и Эстонии выстроили живую цепь длиной почти в 600 км – около двух миллионов человек – самая большая живая цепь в мире.

ПЕРВЫЙ МОСКОВСКИЙ АВТОБУСНЫЙ МАРШРУТ

Ровно 90 лет назад в российской столице начал функционировать первый регулярный автобусный маршрут от Красной Пресни до дачного местечка Серебряный Бор. Хотя, на самом деле, в этом не было ничего нового. Еще в последние годы позапрошлого века, в Москве появились первые автомобили – сначала у богатых аристократов и крупных промышленников, а потом и у тех, кто решил предложить не бедным пассажирам самоходную новинку – то

есть, появились первые такси. Они «с шиком» развозили подгулявших завсегдаев ресторанов до дома. А летом частники организовывали автомобильные маршруты до дачных поселков – от Марьиной рощи до Останкино. Оно и понятно, дачи снимать могли люди с достатком – такие и за авто могли заплатить. Городские власти задумывались о прокладке автобусных маршрутов, но как всегда в казне не хватало денег. К тому же Москва была опутана сетью конок – трамваев, ведомых лошадками. В итоге, первые самодвижущиеся «омнибусы» появились у владельцев гостиниц для встречи клиентов на московских вокзалах. Но они часто выходили из строя из-за наших отечественных дорог. Но пришли другие времена – советские. Новые руководители-большевики были людьми решительными и энергичными. Они закупили надежные английские автобусы для сельской местности – 28-местные «Лейланд», остальные попросту переделали из грузовиков, установив на кузове салон – и все! Так появилось в Москве автобусное сообщение. А потом троллейбусы и метро.

ХОЛОДИЛЬНИКУ 115 ЛЕТ

Такой знакомый с детства домашний прибор оказывается был не всегда. Патент на него был получен изобретателем из Миннесоты Альбертом Маршаллом 9 августа 1899 года. Хотя и до него уже были механические холодильные шкафы. Но промышленный выпуск холодильников начался в 1911 году фирмой «Дженерал электрик». Этот огромный агрегат жутко грохотал и работал на газу – от него был жуткий запах. И только в 1926 году датский инженер Стиндруп разработал бесшумный холодильник. Правда, стоил он в два раза дороже, чем автомобили марки «Форд». В СССР холодильники начали производить в Харькове еще до войны – попросту скопировали, слегка упростив, сделав дешевле и проще. А в быту советских людей они появились только в 60-е годы. До этого на кухнях был только ледник – ящик с отделениями для продуктов, льда и трубочкой для талой воды за окно.

ДЕ ФЮНЕСУ 100 ЛЕТ

Великий французский комик – бессмертный комиссар Жюв из «Фантомаса», умевший строить зуморительно смешные рожи, в жизни был человеком серьезным и неулыбчивым. Более того, этот выходец из испанско-португальской обедневшей аристократии, был очень нелюдимым. А гримасничать Фюнес научился во время джазовых импровизаций, когда сидел за роялем еще в довоенные времена в кафе-шантане. Публика была в восторге и от музыки – он был классным пианистом – и от

гримас. А потом Фюнеса пригласили в кино – и весь мир узнал его имя. Он не стал великим европейским трагиком и не снялся ни в одном признанном киношедевре, его судьба – легкие веселые комедии. Фильмы «Разина», «Большая прогулка», «Оскар», «Маленький купальщик», сериалы про провинциального полицейского и про Фантомаса до сих пор поднимают настроение зрителям.

В Америке сняли с работы президента. Ричард Никсон 8 августа 1974 года объявил, что уходит в отставку в связи с Уотергейтским скандалом.

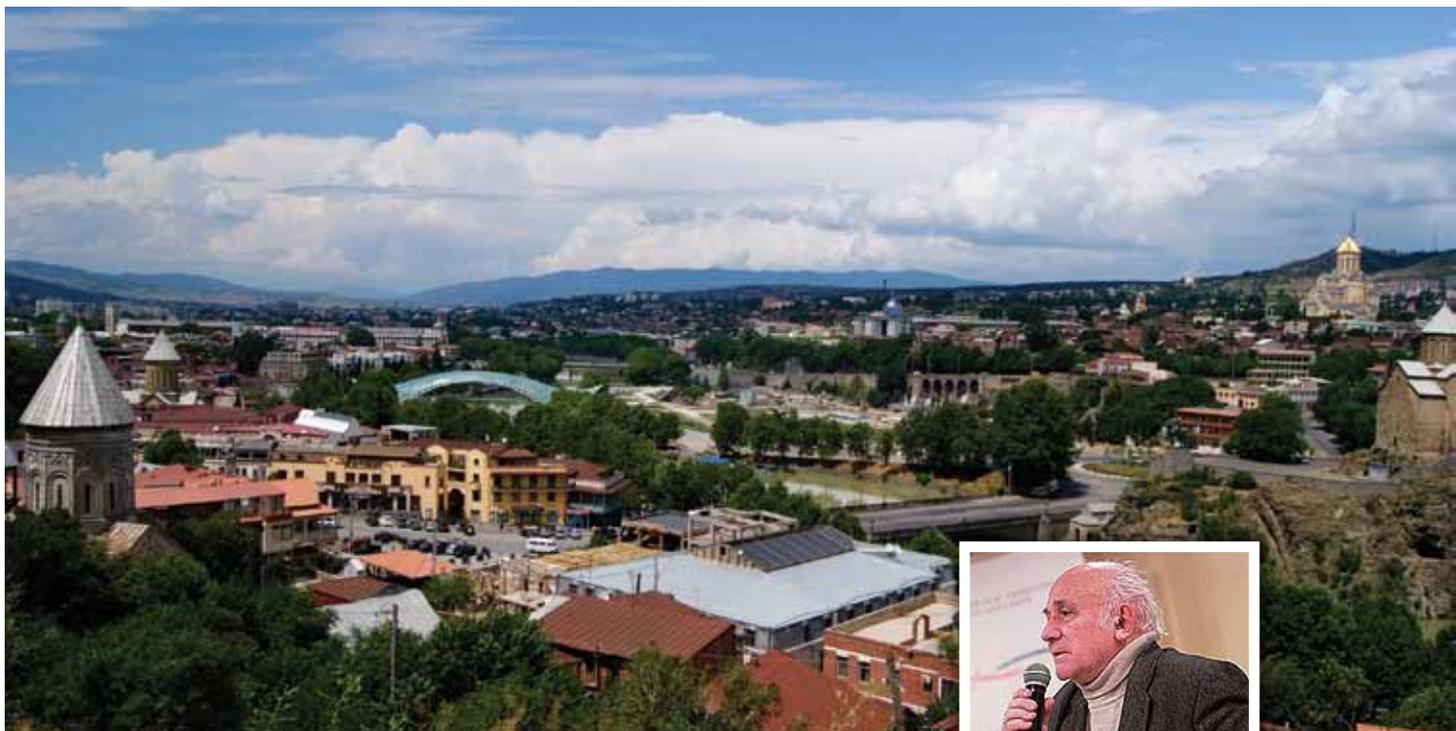
Мы больше не франки, а французы. Так сказал 10 августа 1539 года Франциск I и ввел в стране государственный язык – французский вместо латыни. Он приказал составлять на нем все официальные документы.

Пели все, кроме Леннона – ему не простили развала «Битлз». С 15 августа 1969 три дня проходил Вудстокский фестиваль рок-музыки. И все дни лил жуткий дождь. Все промокли, но радовались песням, пели, танцевали и «take love – no war». А потом вернулись домой, постриглись, надели костюмы и стали взрослыми – так закончилась эра хиппи.

Роб АВАДЯЕВ

▲ Александр Эбаноидзе

ЗОВУТ РОДНЫЕ КОРНИ

Приятным и далеким воспоминанием остались в моей памяти 70-80-е годы минувшего века, когда мы, писатели из разных республик Советского Союза приезжали в гостеприимный Дом творчества Литфонда в Бичвинта. Традиционно мы, грузины, занимали пятый этаж этого комфортабельного высотного здания. Здесь, в доме, царил теплая, уютная атмосфера. Мы встречались с очень интересными людьми, заводили новые знакомства. В жаркие летние вечера на черноморском берегу мы часами рассуждали о литературе, о ее новых тенденциях, о судьбах ее лучших и – увы! – ушедших представителей. Я и Гиви Гегечкори часто беседовали с Юнной Мориц, с Беллой Ахмадуллиной, Александром Кушнером и другими. Особо теплые отношения сразу же сложились у нас с «московскими грузинами», и в первую голову с Александром Эбаноидзе, нашим тбилисским, солалакским парнем, который работал в «Дружбе народов» и делал большое дело для грузинской литературы, стараясь вынести все лучшее на обозрение многомиллионного русского читателя. Для него пропаганда грузинской литературы была и есть особая миссия, которую он с любовью выполняет вот уже несколько десятков лет. Трудно перечислить все его заслуги за эти долгие годы. Достаточно вспомнить, какой широкий резонанс вызвала публикация переведенного им романа классика грузинской литературы Михаила Джавахишвили «Квачи Квачантирадзе» (это было после распада Советского Союза), который оживил в памяти русского читателя знаменитого «гроссмейстера афер» Остапа Бендера. Русские литераторы высоко оценили один из лучших романов Отара Чиладзе «Годори» в переводе Александра Эбаноидзе, глубинные пласты которого заставляют задуматься о столь многом. Вместе с несколькими соотечественниками, работавшими в России, и честными российскими писателями, А.Эбаноидзе тяжело пережил абхазскую

трагедию. Когда пылающий в огне Сухуми подвергался варварской бомбежке и гибло мирное население, Ардзинба сделал циничное заявление, потрясшее многих и многих: «Город для нас значит мало, нас интересует территория». Кто остался в выигрыше после ужасного сентября 1993 года? Насильственно отторгнутая древнейшая часть Грузии Абхазия никогда не будет счастливой в искусственном вакууме и никоим образом не сможет сохранить свое лицо, свою самобытность, что уже явственно проявляет жизнь.

Прибывший на отдых в Бичвинту Александр Эбаноидзе – тогда, в 80-х, – был не один: с ним приехал и его сынишка Игорь, не по годам развитой и очень застенчивый мальчик, который стал прекрасным германистом. Я испытал большую радость, когда неожиданно приобрел изданные в Москве в 2007 году «Письма Фридриха Ницше», переведенные Игорем и снабженные его же комментарием. Он продел нелестную работу, отобрав из трех тысяч писем Ницше всего триста семь таким образом, что они полностью представили весь жизненный путь гениального немецкого мыслителя столь трагической судьбы. Эти письма воссоздали его сложнейшую, противоречивую духовную биографию. Игорь Эбаноидзе сделал то, чего не сделали известные исследователи творчества Фридриха Ницше там, на его родине. Издание его писем в 2007 году сделало очевидным, что совершенно несправедливо и в корне неверно связывать философию Ницше с античеловеческой идеологией фашизма. Книге «Письма Фридриха Ницше» состоящей из трех частей, предпослано предисловие переводчика, в котором проявилась его незаурядная эрудиция.

Первый же роман Александра Эбаноидзе «Имеретинская свадьба» имел большой успех и был переведен на многие языки. В Грузии он вышел на грузинском языке в 1984 году в издательстве «Мерани».

Несколько слов о переводчице: это была Циала Чхеидзе, известная своим изысканным литературным вкусом, доброжелательностью, душевностью и высокой гражданственностью, дочь видного грузинского поэта Георгия Кучишвили и тетка одного из лучших режиссеров современности Темура Чхеидзе, вырастившего и воспитавшего своего осиротевшего племянника. Мне и моим друзьям много лет назад выпало счастье работать вместе с ней в журнале «Цискари», и не однажды мы убеждались, насколько глубоко постигала она стихию грузинского языка и как тонко чувствовала богатство русского. Все это с особой силой проявилось в ее переводе «Имеретинской свадьбы», где с завидным мастерством и безошибочным чувством меры встречаем имеретизмы, естественно использованные в речи персонажей, в остроумных диалогах, что в силу понятных причин, не смог бы сделать сам автор. Поэтому, хотя многим это может показаться неким кощунством, но свершился парадоксальный факт: роману оказалось больше «к лицу» грузинская версия Циалы Чхеидзе, которая естественно вписывается в быт имеретинского села с неповторимым и непереводаемым острословием его обитателей, с яркостью и пышностью пейзажей. У читателя создается иллюзия, что роман написан на грузинском языке, а создание такой иллюзии под силу лишь подлинному таланту.

Юбиляр не скрывает радости по поводу того, что его первый роман спустя почти полвека после создания снова издан в Тбилиси, но хотя и отмечает, что то возвышенное счастливое чувство, которое он испытывал в дни выхода в свет первого издания романа, вернуть, увы, невозможно.

Не могу не сказать, с каким интересом читается обширное интервью, которое взяла у юбиляра театровед и публицист Инна Безирганова. Мы узнаем из этого интервью об интересах и склонностях писателя, видим его четко вычерченную гражданскую позицию, которую порой многие предпочитают обходить стороной. Александр Эбаноидзе был потрясен, своими глазами

увидев, как осетинские сепаратисты, вдохновляемые московскими покровителями, протягивают заграждения из колючей проволоки на древней грузинской земле, устанавливая несуществующую границу, и мы вынуждены это терпеть. Александр Эбаноидзе неизменно выражает резкий протест, когда модернизированная империя осуществляет агрессию по отношению к Грузии.

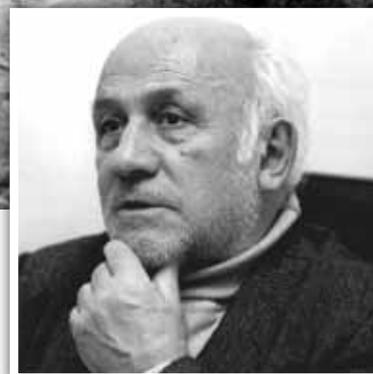
С гордостью вспоминаю, что наш незабвенный Гурам Асатиани еще во времена советского режима поднял голос против насилия, осудив вторжение танков на чужую территорию и оккупацию.

Примечательно, что Александр Эбаноидзе, размышляя о внутреннем мире и сущности писателя, приводит формулу выдающегося, очень интересного грузинского прозаика Отара Чхеидзе: «Творчество – необъяснимое принуждение, подразумевающее в основном мысль, что судьба берущего в руки перо – жертвовать собой. Кстати, Отар Чхеидзе – крестный отец Александра Эбаноидзе. В тот памятный день крестин крестник с улыбкой сказал батони Отару: «Мои крестины запоздали так потому, что именно Вы должны были меня окрестить».

Вполне справедливо считает Александр Эбаноидзе, что рыночная экономика нанесла большой ущерб культуре и науке. Истинная литература оказалась на обочине, катастрофически изменился вкус читателя. Респондент высказывает отнюдь не беспочвенное опасение, что редактируемый им журнал «Дружба народов», совершивший множество полезных и добрых дел, на 75-ом году от роду может прекратить свое существование.

Юбиляр остро переживает тот факт, что на родину он приезжает как турист и с грустью вспоминает совет известного балкарского поэта Кайсына Кулиева, который сказал тогда ему, 30-летнему: «Вернись к отчему очагу, парень!» Эта грусть свидетельствует, что родные корни не молчат.

Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Перевод Камиллы-Мариам Коринтэли

«КУЛЬТУРА – ЦИТАДЕЛЬ С ДЕСЯТЬЮ БАШНЯМИ»

Главный редактор журнала «Дружба народов», писатель, переводчик, сценарист АЛЕКСАНДР ЛУРСАБОВИЧ ЭБАНОИДЗЕ отвечает на вопросы корреспондента «РК».

- Поделитесь, пожалуйста, своими впечатлениями о творческом вечере, который прошел сравнительно недавно в Тбилиси, о вашей очередной поездке на родину. Какова была ее главная цель?

- Мой прошлогодний приезд в Грузию был связан с культурным проектом, который осуществил журнал «Дружба народов» при поддержке Фонда «Русский мир»: мы отметили 120-ю годовщину со дня рождения нашего земляка Владимира Маяковского.

Признаюсь, меня, выросшего в грузинской среде, с детства знакомого с широтой и сердечностью грузинского гостеприимства, удивила особая доброжелательность принимающей стороны. Нужно ли объяснять причины моего удивления? Отношения между Грузией и Россией все еще сложны и неоднозначны. Во время нашего пребывания в живописном уголке Мцхет, менее чем в 50 километрах от нас, ретивые осетинские администраторы, опекаемые московскими покровителями, отгораживали колючей проволокой еще один клочок грузинской земли, отобранный у цихисубанских крестьян. Таким образом, они тужились обозначить надуманную границу. Грузия снисходительно, хоть и не без досады, взирала на эти потуги.

В последние 25 лет у меня было не так уж много поводов гордиться своей отчизной. Откровенно говоря, они наперечет. Так в самом начале осетино-грузинского конфликта, в пору его обострения я летел из Москвы в Тбилиси и мысленно внушал себе, что при встрече с осетинскими друзьями надо проявить особую сердечность. Как же я был смущен, когда увидел, что отношения с осетинскими коллегами всюду, где доводилось

встретиться, не нуждались ни в какой коррекции. Они были сердечны и дружелюбны как всегда. А я-то накачивал себя политкорректностью, забыв, что новомодное это понятие в Грузии неуместно.

А с какой легкостью оформлялись в тбилисском аэропорту визы и прочие формальные документы, в противоположность тем бесчисленным препонам, которые приходится преодолевать моим землякам, чтобы попасть в Россию?! В последние годы визовые ограничения с грузинской стороны и вовсе сняты. По сути, Грузия ведет себя с Россией как великая держава с неуверенным в себе невзрачным соседом...

Другим важным поводом для моего прошлогоднего визита в Тбилиси стало грузинское издание двух моих романов – «Брака по-имеретински» и «Ныне отпускаеши...» Я в какой-то мере участвовал в работе над их переводами и, вернувшись в родную языковую стихию, испытал облегчение и успокоение, как при благополучном приземлении после длительного и небезопасного полета.

Увы, прочитанный чуть ли не во всем мире «Брак...» издан через 45 лет после написания, «Ныне отпускаеши» через 20, и все равно – возвращение домой большая радость для меня. Я благодарю за нее давно ушедшую от нас Циалу Чхеидзе, великолепную переводчицу и замечательную грузинку, и моего друга Нодара Хундадзе, много лет окружавшего дружеским вниманием приезжавших в Гагру писателей, как грузин, так и русских.

Особую благодарность я испытываю к инициатору, куратору и лоббисту издания Тамуне Лордкипанидзе, руководительнице издательства «Устари»: такие люди – последний оплот культуры и книжного дела.

Презентация в Доме писателей порадовала встречей с друзьями и знакомыми и общей атмосферой, невзирая ни на что сохранившейся в изящном особняке

на Мачабели, 13, завещанном Давидом Сараджишвили грузинским литераторам.

- Как создавался ваш последний роман «Предчувствие октября»? Что вы можете ответить своим критикам? Как вообще относитесь к сегодняшней литературной критике?

- «Предчувствие октября» стоит особняком среди моих романов. После беспримесно грузинского «Брака по-имеретински» в моих сюжетах появился и стал разрастаться русский элемент: Поля, привезенная в грузинское село отслужившим в армии Доментием Гачечиладзе (роман «...Где отчий дом»); долгое пребывание в Москве писателя Отара Дзидзигури и его интеллектуальная возлюбленная Ольга Ивановна из романа «Вверх и вниз»; герой «Ныне отпускаеши...» и вовсе командирован в Грузию из России популярной московской газетой в незабываемом декабре 1991 года. Русский элемент разрастался в силу того, что я все больше отрывался от родной почвы. В последние два десятилетия я бывал здесь наездами, по несколько дней. И живая грузинская жизнь – материал писателя – истаяла у меня в руках, как шагреновая кожа. Воспроизводит красивые воспоминания юношеских лет в стиле «Брака по-имеретински» отказывалась рука: я видел, что отчизна переживает трагедию, и, как мог, пытался помочь ей – опубликовал в московской прессе два десятка публицистических статей, исправляя ложь и кривду в московской прессе. В писательских же планах постепенно вызрела потребность высказаться по поводу деморализации общества и социального передела, свидетелем которого я оказался в России. В «Предчувствии октября» грузинское возникает однажды и мельком: в эпизоде в фойе московского Дома литераторов воспроизведен случай, имевший место с Гурамом Асатиани. Он действительно перепугал московскую литтусовку опасным по тем временам вольномыслием. Вхождение советских войск в Афганистан строго замалчивалось, а он в полный голос обращался к русским коллегам: «Что вы всюду со своими танками? В Будапешт – танки, в Прагу – танки, теперь вот танки в Кабул... Сила есть – ума не надо!»

Название «Предчувствие октября» каждый толкует по-своему. Знакомые из числа либералов с тревогой спрашивают: «Что ты хочешь этим сказать?». То, что я хотел сказать, сказано в романе, и я не отрекаюсь от политических аллюзий, более того, я подчеркнул их эпиграфом, воспользовавшись красивейшей строкой Пушкина – «очей очарованье».

Главная трудность при написании была связана с тем, что поначалу я хотел вывести главную героиню Дашу Краснопецеву девчонкой лет 15-16. Но сказать при этом о жизни что-то серьезное не получалось, пока я не состарил ее лет на десять. В итоге я остался доволен своей Дашей. Я не все понимаю в ее женском мире, но мне кажется, что крупница загадочности ей к лицу: это перчинка, которая придает привлекательность ее чуточку лощеной и «интеллигентной» женственности.

Отвечая на вопрос о положении дел в литературе, сошлюсь на героев моего романа, серьезных профессионалов: один из них в недавнем прошлом популярный писатель, союзная знаменитость, другой – видный литературовед, без малого членкор. В их диалогах нашли отзвук некоторые мои мысли о нынешнем дне литературы, мысли достаточно горестные. В самой обобщенной форме я сформулировал бы их следующим образом: литература потеряла общественную значимость, она отодвинута на обочину общественной жизни.

На наших глазах невидимая и неуправляемая рука рынка изменила интеллектуально-нравственный климат в стране. В борьбе со своим главным врагом – культурой – она обескровила и расшатала все ее институты: школу, высшее образование, науку и, едва ли не в первую очередь, разделалась с ее смелым авангардом

– литературой. Колокол на вечевой башне сменился будуарной сонеткой. Не думаю, что рынок действовал сознательно и целенаправленно – просто такова его природа. А последствия неуправляемой стихии нам хорошо знакомы.

Руководство страны растеряно. Оно обеспокоено отсутствием ориентиров в движении и нервно запрашивает у интеллектуальной элиты новую «русскую идею». Время от времени сколачиваются команды умников и отсылаются в Голицыно или Жуковку для «мозгового штурма». Что и говорить, картина потешная, тут только развеешь руками. «Русская идея» существует. Ее обдумывали глубочайшие мыслители – от Чаадаева до Бердяева, и пестовали одареннейшие художники – от Карамзина до Булгакова. Она слишком крупна, чтобы ее не видеть. Она никуда не девалась и не девальвировала, поскольку является плодом усилий, совершенно исключительных, как по интеллектуальным, так и по нравственным параметрам. Это совокупный опыт и смысл, целеполагание и силовое поле русской классической литературы.

Почему же нынешние идеологи не слышат своих предшественников? Дело в том, что реализуемый под шумок «новый проект для России» расходится с проектом Пушкина и Гоголя, Лермонтова и Герцена, Достоевского и Толстого, Островского и Щедрина, Платонова и Маяковского, более того, противоречит ему. Русская классика наперед отвергла идеал нынешних либералов – общество потребления. Она давно разоблачила ценности и стимулы социодарвинизма – право сильного, культ успеха, фетишизацию денег, пренебрежение моралью. А что есть классика, как не выявление глубинной сути и чаяний народа. Реформаторам следовало бы задуматься, не потому ли вязнут их начинания и тщетны потуги, что приходится ломать через колено русский характер? Конечно, тут можно поерничать, поржать: «Давно пора, ядрена мать, умом Россию понимать», и еще в том же роде. Но такой смех, как говаривал наш земляк и экс-премьер российского правительства, контрпродуктивен.

Если попытаться определить свойства, составляющие неотразимую привлекательность русской литературы, в числе главных должны быть названы гуманизм и антибуржуазность.

Такие мысли подпитывали мое «Предчувствие октября».

▼ У книжного развала в Тбилиси. 2013

Итак, литература отодвинута на обочину общественной жизни, а ее немаловажное звено – критика – отодвинута на обочину литературного процесса. Как может себя чувствовать двойная окраина? Как могут работать пропагандисты книги (библиотекари и др.) без профессионального «маркирования» литературного хозяйства? В бесхозном доме все смешалось, шкала оценок, в лучшем случае, стерта до неразборчивости, в худшем – перевернута с ног на голову. При катастрофическом падении вкуса в читающей среде (а я помню умного, тонкого читателя 60-80 гг.) лидерами книжного рынка становятся мастера кройки и шитья и бригадного подряда. Возведение в абсолют рейтинга и рыночного спроса делают процесс необратимым – с каждым годом планка требовательности опускается все ниже. Боюсь, что этот процесс уже стал необратимым.

- Какова ситуация с вашим журналом на сегодняшний день? Как обстоит дело с переводческой работой, со специалистами в этой области?

- Ситуация с журналом «Дружба народов» сегодня критическая. Если не закрывать глаза на истинное положение дел, можно сказать, что в ближайшее время журнал может прекратить свое существование. Дополнительный и выразительный штрих – это может случиться в год 75-летия славного издания, совпавшего с Годом культуры в России, да еще и накануне Года литературы. Такое триединство не плод моего сарказма. Не преуспев в поисках национальной идеи, руководство страны выработало простой способ «решения» сложнейших проблем. Они решаются методом заклинания. Перечисленным мною Годам Культуры и Литературы предшествовал Год семьи, Год здоровья, Год образования и т.д. Увы, опыт показал, что опыт заклинания мало эффективен.

Тираж «Дружбы народов» за минувшие 20 лет уменьшился в тысячу раз (с 2 миллионов экземпляров до 2 тысяч). При этом содержательный, литературный уровень журнала не ниже того, который принес ему славу и популярность, но таков, как нынче выражаются, тренд. Совокупный тираж всех литературных изданий, выходящих сегодня в России, не составляет и малой

доли бывшего тиража «ДН».

При этом, по моему убеждению, такой журнал, как «ДН», сегодня нужнее, чем в былые годы. Наше время в равной степени характеризуется тягой культур друг к другу и отстаиванием собственного своеобразия. Именно в точке сплетения этих тенденций наше «золотое сечение», место приложения наших усилий.

«ДН» по-прежнему служит связующим звеном между литературами разных народов, посредством русского языка содействуя их общению и выходу к мировой читательской аудитории. В своей работе мы руководствуемся пониманием того, что стремление народов к независимости и обретению собственной исторической судьбы закономерно. Но нельзя допустить, чтобы этот порыв оборвал все нити, связывающие нас, и вместо взаимной приязни, дружеского участия и живого интереса сеялись недоверие и отчужденность. Нам есть, чем поделиться, что обсудить и обдумать. В частности, это более чем 20-летний опыт преобразований в наших странах, в котором политическая независимость оказалась чревата национальными конфликтами, а духовная свобода переплелась с проблемами морали и социальной справедливости.

Что же касается одного из основных наших инструментов – переводческого дела и его мастеров, то тут ситуация еще хуже, чем с журналом. В советскую эпоху на почве интернационализма и ответственной национальной политики была выстроена великолепная школа художественного перевода с языков сопредельных с Россией стран. «Дружба народов» имела прямое отношение к этому строительству, была, если не архитектором, то энергичным, толковым прорабом. И вот это строение, плод усилий поколений, рушится у нас на глазах. Еще два-три года бездействия, и дом, точнее, его остатки рухнут, и мы останемся без инструмента общения и будем узнавать друг о друге по скандальным репортажам и судебным протоколам.

- Кого вы видите своим читателем? И думаете ли о читателе, когда пишете – или это в целом не важно для вас?

- Вопрос о своем читателе для пишущего непросто. Во всяком случае, для меня.

Для начала сошлюсь на исчерпывающе точную формулу Отара Чхеидзе: «Творчество – это необъяснимое принуждение». Затем, убрав оценочные прилагательные, приведу мнение Аллы Марченко, высказанное в послесловии к моему однотомнику: «...опыт романиста, поставившего себе за правило писать только тогда, когда не можешь не писать...» Оба высказывания прямо относятся к моей творческой лаборатории. Сначала возникает необъяснимое принуждение, потребность высказаться по поводу того, что тревожит, волнует, радует. Затем проклевывается и обретает форму замысел. И только когда потребность высказаться делается непреодолимой, я берусь за перо. Не могу сказать, что мое послание адресовано кому-то: единомышленникам или землякам, ровесникам или потомкам, но остов, фундамент сооружения, держащий на себе мои тексты (с годами выяснилось, что любой замысел у меня разрастается в роман), всегда скреплен важной для меня мыслью. Если попытаться сформулировать обобщенно, основная тема моего высказывания – противостояние злокачественным плодам прогресса, размывающим человеческую индивидуальность, унифицирующим сознание и психику, противостояние сколь обязательное, столь же, повидимому, и безнадежное. С первых сознательно написанных строк я вступил волонтером в то воиство, во главе которого стоит Лев Толстой.

Из моих книг, о которых не очень-то уместно говорить в сложившемся контексте, только «Брак поимеретински» не был нагружен идеей, не имел предварительного задания и, возможно, по этой причине полнее других воплотил главную мысль – любовь к земле и

верность традициям.

Коль скоро речь зашла о литературе, поделюсь еще одним соображением.

Человеческая культура – цитадель с десятью сторожевыми башнями. Она полна сокровищ, оправдывающих существование человечества. Но снаружи к ее стенам подступают дремучие дебри и непролазные джунгли – хаос, окружающий человека: темные инстинкты, комплексы и страхи, атавизмы и извращения. Для обитателей цитадели хаос загадочен и по-своему привлекателен: самые любопытные и рискованные издавна совершали вылазки для изучения неведомого... И вот суть метафоры: экскурсии нетерпеливцев могут быть сколь угодно далекими и рискованными, но находки должны исследоваться при свете разума. В таких случаях культура обогащается Апулеем и Свифтом, Босхом и Брейгелем, Достоевским и Гофманом, Кафкой и Джойсом, Пикассо и Дали, Филоновым и Малевичем, Фолкнером и Платоновым... Однако нельзя допустить, чтобы хаос пробил брешь в стене цитадели и разрушил культуру. Сегодня всякий, кто сознательно не закрывает глаз, видит, что цитадель в опасности, ее стены пошли трещинами, а башни покосились посильнее Пизанской. Остается надеяться на запас прочности, накопленный за века.

- Что для вас литература, жена или любовница, - вспомним чеховское сравнение.

- Этот вопрос заинтересовал меня одной особенностью: признать, я не помню чеховского сравнения литературы с женой и любовницей. Но вот как этот образ развернут в моем «Браке по-имеретински»: «...существует два вида взаимоотношений художника с его делом: отношения счастливого любовника с прекрасной возлюбленной, которая дарует ему все, и отношения мужа-рогоносца с горячо любимой, но неверной женой; он ей кофе подает в постель, он на коленях вымаливает у нее милостыню и засыпает счастливый, с блаженной улыбкой на устах, и даже не знает, бедняга, что его жена самая пылкая и страстная женщина на свете...» Очевидно, что сравнение похоже на чеховское, не исключено, что оно даже выросло из него – когда-то застряло в подкорке и вдруг проросло. По существу же могу сказать, что работа над «Браком по-имеретински» была упоительным медовым месяцем; роман писался легко, словно под диктовку, почти без помарок, и все его подробности выскакивали навстречу при первом же касании, как фасоль из сухого стручка. В сравнении с «Браком по-имеретински» четыре последующих романа напоминали рутину семейной жизни с ее бытом, заботами, хворями и изредка вспыхивающей молодой страстью. Надеюсь, так будет и впредь, если Бог даст осуществить еще два замысла, к которым исподволь приступаю; рассчитывать еще на один «медовый месяц» (в литературной работе) в моем возрасте было бы легкомысленно.

- Кого из современных писателей вы читаете? Кого бы вы порекомендовали читать?

- Не могу сказать, что кого-то из нынешних писателей я тщательно отслеживаю и регулярно читаю, такой привязанности не вызвал ни один из нынешних мастеров прозы. Хотя в известной степени это объясняется занятостью в журнале. К тому же за годы редакторской работы я убедился, что далеко не всегда удачная заявка – первая публикация имеет столь же удачное продолжение. В моем представлении уровень новейшей прозы в сравнении с былыми годами не снизился. Но исчез и, кажется, безвозвратно, общественный резонанс. Уверен, что сегодня появиться хоть в каком-нибудь из журналов шедевр уровня «Казаков» или «Шума и ярости», он остался бы незамеченным: два-три десятка профессионалов перезвонились бы по мобильникам: «Читал, старик? Не пропусти!» - многозначительно поцокали бы языками и все!..

Но раз уж представилась возможность высказаться о прочитанном в последние годы, воспользуюсь ею.

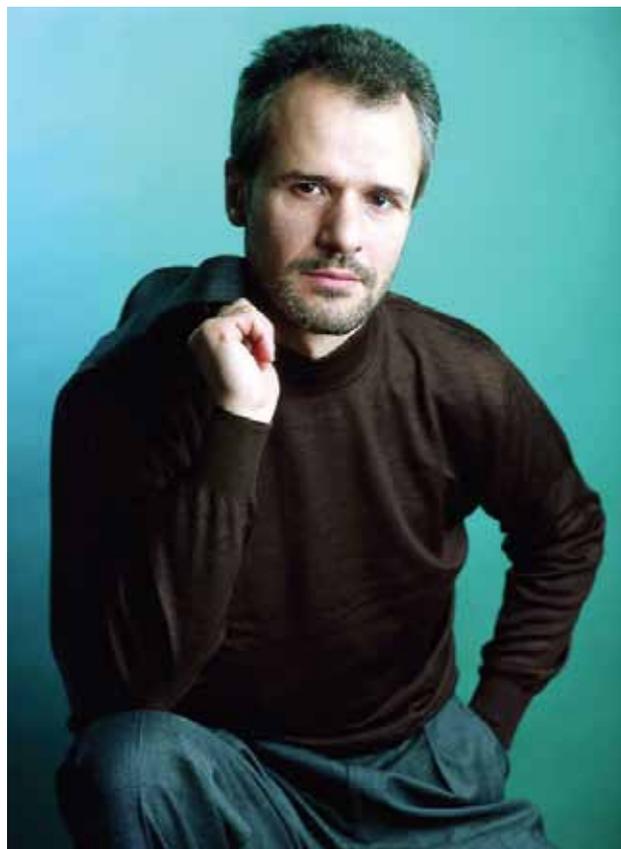
Незабываемое впечатление оставила маленькая повесть Владислава Отрошенко «Двор прадеда Гриши» - вещь удивительно свежая, увиденная испуганно-восхищенными мальчишескими глазами. Прозой исключительной силы написана вступительная глава «Человека без имени» алмаатинца Николая Веревошкина. Не случайно под впечатлением от ее прочтения мне позвонил из Брюсселя Чингиз Айтматов и заинтересованно расспрашивал: кто автор? Как писатель такого уровня мог остаться незамеченным? (Ко времени публикации повести в «ДН» Н.Веревошкину было сильно за пятьдесят). Мне близка и интересна проза Олега Павлова, Захара Прилепина, Юрия Буйды, Михаила Шишкина, Романа Сенчина. С интересом и земляческой симпатией слежу за работой славного тбилисского парня и хорошего писателя Дениса Гуцко – лет пять назад его роман «Без пути-следа» был отмечен Букеровской премией.

- Назовите, пожалуйста, десять самых важных для вас книг.

- Этот вопрос – именины сердца. Мало что может доставить писателю такое удовольствие, как напоминание о любимых книгах. Досадно только, что список слишком ограничен. Итак: «Дон-Кихот» Сервантеса, «Красное и черное» Стендаля, «В поисках утраченного времени» Пруста, Шекспир – и несть ему конца, трагедии и сонеты, «Иосиф и его братья» Томаса Манна, «Шум и ярость» Фолкнера; из русской классики – «Герой нашего времени», «Мертвые души», «Братья Карамазовы», «Война и мир», «Тихий Дон». Кажется, не уложился, хотя оторвал от сердца «Доктора Фаустуса», «Казаков», «Преступление и наказание», «Историю города Глупова», «Фиесту» и еще десятка два избранных.

В контексте ответа на этот вопрос непременно хочу назвать несколько замечательных книг грузинских писателей, созданных во второй половине минувшего столетия. Писателю малого языкового ареала трудно занять место на мировой орбите, но в самом отборном списке

▼ Игорь Эбаноидзе

уместны «Звездопад» Отии Иоселиани, «Ветер, которому нет имени» Отара Чхеидзе, «Дата Туташиа» Чабуа Амирэджиби, «Шел по дороге человек» и «Годори» Отара Чиладзе, «Вано и Нико» Эрлома Ахвеледиани, новеллистика Резо Чеишвили.

Так выглядит мой список самых важных книг. Что же до самой любимой, вот уже сорок лет ею остается «Одарю тебя трижды» Гурама Дочанашвили. Вся выдуманная – от первого до последнего слова, она играет и трепещет как яркий воздушный змей под закатными облаками. Знаменитая некогда студия «Грузия-фильм» прозвала материал для великого мирового вестерна. А ведь была студия, были и актеры на роли замечательных дочанашвилевских вакейро. Теперь ни студии, ни актеров, утешимся тем, что осталась книга. Уверен – надолго.

- Назовите, пожалуйста, событие, повлиявшее на всю вашу жизнь, человека, оказавшего на вас сильное влияние.

- Коль скоро вопрос поставлен о «всей моей жизни», ответ на него предусматривает ранний старт – в юности, если не в детстве. Таковым событием в моей юности было «Дело Дунаевского и других» - арест в 1957 году группы моих друзей за антисоветскую деятельность, выразившуюся в проведении литературных вечеров и диспутов антисталинской направленности. Если вспомнить, что годом раньше новый лидер страны выступил с разоблачением культа личности, такая строгость органов правосудия (проходившие по делу получили по 5 лет лагерей) необъяснима. По-видимому, мы перешли некую черту, и власть спохватилась «Антисталинизм – но в меру!» В сущности, на моей биографии «Дело Дунаевского и других» (так называли его зарубежные радиоголоса) не сказало, но вынужденная доставка на улицу Шевченко, где располагался республиканский КГБ, семичасовой допрос, а месяца через три грозно обставленный процесс в здании Верховного суда (взвод охраны со штыками наголо и прочая атрибутика) не могли не произвести впечатления на 18-летнего паренька. На этих событиях закончилась моя беспечная спортивная юность (я был чемпионом Грузии по метанию молота); подступала более серьезная пора.

Через 30 лет события 57-го года отразились в романе «Вниз и вверх» - упрямой и, кажется, не очень успешной попытке написать вещь без беллетризации, сложить из реальных блоков. До сих пор помню, как трудно далось мне этот non-fiction: самые лучшие эпизоды оставались грудой материала, не оживали, пока в работу не вводился «магический кристалл».

Другим значительным событием в моей жизни стал распад Союза с его трагическими последствиями. Случилось так, что я не заплатил за них кровью близких, как многие мои друзья, но они оторвали меня от Грузии, превратив то ли в туриста, то ли в визитера на родной земле (помню, как странно было в первый раз поселиться в Тбилиси в гостинице). Сокровенная мечта – вернуться к родному пепелищу – с годами все сильнее, а ее осуществление все призрачнее. Лет тридцать назад мудрый горец Кайсын Кулиев деликатно спросил меня: «Александр, не пора ли возвращаться на родину, пока есть силы и не порвались связи?» Он оказался прав – я опоздал.

Я не помню, чтобы кто-то из встреченных по жизни людей оказал на меня сильное влияние. Разве что друг детства и одноклассник Джамлет Нижарадзе – человек редкого благородства и рыцарственности. К жизненным коллизиям, через которые нам приходится проходить, всегда приложима шкала нравственных оценок, и всегда Джамлет жил на максимуме. Причем это не требовало от него специальных усилий, просто человек был так устроен. Он жил так, как мы мечтаем. Подражать ему не имело смысла, состязаться – тем более. Оставалось удивляться и радоваться, что такая порода не перевелась в Грузии. (За это Джамлет был убит выстрелом в затылок у двери своего дома).

Был еще один человек, и тоже в школьной юности, который очевидно повлиял на меня, но в этом случае, думаю, я стал объектом направленного педагогического воздействия. Георгий Александрович Курсавели, знаменитый директор знаменитой 43-й школы, крупная личность и выдающийся педагог, почему-то выделил меня из сотен учеников и всячески подчеркивал это. В сущности, в условиях жизни советской школы он как бы моделировал (не без иронии) ветхозаветную историю Иакова и Иосифа. Как видится с годами, с одной стороны это был необъяснимый каприз властного человека, который всегда немного самодур; но с другой – продуманный педагогический эксперимент: своим предпочтительным отношением Георгий Александрович укреплял незрелую душу, вселял в меня уверенность, самоуважение и силу. Не исключено, что так Учитель пестовал дар, который предположил во мне. Не случайно он так горячо откликнулся на мой литературный дебют «Брак по-имеретински»: написал большое взволнованное письмо, в котором проявил себя не только умным аналитиком, что не было для меня неожиданностью, но и тонким ценителем литературы; характеризуя особенность юной героини романа, он изобрел восхитительный оксюморон – «пробивная нежность»!

Наша дружба с незабвенным Георгием Александровичем продолжалась до конца его дней. Интересная подробность: с годами в общении мы перешли на грузинский, и это определенно нам нравилось – словно оба вернулись домой.

- Велика роль случая в вашей жизни, верите ли в судьбу?

- Право, не знаю, что сказать о роли случая в моей жизни. В молодости я был дважды на волосок от гибели – в 18 лет и в 24 года: на стадионе в Риге и в автомобильной аварии недалеко от Шорапани. В обоих случаях спасение было вполне случайным. Если считать, что судьба спасла мне жизнь для чего-то (к примеру, для дела, ставшего моей профессией), придется признать, что я не очень старательно отрабатываю долг. У моего однокурсника по Литинституту Саши Говорова были та-

кие строки (из памяти выпала только одна):

*До конца прощальных дней
что я сделал? Что успею?
С каждым годом все грустнее
долгожданный юбилей.*

*Грусть такая, ай-лю-ли,
словно утром рано-рано
у веселого цыгана
вороного увели.*

.....
*Он другого уведет.
Но такого... Но такого!
Но такого не найдет –
вороного...*

Вороного...

- Как говорят, сегодня учиться – «не круто», быть умным – странно. Как вы считаете, это некий тренд времени? Это временный процесс или впереди еще более худшие времена?

- Проблема, поставленная в этом вопросе так велика, что обстоятельный ответ занял бы слишком много места. Отвечу тезисно.

Крупнейшие современные мыслители склоняются к тому, что направление цивилизационного развития гибельно для человечества. Фактов, подтверждающих пессимистический прогноз, все больше. Речь далеко не только о демографических перекосах и экологических катастрофах. «Мы встречаем критический этап в развитии человечества в совершенно неподходящей конфигурации: с низкопассионарным населением, управлением, склонным к решению узкоэгоистических задач, неэффективной экономикой и потерявшей динамику культурой». Этот вывод С.Переслегина абсолютно точен, но несколько конъюнктурен.

В больших временных масштабах существенней то, что наиболее успешный сегмент цивилизационного развития – новейшей технологии – внушают все больше опасений: создавая человеку разнообразные удобства, как бы усыпляя бдительность, они приближают нас к осуществлению мрачных фантазий Брэдбери и других футурологов-пессимистов.

Уже сегодня видеоряд, вытесняющий слово, сдвинул человека в сторону примитивизации и огрубления внутреннего мира. Айфон вместо книги стал шагом в том же направлении. Гутэнберговское изобретение идеально совпадает с психическим устройством человека для восприятия художественного текста, замена книги экраном огрубляет контакт, лишает человека в общении с текстом тончайших рецепторов: не может быть, чтобы колокольня в Комбре сохранила в рамке экрана то же волшебство, что и на страницах книги!

Примитивизация и огрубление со временем скажутся (уже сказываются) на природе человека. Я согласен с Аполлинером, еще в 1907 году писавшим: «Следует спросить себя, не является ли так понимаемый прогресс свидетельством того, что наша эпоха ниже веков невежества, оставивших нам нетленные памятники своего терпения, из которых рождались разум и знания».

Но вернусь от футурологических прогнозов в наши дни. Социопсихологами разработаны способы измерения культурно-интеллектуального и духовного состояния общества. Все в один голос твердят о катастрофическом падении уровня культуры и называют происходящее культурной энтропией. Сверившись с заданным мне вопросом, вынужден признать что это т р е н д, и, увы, не временный, а долгосрочный. Остается одно – всеми имеющимися средствами противодействовать ему.

- Что вызывает у вас наибольший пессимизм в современном состоянии культуры?

▲ С Николаем Свентицим

- Наибольший пессимизм вызывают обстоятельства и явления, которых я коснулся выше. Надо признать, что изменению нравственно-интеллектуального климата активно содействовали социальные изменения: передача вождей в руки рынка. Как я отмечал, в борьбе со своим главным врагом – культурой – неуправляемая рука рынка обескровила и расштатала все ее институты: школу, высшее образование, науку и литературу. Для наглядности – совокупный тираж двух талантливых книг, изданных в 80-е и в 2000-е годы: «Отставший» В.Маканина и «Собиратель трав» А.Кима – 600 000 тыс. экземпляров; а «Степная книга» О.Павлова и «Персона вне достоверности» В.Отрошенко – 4000 тыс. экземпляров (с учетом переизданий разница еще разительней). Рынок микширует голос талантливого писателя до шепота, взамен оглушает децибелами китча и дешевки. Не думаю, чтобы рынок действовал сознательно и целенаправленно, просто такова его природа. А последствия неуправляемой стихии нам хорошо знакомы по многим примерам.

- Что вас вдохновляет, а что заставляет впасть в отчаяние?

- Вдохновляет меня то, что потребность противодействовать отмеченным тенденциям необорима. Противодействие это считаю обязательным, хоть и бесперспективным. Не отчаяние, но горькие сомнения закрадываются в душу, когда думаю о взрослении моих внуков: в каком мире им предстоит жить?

- Верите ли в бессмертие? И в чем оно выражается, на ваш взгляд?

- «Рождение – это та доля бессмертия, которая доступна смертному существу». Это мысль Сократа. Я солидарен с моим любимым мыслителем. Из его слов следует, что продление бытия (вплоть до бессмертия) возможно только в потомстве. Кровном. И творческом.

- В чем видите главный смысл того, что делаете?

- Тут я вспомнил послесловие к моей давней книге; приведу из него фрагмент, напрямую отвечающий на заданный вопрос. При всей одинокости и кустарности писательского ремесла литература делает общее дело. Подобно спасателям во время стихийных бедствий борется за жизнь, и подобно археологам открывает потаенную до времени красоту. И каждая подлинная удача – это отваленный камень или расчищенный завал, спасенное дитя или извлеченный из праха обломок статуи; и не столь уж важно, кто явит нашему взору голову Ники Самофракийской, а кто шлем воина или даже копыта кентавра – всему свое место в храме красоты. Работа ведется тысячи лет, на смену преодоленным опасностям и катастрофам приходят новые, а потаенной красоты в мире больше, чем явленной.

Беседовала
Инна БЕЗИРГАНОВА

МЕСТО ВСТРЕЧИ – ЗВЕНИГОРОД

Этим летом в творческой резиденции Союза театральных деятелей России «Звенигород» прошла VIII Международная летняя театральная школа под художественным руководством народного артиста России Александра Калягина, которая осуществляется в рамках программы поддержки русских театров стран СНГ и Балтии под патронатом Президента РФ.

Задачи школы за время ее существования остались неизменными – на один месяц объединить лучших молодых представителей современного театра из разных стран, создать им условия для профессионального обучения, творческого и дружеского общения, а в результате – поставить несколько новых спектаклей с участием всех учащихся школы.

Открывая VIII Школу, А.Калягин подчеркнул: «Мы гордимся этим проектом. Мы видим отдачу. Педагоги, режиссеры, мастера в Школе – изумительные. Но самое главное на проекте – это атмосфера интернационального единства, когда за одним столом сидят азербайджанцы, армяне, чехи, словаки, грузины, американцы, украинцы. Политика остается в стороне. Здесь царит дух творчества, любви и взаимопонимания».

Участниками проекта в этом году стали 82 молодых актера из 27 стран мира, в том числе и актеры Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова – Медея Мумладзе и Василий Габашвили. Претендентам пришлось пройти большой серьезный конкурс – 8 человек на одно место. За право учиться в Школе соревновались актеры из России и Германии, Чили и Канады, Украины и Сербии, Ливана и Чехии...

По насыщенности и разнообразию обучения Школа СТД, пожалуй, не знает аналогов. Все занятия проводят педагоги из ведущих театральных вузов Москвы и Санкт-Петербурга. Жизнь Школы – это ежедневные тренинги, мастер-классы, репетиции, занятия по всем основным профессиональным дисциплинам: актерское мастерство, сценическая речь, движение и фехтование, танец.

Занятия по сценречи вела старший преподаватель Театрального института им. Б.Щукина и ВГИКа, генеральный директор «Центра развития культуры речи» Елена Ласкавая. О секретах и правилах примерного дела рассказывал Николай Максимов, заслуженный деятель искусств РФ, педагог, автор портретного грима со-

тен ролей. В рамках Школы работали три актерские мастерские: профессора Клайпедского университета Гитиса Падегимаса; члена Совета Международной Ассоциации Михаила Чехова, заслуженного деятеля искусств РФ Вячеслава Кокорина; заведующего кафедрой актерского искусства Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, заслуженного деятеля искусств России, профессора Вениамина Фильштинского. Мастер-классы провели выдающиеся представители театрального дела, чьи имена не требуют особых представлений, - Сергей Женовач, Сергей Безруков, Адольф Шапиро, Евгений Стеблов.

Но главный итог обучения – это пять спектаклей, пять полноценных театральных проектов.

Сергей Голомазов, художественный руководитель мастерской в РУТИ-ГИТИС и Театра на Малой Бронной, поставил с учениками психологическую драму Анатолия Королева «Формалин». Дмитрий Брусникин, художественный руководитель мастерской в школе-студии МХАТ, представил спектакль «UFO» по пьесе Ивана Вырыпаева. Была осуществлена постановка кукольного спектакля по роману Николая Островского «Как закалялась сталь» под руководством главного режиссера Театра кукол им. С.Образцова Бориса Константинова и Евгения Ибрагимова, лауреата Национальной премии «Золотая Маска». Известный экспериментатор Дмитрий Филиппов (Мелкин) поставил уличный перфоманс «Лес». И, наконец, Альберт Альбертс и Александра Конникова представили хореографический спектакль «Возможность №8».

О своих впечатлениях, о самых ярких событиях Летней школы-2014 «Русскому клубу» рассказали сами участники – грибоедовцы Медея Мумладзе и Василий Габашвили.

- Вы чувствовали себя учениками или профессионалами?

В.Габашвили. Я ощущал себя учеником. И даже не ожидал, что за один месяц можно столько получить в профессиональном плане, узнать так много по речи, пластике, гриму, фехтованию. И успеть поставить спектакль.

М.Мумладзе. Несмотря на то, что мы столько лет работаем в театре и с нами обращались, как с коллегами, мы учились. Все было интересно и разнообразно, важно и необходимо.

- Сложно было?

В.Г. Мы успевали все – ходить на лекции, репетировать, делать ежедневные домашние задания...

М.М. Мы занимались не с 9 до 9. Порой полночи репетировали. В 8 часов были уже на ногах, а засыпали, самое раннее, в 4 утра. Артисты, которые ставили кукольный спектакль, вообще работали ночи напролет. А усталости никакой не было. Все время хотелось все больше и больше репетировать, учиться и просто общаться.

- По какому принципу учащихся отбирали в спектакли?

М.М. Мы все прошли кастинг. Каждому давалось три минуты – прочитать стихи, станцевать, спеть.

В.Г. Волновались, как при поступлении в театральный.

- В какой спектакль выбрали вас?

В.Г. К Дмитрию Брусникину в спектакль «UFO». По содержанию – это короткие истории людей, имевших контакт с внеземной цивилизацией.

- Брусникин, он какой?

М.М. Я в него влюбилась.

В.Г. У него какой-то подход удивительный к артисту. Мне, я признаюсь честно, было сложно выучить текст. Вырыпаев – драматург очень необычный. Логика у него вразброс, и логически запомнить текст невозможно. И Дмитрий Владимирович, на 5-й или 6-й репетиции, после того, как я опять напутал с текстом, вместо того, чтобы рассердиться, сел и спокойно так сказал: «Вася, что с тобой? Ты такой талантливый. Я знаю, что ты помнишь этот текст. Давай, говори!» И вдруг я понял, что действительно помню весь текст. Какая-то магия произошла...

М.М. Он довольно строгий. Но так поддерживал, так помогал... В конце с нами больше работал не он, а его ассистенты, потому что у Брусникина самого была премьера. Когда мы играли в Москве, а у него начинался спектакль через три часа, он все-таки приехал, чтобы обнять и пожелать удачи!

- Вы показывали спектакль в Москве?

В.Г. Да, а еще – в Театральном центре СТД РФ «На Страстном», Культурном центре имени Любови Орловой в Звенигороде и Истринском драматическом театре.

- Каково впечатление от остальных четырех спектаклей, поставленных в рамках Школы-2014?

М.М. Потрясающее.

В.Г. Кукольный спектакль «Как закалялась сталь» меня особенно поразил. Там артисты играют на сцене вместе с куклами. Он сложный технически, выстроен на массе нюансов, деталей... Как они смогли все это выучить, запомнить? Иногда я даже не понимал, каким образом они достигают таких поразительных визуальных эффектов, когда на двоих глазах преобразуется пространство. Это был и театр теней, и пластический театр, и вокальная постановка.

М.М. Был еще удивительный перформанс «Лес» - пластический спектакль с потрясающими трюками.

- Простите меня за такой вопрос, но не было ли ощущения самодельности? Было ли заметно, что это играют молодые профессиональные актеры?

В.Г. Абсолютно. О нас пусть скажут другие, но когда мы смотрели спектакли коллег, видели настоящую профессиональную работу.

- А как обстояли дела с чистотой вашей русской речи?

В.Г. Я играл ирландца, и мне пришлось говорить с акцентом.

М.М. А я играла англичанку, и мне тоже понадобился акцент. Кроме того, там были люди, которые вообще не говорили по-русски – из Чили, Сербии, Германии. Они занимались с переводчиками. Серб, например, вначале знал всего слов пять на русском, а в конце учебы – заговорил. Мы ему тоже помогали – в нашем спектакле он должен был выучить большой монолог.

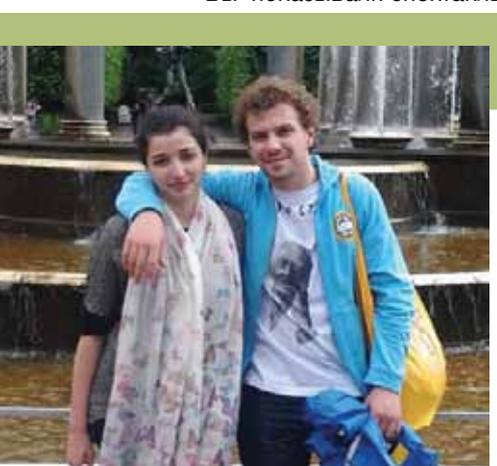
- В школе работали три актерские мастерские. У кого занимались вы?

В.Г. У Вячеслава Кокорина. Мы как раз и просились именно к нему.

- Почему?

В.Г. Он преподает по системе Михаила Чехова. Это было незнакомо, интересно.

М.М. Нас все-таки учили по Станиславскому, и мы хотели узнать что-то новое. И это было потрясающе. За неделю у Кокорина

▲ Медея Мумладзе и Василий Габашвили

▲ Александр Калягин и Дмитрий Мозговой

мы научились тому, чему нас учили четыре года.

- Станиславского не предали?

В.Г. Нет, нет! Вячеслав Всеволодович большой знаток этого дела, и сразу дает практические знания.

М.М. Он подарил нам профессиональные ключики, которые мы теперь можем всегда применять.

В.Г. И научил тому, что очень важно для актера – как правильно получать энергию и как ее отдавать.

- А друзей много появилось?

Вместе. Все 80!

В.Г. Это не просто товарищеские, а дружеские отношения. Прощаясь, мы все писали друг другу пожелания – на майках, буклетах... Я всем писал по-грузински и просил – когда встретитесь с грузином, попросите, чтобы он вам перевел.

М.М. А все 16 человек, которые были заняты в спектакле «UFO», стали для меня семьей. До такой степени, что я иногда забывалась и начинала говорить с ними по-грузински.

- И никакой политики?

В.Г. Конечно, нет. Там, например, были участники из Украины, и, несмотря на сложности, которые сейчас есть между Россией и Украиной, все было вместе, рядом. Вообще, мне кажется, что за этот месяц во мне что-то кардинально поменялось, я стал по-другому мыслить, иначе относиться к профессии.

М.М. Как будто жить стало легче.

Нина ШАДУРИ

P.S.

Что запомнится навсегда участникам Летней школы-2014? Ночные репетиции, щедрость и мудрость мастеров, выступление на московской театральной сцене, воздушные шары, выпущенные в небо в день прощания... А еще – настоящая дружба людей, безгранично преданных выбранной профессии, у которой, как давно известно, нет национальности. Актер актеру – брат.

На прощальном вечере один из участников сказал: «Летняя школа еще раз доказала, что у искусства нет границ». И под общий добрый смех и аплодисменты добавил: «Хотя Габашвили сейчас снова скажет, что все люди – грузины!»

НЕСГИБАЕМАЯ НОРА

Наше знакомство, столь внезапное, неожиданное, могло никогда и не произойти, если бы не ряд предшествовавших ему счастливых случайностей. Когда в 2010 году в Москве в издательстве «Прозаик» вышла первая книга моих воспоминаний «Было – не было...», я подарил ее сценаристу и литератору Павлу Сиркесу. В 70-х годах он занимался в мастерской на Высших сценарных курсах, которой руководили мой друг кинодраматург Константин Славин и ваш покорный слуга.

Павел Сиркес со своей женой, известной нашей поэтессой Тамарой Жирмунской, уже давно живет в Мюнхене. И я понятия не имел, что, прочтя мою книгу, он опубликовал нечто вроде рецензии в одной из газет Германии, выходящей на немецком и русском языках. Это издание адресовано главным образом переселенцам из Советского Союза, «русским немцам», которых в Германии, говорят, около двух миллионов...

В своей рецензии Сиркес кратко упомянул историю моей семьи и моего дяди (брата матери) Эрнста Лампартера, талантливого инженера, одного из создателей первой в Грузии гидроэлектростанции «Загес», которая до сих пор снабжает электроэнергией Тбилиси. В 1937 году он был арестован и расстрелян.

Оказалось, что сразу после опубликования этих материалов с редакцией газеты связалась читательница из Кельна и сказала, что хорошо помнит Эрнста Лампартера, большого друга ее отца, который тоже был репрессирован, но остался жив. Павел немедленно сообщил мне об этом, и я был взволнован столь неожиданным «голосом из прошлого».

В ту весну и лето я находился на юге Германии, в Рейнской области, у друзей, работая над этой книгой. Узнав телефон незнакомки, я тут же решил позвонить ей в Кельн. И пока набирал ее номер, подумал: сколько же ей лет, если она помнит такое далекое время?

Тут в трубке раздался достаточно бодрый женский голос, назвавший сразу (как принято в Германии) свою фамилию:

- Пфайффер!

Поздоровавшись и представившись, я спросил, как ее величать. Она тут же, по моему не лучшему немецкому и фамилии, поняла, что я из России, и сразу перешла на русский:

- Зовите меня просто Нора. Отчество называть здесь не принято...

▲ Борис Добродеев

Оказалось, что она действительно помнила очень многое... И такие детали, которые придумать невозможно. Как с родителями часто ходила в гости к моему дяде, жившему неподалеку от них, на Плехановском проспекте, напротив Михайловской больницы, как любила рассматривать у него на веранде коллекцию диковинных кактусов, а по вечерам слушать вальсы, которые играл духовой оркестр в летнем парке Закавказского военного округа (ЗАКВО), примыкавшем к дому дяди Эрнста.

Вспомнила Нора и как они семьями ходили по воскресным дням на богослужение в лютеранскую церковь, расположенную почти рядом, на пересечении Плехановского проспекта и Кирочной улицы... Она даже пришел мне потом фотографии этой строгой готической церкви, которую разрушили уже после войны, руками немецких военнопленных... Такое вот садистское наказание.

Когда Нора сказала, что ее отец Густав Пфайффер в течение двадцати лет был директором немецкой школы в Тифлисе, я сразу вспомнил, как все родители стремились устроить своих детей в эту образцовую школу, в которой учился мой старый товарищ, известный кинодраматург Анатолий Гребнев, и даже Серго, сын самого Лаврентия Берия.

В наше первое знакомство я не стал утомлять ее больше расспросами, но на следующий день она сама позвонила, попросила прислать мою книгу, о которой узнала, прочтя статью Павла Сирвеса. И поинтересовалась, сколько мне лет...

- Ну по сравнению со мной вы еще молодец!.. - А мне уже девяносто два... Но карабкаюсь дальше... Может, допозду и до столетия? - рассмеялась она. - У меня ведь серьезная закалка. Двадцать лет за полярным кругом, на Таймыре. Оттуда даже олени сбегают

на юг... - И она снова, уже невесело, рассмеялась. Сказала: - Звоните мне, пожалуйста, и почаще...

И мы, что ни день, стали подолгу разговаривать по телефону. Нора не сразу поведала мне свою драматическую историю. Сперва только отдельные фразы, эпизоды... И достаточно сдержанно, скупое. Лишь постепенно я стал узнавать, что она пережила на своем веку...

Все светлое, доброе, радостное в жизни Норы обрвалось, когда ей исполнилось шестнадцать лет. Арестовали отца, а вскоре и мать. В Германии пришел к власти Гитлер, и после этого все немцы, в течение нескольких веков жившие и честно трудившиеся в России, попали под подозрение. С каждым годом число арестованных немецких «шпионов» все росло и росло.

Отца Норы Густава Пфайффера, одного из самых уважаемых людей в Тбилиси, несколько лет держали в Авлабарской тюрьме, бесконечно допрашивали, требовали признать, что он тоже тайный германский агент. И вдруг характер допросов странным образом изменился. Следователей стала интересовать знакомая Пфайффера, тоже немка. Она уже много лет жила в семье Лаврентия Берия, исполняла обязанности домоправительницы и воспитала его сына Серго, занималась с ним немецким языком, чтобы тот, уже учась в немецкой школе, еще лучше освоил его. Женщина эта стала близкой подружкой жены Берия, почти родным для семьи человеком.

▼ Нора Пфайффер

Эти неожиданные вопросы следователей насторожили Густава Пфайффера. И ему каким-то невероятным образом удалось передать из тюрьмы дочери, что затевается что-то против их знакомой немки, живущей в семье Берия. Он просил об этом немедленно ей сообщить.

Нора связалась с Серго, которого знала по школе, и тот, вероятно, тут же передал все отцу, занимавшему в те годы пост первого секретаря ЦК компартии Грузии, уже ставшему всемогущим хозяином республики. Допросы Пфайффера в тюрьме вдруг прекратились, а вместо обещанного расстрела его приговорили к десяти годам заключения в лагере. И быстро выслали из Тбилиси.

Нора была убеждена, что чекисты готовили западню самому Берия, но их хитроумный план почему-то сорвался. Не нужно обладать способностями Шерлока Холмса, чтобы сопоставив исторические факты, догадаться, что могло произойти тогда.

Шел уже 1937 год. На Лубянке воцарился палач Сталина Николай Ежов. Но хозяин вскоре понял, что «мавр сделал свое дело» и его пора убрать. И решил на его место назначить своего выдвиженца Лаврентия Берия, которому поначалу очень доверял. Слухи об этом из Кремля не могли не дойти до Лубянки. И видимо, Ежов решил опередить опасные для него события, попытаться скомпрометировать соперника в глазах вождя. Повод нашелся без труда. Чекистов уже давно раздражало, что в доме Лаврентия Павловича живет немка. И очевидно, созрел план: обвинить эту женщину в шпионаже, а Берия – в потере политической бдительности, поскольку немка могла выведать важные государственные секреты. И тогда песенка Берия была бы спета. Но Лаврентий чекистов успел опередить. Для этого достаточно было одного телефонного звонка Сталину.

В 1938 году Лаврентия Берия перевели в Москву, на первых порах – на должность заместителя Ежова (вот была для того «радость»). Вскоре Берия вселился в его кабинет, возглавив Наркомат внутренних дел СССР. Ежов покатился...

Все это я вспоминаю потому, что иногда в судьбы простых честных людей (в данном случае отца Норы) фатально вторгается большая политика со всеми ее гнусностями и грязью. И они становятся пешками в большой придворной игре.

А в жизни Норы произошли вскоре большие перемены. Она еще училась в Тбилиском педагогическом институте, когда пришла первая любовь... Она вышла замуж за молодого грузина Юрия, очень гордившегося тем, что был внуком католика Грузии Калистрата. Хотя религия в Советском Союзе влачила жалкое существование, в Грузии к ней всегда относились более уважительно. Потом произошло другое радостное событие: Нора родила сына Резо. Она ласково звала мальчика Бубой.

И тут война. Муж ушел на фронт, Нора молилась, чтобы он остался жив. И новая беда. 19 октября 1941 года из Москвы пришел приказ: немцев, состоящих на оперативном учете как «антисоветский элемент», арестовать, остальных в течение 24 часов выселить из Закавказья и направить в Казахстан и Сибирь. Слово «депортация» постарались заменить «переселением».

Насильственному переселению подверглось все немецкое население Советского Союза – около миллиона человек. Их выслали в дальние восточные районы страны с Украины и Крыма, из Поволжья и Се-

верного Кавказа – из всех российских городов. Для оправдания этого беззакония была придумана чудовищная фальшивка. В указе Президиума Верховного Совета СССР за подписью М.И. Калинина говорилось: «По достоверным сведениям, среди немецкого населения Поволжья имеются тысячи и десятки тысяч (!) диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья». Выходит, что хотели взрывать свои села.

Но можно себе представить, как население страны, охваченное паническими настроениями из-за стремительного наступления германской армии, ненавидящее фашистов, отнеслось к этому правительственному сообщению о советских немцах – «предателях», которых, как змею, приютил у себя российский народ?

Нору оставили в Тбилиси только потому, что она была замужем за грузином, да еще фронтовиком. Но все ее братья и родственники через сутки были вывезены. При этом вышел приказ: все, кто попытается бежать, будут приговорены к двадцати годам заключения. Хотя фактически они и так попадали в условия ГУЛАГа. Всех мужчин отправили на «трудовой фронт» – они стали работать в шахтах, на рудниках на прокладке тоннелей и дорог, всегда под неусыпной охраной, их заставили жить в бараках и получать еду по арестантским нормам. Женщин загнали в глухие деревни – на полевые работы, фермы, ухаживать за скотиной, пасти отары. Все немцы, веками сроднившиеся с Россией, были фактически объявлены врагами.

Нора осталась совсем одна, с незадолго до тех событий родившимся ребенком да с беспомощным дедом, не поднимающимся с постели. Потому его и «пожалели», не сослали с другими. И все было проблемой – питание для ребенка, отсутствие тепла зимой... Да и денег, конечно...

В эти трудные 1941-1943 годы Нору морально поддерживали только грузинские друзья-студенты. Они были «вольнодумцами» и слишком откровенно высказывались по поводу действий советского правительства, приведших к ужасным последствиям в первые годы войны. Поздней осенью 1943 года пришло неожиданное известие: муж Нору жив, но тяжело ранен и находится в военном госпитале в Барнауле. Вот куда завезли его!.. Именно в те дни скончался ее больной дед. Похоронив его и договорившись с родственниками мужа, что они на время возьмут на себя заботы о ее малыше (сыну Бубе шел уже третий год), она решила немедленно ехать к мужу, поддержать его...

Но в вечер перед отъездом за ней пришли чекисты. Когда они уводили ее, проснулся Буба и, не понимая, что происходит, сонно спросил: «Мама, ты куда?» Что она могла ему ответить?.. И чтобы он не испугался, сказала первое, что пришло в голову: «Я за елочкой,

сын... Я скоро вернусь». Но увидит ее Буба уже юношей – только через четырнадцать лет!

И начался путь Нору на Голгофу. Изнурительные ночные допросы, одиночная грязная камера, карцеры, унижения, следователь Маркаров, который говорил ей: «Если докажешь, что ни в чем не виновна, получишь десять лет. А так...» Он угрожал расстрелом.

От нее требовали признания, что она сообщница «антисоветских заговорщиков» - группы знакомой ей грузинской молодежи, среди которых самым юным был Чабуа Амирэджиби, потомок великокняжеской фамилии, в будущем – знаменитый грузинский писатель, автор романа «Дата Туташиа», переведенного на десятки языков мира (в 80-е годы по этому роману сняли одноименный многосерийный художественный фильм, с огромным успехом демонстрировавшийся по всесоюзному телевидению).

Чтобы не подвести друзей, она долго отрицала свое знакомство с ними, но ничего не помогло. На закрытом процессе несколько обвиняемых молодых людей были приговорены к расстрелу. Чабуа Амирэджиби как самого юного «пощадили» – приговорили к двадцати пяти годам заключения, а к Норе как к матери маленького ребенка проявили особое «снисхождение» – приговорили к десяти годам лагеря и впоследствии – к десяти годам ссылки.

Норе даже казалось, что судья был благосклонен к ней.

- Грузины любят молоденьких красивых блондинок, - со смешком говорила она мне. - А я тогда была недурна собой. И когда уставала стоять часами во время судебного процесса, он говорил только мне: «Садьтес, садьтес...» И плотоядно посматривал в мою сторону.

И началась жизнь по этапу – в арестантских вагонах, на баржах по Енисею, в лагерных бараках с «урками», в брезентовых палатках – в любые морозы... Долбила кайлом мерзлую землю в Заполярье, разгружала баржи с углем, погибала в пургу... Потом посчастливилось устроиться работать в медсанчасть...

Но больше она вспоминала не зло, которое ей причинили, а добро – от таких же бедолаг, как она, русских и латышей, евреев и поляков... Они не раз спасали ее

от смерти...

Когда отсидела свой срок в лагерях, помер Сталин. В ссылку Нора попросила направить ее туда, где теплее. И где находились ее родители, уже на вольном поселении. Но ее загнали в глухую казахскую степь, в маленький поселок.

Нора попросилась в местную школу преподавать немецкий язык.

- Ишь, чего захотела! Фашистскому языку учить наших детей! Пойдешь пастухом. Овец пасти!..

И Нора стала пасти отары. И этому ей пришлось научиться.

Но отвлечемся на момент от судьбы Норы, чтобы вспомнить, какие политические виражи делало советское руководство, как манипулировало судьбами целого народа – советских немцев. Обвинив их в 1941 году в поголовном предательстве, Президиум Верховного Совета СССР 13 декабря 1955 года своим решением, уже за подписью К.Е. Ворошилова, «смягчает» режим переселенцам и тем, кто был мобилизован на трудовой фронт. Теперь они выводятся из-под неусыпного надзора МВД, но им запрещено возвращаться в места их

советских немцев уже заселены другими жителями, и, следовательно, нужно помочь немецким переселенцам лучше обосноваться там, где они оказались в 1941-ом. То есть, хотя запрет на возвращение и снят, но возвращаться немцам некуда...

Пройдет еще несколько лет, и новым указом Президиума Верховного Совета СССР, уже за подписью Н.В. Подгорного, советская власть наконец милостиво разрешит (через тридцать один год после депортации!) «снять все ограничения в выборе места в отношении немцев и их семей и разрешить пользоваться правом избирать место жительства на всей территории СССР».

Но поезд уже ушел... Когда в годы перестройки будет предпринята попытка воссоздать автономную республику немцев Поволжья в составе РСФСР, Саратовский обком КПСС быстро организует «протесты» якобы местного населения против этой идеи под лозунгами: «Лучше СПИД, чем немцы», а местный комитет партии «Родина» выступит с таким заявлением: «То, что не удалось Гитлеру в 1941 году, пытаются сделать сейчас с помощью Москвы».

Небольшая справка: на месте нескольких довоенных немецких колхозов-миллионеров теперь пустошь. К годам перестройки в Поволжье было загублено более 600 тысяч гектаров плодородной земли. Так стоит ли удивляться, что, видя такое к себе отношение (и не только в Поволжье), сотни и сотни тысяч советских немцев (как теперь их зовут, «русских немцев») вынуждены были покинуть свою родину и уехать на другую историческую родину – в Германию. И Россия потеряла огромное количество умелых, работающих рук.

Уехала и Нора.

Но вернемся к ее истории. Еще находясь на Севере, будучи каторжанкой, она получила из Тбилиси известие, которое буквально стало выстрелом в ее сердце – муж Юрий, вернувшись из госпиталя, решил

не ждать ее возвращения и довольно быстро женился на грузинской девушке, которая вскоре написала Норе оскорбительное письмо.

Конечно, можно найти этому оправдание чисто житейское – ждать Нору надо было долгие-долгие годы, да и вернется ли она живой... А он молод и надо поставить на ноги Бубу, да и после ужасов войны и тяжелого ранения хочется наконец нормальной семейной жизни...

Все так. И все-таки не так... Ведь иные мужья и жены, преодолевая все, ждали годы и годы, чтобы соединиться с любимыми. Но, видимо, это был не тот случай, не та любовь... Словом, поэтическое заклинание поэта Константина Симонова в военные годы «жди меня, и я вернусь, только очень жди» не сработало.

Наконец, уже в середине 50-х, Нора освободилась и переехала в Алма-Ату. Доучилась в тамошнем уни-

прежнего проживания, а конфискованное имущество не подлежит возврату. Так что наша Нора все еще не имела права вернуться в Грузию, к сыну (о муже я расскажу ниже).

Прошло еще около десяти лет, и 24 августа 1964 года советское руководство было вынуждено со скрипом признать вину перед немцами – гражданами СССР. В указе Президиума Верховного Совета СССР за подписью Микояна говорилось: «Жизнь показала, что огульные обвинения в отношении советских граждан немецкой национальности в активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам были неосновательны, явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина».

Как хорошо, что все можно свалить на мертвого тирана. Но тут же опять ложка дегтя в бочке меда. В указе говорилось, что места прежнего проживания

верситете и там же стала преподавать, а еще работать в местной газете и диктором на немецком радио – для немцев, сосланных в Казахстан. И стала писать стихи для детей, пользовавшиеся большим успехом у маленьких читателей. Она словно писала их для своего Бубы, выросшего вдали от нее. И без нее. Эта рана была еще тяжелее, чем измена мужа, который предал Нору, когда она так нуждалась в поддержке. Этого она не простит ему никогда.

А сын Резо, которого теперь уже неловко было звать Бубой, став юношей, решил поехать пожить у матери, которую, как видно, не мог забыть и тосковал по ней. Возможно, ему жилось несладко с новой семьей отца. И долгожданная встреча наконец состоялась в Ташкенте, куда он прибыл поездом. Какое потрясение испытала Нора, увидев его через столько лет! В первый момент она просто потеряла сознание. Но эта встреча буквально возродила ее...

Прошел месяц с момента нашего заочного знакомства, а мы по несколько раз в неделю продолжали говорить с Норой по телефону. И тут я узнал еще об одной страшной беде, что обрушилась на нее, когда она была уже совсем не молода.

Нора так гордилась своим Ревазом! Ее сын вырос умным, порядочным, интеллигентным человеком. Было очевидным, хотя и с запозданием, влияние матери. Он окончил Тбилисский университет, увлекся немецкой литературой и философией. Видимо, сказалась его немецкая «половинка». Реваз стал ученым, доктором филологических наук, одним из самых авторитетных специалистов по творчеству выдающегося немецкого писателя, лауреата Нобелевской премии Германа Гессе, одного из самых читаемых авторов в Европе, в Америке и даже в Японии.

По творческому наследию Гессе часто проводятся научные конференции. В них принимал участие и сын

Норы Реваз Каралашвили. У него была уже семья, росли дети – внуки Норы. В 1988 году Реваза опять пригласили в Германию, на семинар по творчеству Гессе. И именно там, на родине своих далеких предков, он внезапно умер. Немецкие врачи констатировали: секундная смерть, смерть от «крадущегося инфаркта».

«Умерло мое единственное счастье», - говорила мне Нора.

Она прилетела на похороны в Тбилиси. Сын лежал в гробу, как живой. Красавец. Ему было только сорок семь... Она сидела рядом, ничего не видя, не слыша. Вдруг кто-то положил ей руку на плечо. И долго стоял рядом. Это был Чабуа Амирэджиби, лучше всех понимавший цену этой потери Норы, той, что так стойко держалась когда-то в одной с ним группе «заговорщиков».

И все-таки Нора не сдалась. У нее остался внук, потом появились уже правнучки. Несколько лет она прожила в Москве, работала редактором в издательствах, печаталась в газетах. Но потом поняла: чтобы сбросить с себя груз тяжелых воспоминаний, преодолеть тоску по умершему сыну, надо кардинально переменить обстановку. И в 1992 году она навсегда покинула страну, принесшую ей столько горя. В возрасте семидесяти трех лет она уехала в Германию, откуда несколько веков назад переселились в Россию ее далекие-далекие предки.

Я долго не знал, что Нора пишет стихи, что она начала их сочинять в Заполярье, в самые трудные годы... И конечно, не знал, что она известная немецкая поэтесса. Да, она всю жизнь писала их на языке своей семьи... Писала о пережитом. А когда освободилась, уже в Алма-Ате, тоскуя по сыну, как я уже сказал, она стала писать их для детей. Чудные, добрые стихи. Их стали печатать в немецких газетах и журналах, ставших после войны выходить в Казахстане, где проживали сотни тысяч депортированных немцев.

Потом их стали переводить и издавать и в Москве. А когда Нора переехала в Германию, ее чествовали в Берлине немецкие писатели. И стали уже там издавать сборники ее стихов. Прочитать мне что-нибудь по телефону она отказалась: «Я не Белла Ахмадулина. Не умею». Но потом прислала мне свой поэтический сборник. На обложке стояло название – на немецком и на русском: *Zeit der Liebe* – «Время любви».

Признаться, соотношение названия и возраста автора меня несколько смутило, и лишь потом я понял, как широко толковала она это слово – любовь к жизни, любовь к людям, любовь к близким... Даже страдая, люби!

Я наугад раскрыл одну из страничек этой книги и прочел:

*Еще я не могу
Забить свой день вчерашний,
Еще свою тоску
Мне всю измерить страшно,
И горе все со мной,
Им долгий путь отмечен,
Как лист перекидной
В неведомую вечность.*

Как все просто, емко сказано ею о своей страшной судьбе! И я дочитал уже вслух:

*Еще я не могу
Поверить равнодушью,
Еще я берегу*

*Бунтующую душу.
Нирвану я молю:
Как призрак не маячь,
Еще я жизнь люблю,
Еще люблю и плачу.*

Ниже стояло: «Кельн, 20.01.1993. Перевод Бориса Дубровина».

Из других стихотворений в ее сборнике мне показалось очень личным вот это:

*Гроза, удар
порывистого ветра,
ночной кошмар
на тыщи километров,
Гудит и воет бешеная ночь,
гроза, гроза,
всклокоченные тучи,
слепит глаза
блеск молнии летучей,
и снова взгляду
тьму не превозмочь,
и вдруг – как плеть –
неистовство желанья
к тебе лететь сквозь тьму и расстоянья.
Хоть Маргаритой на метле
к тебе нестись
и силой ведьмы
вырвать у судьбины,
чтобы все горе от тебя отринуть,
и пусть за это
жизнью заплачу!*

Это было так чувственно, так эмоционально! Я перечитал всю книгу. На одной страничке был немецкий оригинал стихотворения, на другой – перевод на русский. Как я пожалел, что не знаю немецкий настолько, чтобы еще глубже ощутить силу поэтического дара Норы!

Позвонив ей, я высказал ей свое восхищение.

- Ну вам виднее... - скупой отозвалась она.

Тогда я набрался храбрости и спросил о втором стихотворении:

- Это была любовь?

- Была да сплыла... - так же скупой ответила она. Но после паузы продолжила: - Я была уже немолода. Все произошло так неожиданно, когда я встретила этого человека. В Грузии, куда я изредка приезжала. В Пицунде. Мне показалось, что он тот, кого я ждала всю жизнь. Ради него я переехала в Москву, знаете, последняя любовь бывает такой же сильной, как первая... Но все проходит...

Больше мы на эту тему не говорили.

Лето уже подошло к концу, когда она сказала мне:

- Вот вы уедете, а мы так и не повидаемся... И вы не увидите, как я тут обосновалась... За долгие годы

моей бродячей жизни я наконец свила себе здесь уютное гнездышко. И очень его полюбила... У меня две небольшие комнаты с верандой... В одной из них диван специально для гостей. Приезжайте!

Я поблагодарил и извинился, что не могу приехать из-за больных ног. А друзья мои очень заняты.

- Жаль... - грустно сказала она. - Беседа хороша, когда глаза в глаза... Телефонный разговор – это совсем другое...

Потом я тысячу раз пожалел, что не попытался все же организовать эту поездку. Вскоре почтальон привез посылочку из Кельна. В ней было изготовленное рукой Норы грузинское лакомство хачапури и кипа фотографий.

- Хачапури – это вам в память о нашем Тбилиси, – говорилось в ее записке, - и фотографии, чтобы вы все-таки увидели, как я здесь живу.

На цветных снимках была представлена вся ее квартира. Множество книг и фотографий на стене. И даже кожаный диван с пледом, который меня так и не дождался... Поражало целое море цветов повсюду. Самых экзотических. И я вспомнил ее рассказ о том, как даже в лагерном медпункте, в бараке, она умудрялась выращивать, как в теплице, свои любимые цветы.

Я обратил внимание на одну фотографию. Там под большим зеркалом на трюмо стояло много разной косметики. И я подумал: женщина всегда женщина, в любом возрасте. Судя по всему, Нора очень следила за собой, не хотела выглядеть неопрятной. Она была уже стара, но не собиралась становиться старухой. А душой она оставалась молодой...

Все то лето в каждом нашем разговоре она общалась, что очень ждет внука Отара, что он должен приехать к ней в Кельн. Но все задерживают дела в Тбилиси, где он, специалист по дизайну, преподает в каком-то вузе... Да и летать очень дорого. Не по карману сегодняшней грузинской интеллигенции...

Когда я вернулся в Москву, я всю осень, зиму и начало весны звонил в Кельн. Наши разговоры с Норой обо всем на свете стали какой-то очень дорогой частью моей жизни. Но в начале апреля 2012 года Нора перестала подходить к телефону. Он был отключен. Встретившись, я стал пытаться через немецких друзей как-то узнать, что с ней... Ничего не получилось. Наконец я достал телефон ее внука в Тбилиси. Позвонил. Подошла его жена и сказала: «Отара нет. Он улетел в Кельн. На похороны бабушки...» Это прозвучало так буднично и так для меня больно...

Уже потом я узнал, что врачи внезапно обнаружили у Норы рак горла. От операции она отказалась. Скоро она уже не могла говорить. Но сознание было ясным. Когда к ней в палату пришла знакомая, она взяла ручку и на листе бумаги написала: «Привет всем!». Через несколько дней ее не стало.

Как благодарен я судьбе, что на самом излете ее жизни я имел счастье познакомиться с этой удивительной женщиной, подлинной героиней, так достойно и мужественно прошедшей через все испытания, выпавшие на ее долю. Прощай, Нора...

Борис ДОБРОДЕЕВ

ТРЕТИЙ НЕ ЛИШНИЙ

У этого супермужского вида спорта миллионы почитателей, его любят, ему поклоняются, лучшие мастера кожаной перчатки соперничают в славе с кинозвездами. Бокс способен из слабого сделать сильного, из безвольного – волевого, из труса – храбреца, устремленного к победе.

Завораживает сама обстановка соревнований. Утопает в полумраке огромный спортивный зал, и только в центре его, в квадрате ринга, залитом светом ярких ламп, высвечиваются фигуры двух боксеров.

Есть еще третий участник, следующий за соревнующимися, как тень. До зрителей доносятся его резкие команды. Ему беспрекословно повинуются боксеры, чемпионы послушно опускают голову. Он рефери – глаза и совесть на ринге. Человек, способный, как и судья на футбольном поле, превратить соревнование в праздник. Или испортить его. Последних не уважают, их ошибки остаются в памяти на многие годы. Их просто перестают ставить на ответственные поединки.

Тбилисец Николай Айрапетян – известный арбитр, обладатель всесоюзной, европейской и международной категорий, принимал участие в судействе многих крупных боксерских турниров, включая Олимпийские игры. Его судейский стаж насчитывал сорок пять лет.

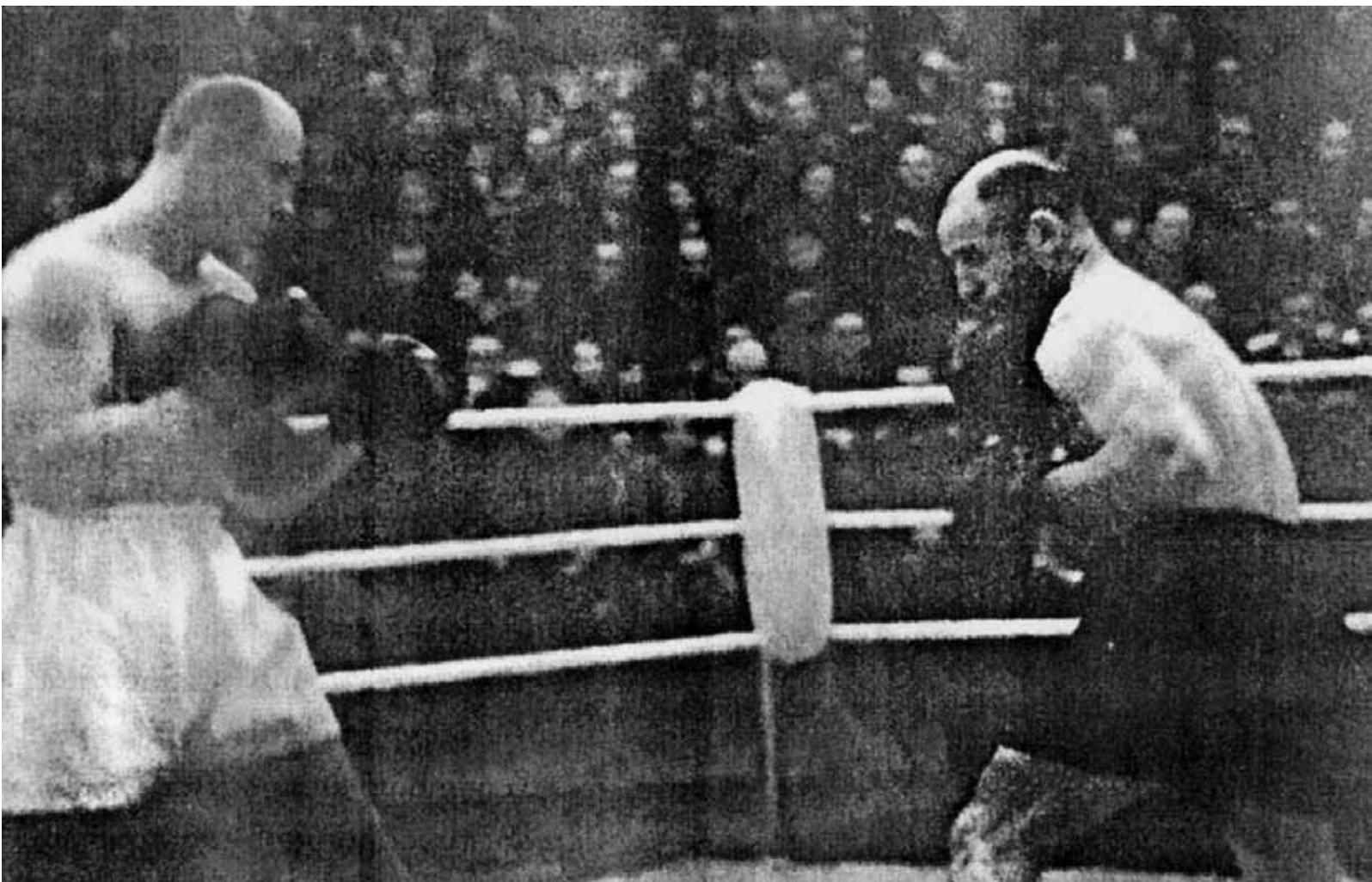
В боксерский зал пришел в четырнадцать лет, в тби-

лиское общество «Пищевик» на Плехановском проспекте. Ему повезло с наставниками. Попал под заботливую опеку прекрасного человека и тренера Бориса Каладзе. Когда Николая призвали в армию, он тренировался у знаменитого Андро Навасардова, участвовал в армейских соревнованиях.

Оба наставника – из чемпионской команды. В апреле сорок пятого, когда советские войска вели бои на подступах к Берлину, грузинский бокс праздновал выдающийся успех. Тбилисцы победили сборную Баку – 7:1 и вышли в финал командного чемпионата СССР, наряду с командами Москвы, Ленинграда и Таллина.

Наши земляки, которых готовил старший тренер команды – заслуженный тренер СССР Александр Гольдштейн, встречаясь по круговой системе, победили москвичей – 11:9, ленинградцев – 11:10, свели матч вничью с таллинцами – 12:12 и завоевали первенство. За команду-чемпиона в финале выступали Габриэл Ханукашвили (наилегчайший вес), Эдуард Аристакесян (легчайший), Шалва Горгаслидзе (полупулегкий), Георгий Вартанов (легкий), Борис Меладзе (полусредний), Шалва Двали (средний), Леван Гудушаури (полутяжелый), Андро Навасардов (тяжелый) - созвездие чемпионов, сплав опыта и молодости.

Мастера кожаной перчатки Грузии 30-40-х годов

▲ Бой Николая Королева (Россия) и Левана Гудушаури (Грузия). Абсолютное первенство СССР. Москва. 1943

представляли грозную силу, чемпионами Советского Союза в своих весовых категориях становились Георгий Вартанов (1938, 1939, 1940), Шалва Горгаслидзе (1944), Андро Навасардов (1944), Леван Гудушаури (1945), Габриэль Ханукашвили (1948, 1949).

Николай, окончив Грузинский институт физической культуры, стал преподавателем бокса.

Первым в Грузии получил международную категорию. Судил как поединки любителей, так и профессионалов, утвердив за собой репутацию судьи строгого, но справедливого, готового преподать нравственный урок соревнующимся, да что скрывать, и руководителям, и специалистам спорта.

Вспоминается олимпийский 1968 год. Советские спортсмены перед Мехико готовились в условиях высокогорья – на олимпийской базе Армении, в Цахкадзоре.

Здесь же предстояло назвать имена будущих олимпийцев.

В весе до 71 кг путевку на Игры оспаривали два выдающихся мастера – олимпийский чемпион Токио Борис Лагутин и чемпион Европы Виктор Агеев.

Бой был жесткий, бескомпромиссный. Трудно, ой, как трудно было определить лучшего, но рефери на ринге Айрапетян, не колеблясь ни минуты, присуждает победу олимпийскому чемпиону Лагутину.

«Что Вы, Николай Акопович! - сказали ему – Лагутин на поезд ушел, он уже не молод».

Но потом специалисты единодушно поддержали судейское решение.

В Мехико поехал «старичок» 30-летний Лагутин и стал двукратным олимпийским чемпионом.

Не меньшую популярность Николай Айрапетян завоевал в Москве на личном первенстве СССР 1966 года, когда его признали лучшим в судейском корпусе, отметив призом за отличное судейство и выделив среди отечественных и иностранных арбитров.

Он много раз выезжал на Олимпиады, на крупные турниры. В 70-80-х годах ему часто поручали ответственную задачу – анализировать работу судей на Олимпийских играх, чемпионатах мира и Европы. Его отчеты во всесоюзном Спорткомитете получали высокую оценку, помогали нашим боксерам подготовиться к ответственным встречам.

Помнил ветеран в подробностях бои мастеров Армении и Грузии, с которыми его связывали годы дружбы и совместной работы. Эдуарда Аристкасяна, одного из лучших советских боксеров и тренеров, основателя армянской школы бокса, и его лучшего ученика, олимпийского чемпиона Владимира Енгибаряна, с которым встречался потом на американской земле, абсолютного чемпиона страны тяжеловеса Хорена Инджеяна, выступающего на профессиональном ринге, Карлоса Джанеряна, достойного соперника трехкратного чемпиона Олимпийских игр Ласло Паппа и других армянских боксеров, продолживших традиции первого олимпийщика Вараздата.

Вспоминал каждый бой, в центре которого был. В частности, пять матчевых встреч советских и американских боксеров, включая тбилисскую.

▲ Боксеры Грузии Л.Гудушаури, В.Рудометкин, А.Навасардов, Ш.Горгаслидзе, А.Аветисян. Ленинград. 1938

▲ Н.Айрапетян и Теофило Стивенсон

Особенно запомнились опытнейшему арбитру бои трехкратного олимпийского чемпиона и чемпиона мира среди тяжеловесов Теофило Стивенсона. Девять поединков легендарного кубинца судил Николай, и легко называл козыри своего друга – мощный концентрированный удар, широкий арсенал наступательных и оборонительных средств, быстроту реакции.

Незабываемы встречи на Кубе, на традиционном турнире – мемориале Хосе Марти.

На заключительном банкете Николай заметил, что внимание присутствующих обращено на него. Не зная испанского языка, он посмотрел на большой экран телевизора, где показали кадры из грузинского до-

кументального фильма и понял: зал приветствует его, посланца страны, известной своими спортсменами, и как-то внутренне заторопился домой.

Он был очень кинематографичен, этот Николай Айрапетян. Высокий, косая сажень в плечах, мужественное, волевое лицо. Удивительно, как выпал из поля зрения кинорежиссеров.

Впрочем, один шанс ему представился в начале 70-х. В Ленинграде. На традиционный международный боксерский турнир приехали работники Шведского телевидения, задумавшие снять фильм о своем земляке, легендарном боксере 18 века. Его роль гости поручили чемпиону страны в весе 75 кг Олегу Каратаеву, а в соперники ему выбрали Александра Метелева.

Гости попросили боксеров держаться на ринге как можно естественнее, не позировать перед камерой. Айрапетяна выбрали на привычную для него роль судьи. В первом раунде Метелев сильнейшим боковым справа отправил своего грозного соперника в нокаунт и, кажется, первый в его карьере. Николай открыл счет. При команде «восемь!» расшвырявший чемпион поднялся с пола и одним ударом завершил бой – глубокий нокаут.

Шведы собрали чемоданы и уехали домой.

Годы мало изменили ветерана отечественного бокса. Он оставался желанным гостем во многих странах на соревнованиях различного уровня в Англии, США и Мексике.

В последние годы живя в Лос-Анджелесе, интересовался событиями дома, оставался большим поклонником журнала «Русский клуб», обсуждал публикации, в частности, на спортивные темы.

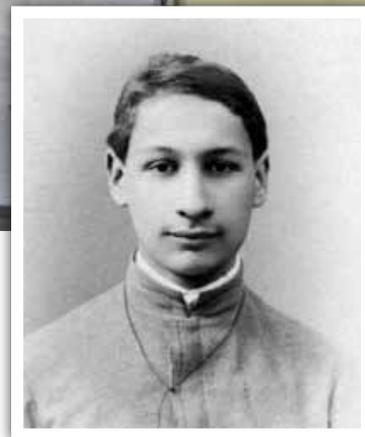
Арсен ЕРЕМЯН

▲ Дом на улице Иванэ Джавахишвили

«Я трогаю старые стены...»

Тифлис: удивительные встречи

▲ Павел Флоренский

Как и подобает солидному тифлисскому учебному заведению, это здание помнит немало замечательных людей, вышедших из его стен. И, наверное, само провидение уже в наше время поселило в нем – на нынешней улице Узнадзе – не какое-либо другое ведомство, а именно Министерство образования Грузии. Ну а мы придем сюда, на Великокняжескую улицу 1890-го года, чтобы увидеть, как из дверей 2-й классической мужской гимназии выходит выпускник, которого «во внимание к постоянному отличному поведению и прилежанию и из отличных успехов в науках, в особенности же в математических науках, педагогический коллектив постановил наградить золотой медалью». «Класс наш считался выдающимся, и из него вышло довольно много деятелей, - будет вспоминать он потом. - Если не ошибаюсь, в классе было получено при окончании курса 6-7 золотых медалей и вдвое серебряных». Зовут этого юношу Павел Флоренский. Его одноклассников мы еще увидим позже, а пока последуем вслед за ним в дом номер 67 на Николаевской улице, сейчас носящей имя Иванэ Джавахишвили.

В этом доме, имеющем общий двор с церковью Святого Александра Невского, живет большая семья Флоренских. Ее глава Александр Иванович, сын военного врача из терских казаков, уроженец Владикавказа

за и тоже выпускник тифлисской классической гимназии – 1-й мужской. Он знакомится с будущей женой в Санкт-Петербурге, где учится в Институте инженеров путей сообщения императора Александра I. А Ольга Павловна, дочь одного из богатейших в Тифлисе, но впоследствии разорившегося купца Сапарова, поступает в российской столице на курсы. По отцу она – из древних армянских князей Мелик-Бегляровых, по матери – из именитого грузинского рода Пааташвили. Молодые женятся в столице Грузии через пару лет после знакомства. И открывают тем самым летопись, которую можно назвать «Флоренские в Тбилиси».

Смешение их кровей отражается на внешности первенца Павла – у него смуглое лицо, длинные курчавые волосы и характерный нос. Все это делает его похожим на Гоголя. Настолько, что когда в Тифлисе, через девять лет после отъезда Павла, снимают покрывало с только что открытого памятника Николаю Васильевичу, из толпы раздаётся: «О, так это же Павлик!»...

Рождается Павлик, которого потом назовут «русским Леонардо да Винчи», в азербайджанском селе-нии Евлах – его отец работает там на одном из строящихся участков Закавказской железной дороги. В сентябре 1882-го, в семь месяцев от роду, он впервые оказывается в столице Грузии – после перевода

▲Флоренские. Третий слева в первом ряду – Павел. 1899

Александра Ивановича на новую должность. Это уже вторая страница летописи «Флоренские в Тбилиси». Поселяется семья на Давидовской площади, в доме, принадлежащем некоему Арутюну Оганесову. Живут на склоне горы Мтацминда, рукой подать до церкви Святого Давида, и именно священник этого храма Захарий Григорьев крестит мальчика. А почти через два с половиной года – новый переезд, в Батуми, куда переводят Алесанлра Ивановича. Но после следующего его назначения – в 1983 году, «инженером для исполнения особых поручений при начальнике работ Второго отделения Кавказского округа путей сообщения» - Флоренские окончательно оседают в Тифлисе.

Итак, третья страница летописи. Сначала дом номер 23, принадлежащий Никите Карапетову на Александровской улице. Тоже рядом с церковью Александра Невского, на нынешней улице Ниношвили. А потом – тот самый дом на Николаевской, в котором вырастают семь детей. Конечно же, у них разные интересы, их ждут разные судьбы, но всех объединяют целеустремленность, духовность, разносторонняя одаренность. Уйдя из уютного тифлисского дома в большую жизнь, Юлия становится врачом-психиатром, Александр – археологом, этнографом и историком, Елизавета – художницей с революционными устремлениями, Андрей – военным инженером, Раиса – иконописцем. А их старший брат Павел реализует свой незаурядный интеллект и всевозможные таланты в философии, математике, богословии, инженерии, филологии, истории, поэзии...

Но все это будет позже, после расставания с Тифлисом. А пока, приехав из Батуми, Павлик отправляется во 2-ю Тифлисскую классическую гимназию. Ходить не очень далеко – гимназия пока еще находится на перекрестке все той же Николаевской с Большим садовым переулком (сегодня это улица Тургенева). На Великокняжескую она переберется лишь в 1899-м, после завершения строительства нового, дожившего до наших дней здания. В одном классе с Флоренским учится целая плеяда людей, которым суждено войти в историю. К ним стоит приглядеться.

Вот – Лева Розенфельд. Он сменил самого Владимира Ленина в кресле председателя Совета труда и обороны СССР, станет одним из большевистских вождей, предшественником Якова Свердлова на посту

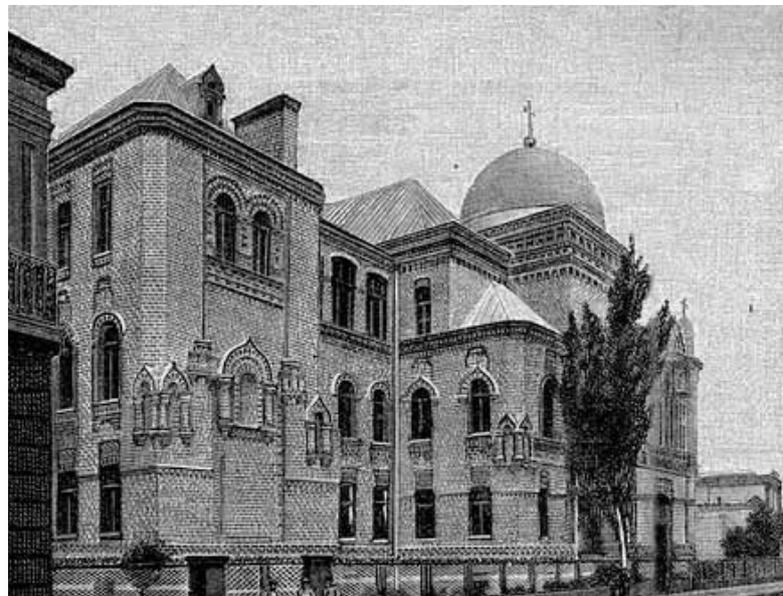
председателя Всероссийского ЦИК, а Анастаса Микояна – на должности народного комиссара внутренней и внешней торговли СССР. И будет расстрелян Сталиным как «троцкистско-зиновьевский заговорщик» Лев Каменев.

Вот Ираклий Церетели, тоже будущий революционер, правда, меньшевик. Ему предстоит стать членом Второй Государственной Думы Российской империи, министром почт и телеграфов во Временном правительстве Александра Керенского, одним из лидеров Демократической Республики Грузии и членом исполкома II Интернационала. Кстати, именно ему на I Съезде Советов Ленин ответил знаменитыми словами: «Есть такая партия!» Продолжение их перепалки в советское время не обнародовалось, а послушать его весьма интересно. Церетели: «Тут нужна партия, которая ничего не боится!» Ленин: «Мы ничего не боимся!» Церетели: «Только дурак не боится ничего...» Так последнее слово остается за одноклассником Флоренского по тифлисской гимназии.

А вот закадычные друзья Павла, тоже ставшие выдающимися деятелями русского религиозного ренессанса. Володя Эрн будет учиться с Флоренским и в Московском университете, станет религиозным мыслителем, историком философии, публицистом. Он умрет в 35 лет, за несколько дней до защиты докторской диссертации. Саша Ельчанинов тоже посвятит себя религиозной философии. Но при этом он выполняет данное при поступлении на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета обязательство – вернуться преподавателем в Кавказский учебный округ. И в Тифлисе читает лекции на Высших женских курсах, учительствует в знаменитой гимназии Владимира Левандовского на Верэ, даже становится ее директором. А из жизни уходит в Париже настоятелем Александро-Невского собора на улице Дарю.

Дружит Павел и с Мишей Асатиани, который станет мужем его сестры Юлии и основателем научной школы психиатрии в Грузии. Одним из первых психиатров Российской империи он применит психоаналитическую терапию, а в советской Грузии – восстановление по Фрейдю гипнозом причин психической травмы. Он создаст Научно-исследовательский институт психиатрии, которому присвоят его имя. И до сих пор это имя остается у тбилисцев нарицательным: улица М.Асатиани –

▼ Тифлисская 2-я мужская гимназия

▲ Владимир Эрн

▲ Михаил Асатиани

▲ Александр Ельчанинов

синоним московской Канатчиковой Дачи.

Дружба с Ельчаниновым и Эрном не прерывается у Флоренского и после отъезда из Грузии, несмотря на громадные расстояния и зигзаги судеб. Можно сказать, что эти трое одноклассников сыграли огромную роль в личностном формировании друг друга. И вот, что интересно. Сегодня уже трудно сказать об их чисто мальчишеских увлечениях, хотя таковые, несомненно, были. Со страниц сохранившейся переписки той поры на нас смотрят весьма серьезные молодые люди. Эти старшеклассники обсуждают в записках к друг другу вопросы философии и религии, этики и литературы, за просто переходя с русского на иностранные языки и латынь. А в личных тифлиских тетрадях Павла не юношеские вирши, не посвящения барышням, а настоящие научные работы: «Опыт воспроизведения туманных пятен», «Электричество как космическая сила» (обе перепечатаны в солидных «Известиях русского астрономического общества»), «Статьи, читанные на заседаниях нашего общества», «Самостоятельные исследования опытов оригинальных и повторения опытов различных ученых, заметок и т.п. по физике, химии и др. родственным им наукам»...

Поиски смысла жизни Флоренский со товарищи по-настоящему начинают в седьмом классе, когда в гимназии появляется преподаватель истории и древних языков Георгий Гехтман. Этот уроженец Кутаиси и выпускник Харьковского университета, создает литературно-философский кружок. Педагог он, что называется, от Бога – вдохновенный талантливый, так что можно понять, почему три друга определили для себя именно такие жизненные пути и навсегда сохранили связь с любимым учителем.

При этом внешне открытый и общительный старшеклассник Флоренский живет особой внутренней, можно сказать, потаенной жизнью. И сам признается впоследствии, что природу воспринимал больше, чем людей: «Но главным образом я учился у природы, куда старался выбраться, наскоро отделавшись от уроков. Тут я рисовал, фотографировал, занимался. Это были наблюдения характера геологического, метеорологического и т.д., но всегда на почве физики. Читал я и писал тоже нередко среди природы. Страсть к знанию поглощала все мое внимание и время. Я составил себе стенное расписание занятий по часам...»

Природа и приводит его к увлечению фотографией. Первый в его жизни снимок сделан на даче в Коджори, а потом он «целыми днями лазил по горам, фотографируя, делая зарисовки, записывая свои наблюдения, а по вечерам приводил все это в порядок». Вообще же Павел проходит с фотоаппаратом пешком по многим местам Грузии, в том числе и через Кавказский хребет. А еще он делает массу снимков родных и близких, в московском студенческом общежитии развешивает их на стенах и, тоскуя по Тифлису, по семье признается: «Только утешение в фотографиях, которыми увесил комнату». Да, фотографирование захватывает, но все-таки это – хобби. Главное – упорные мучительные поиски мировоззрения приводят его к толстовству. В предпоследнем классе гимназии Павел даже собира-

▲ Первая фотография П.Флоренского

ется «идти в народ», но решает перед этим обратиться за советом прямо к Толстому:

«18 22/X 99. Тифл. Л.Н.Толстому. Лев Николаевич! Я прочел Ваши сочинения и пришел к заключению, что нельзя жить так, как я живу теперь. Я кончаю гимназию, и мне предстоит продолжение жизни на чужой счет; я думаю, что избежать этого можно только при исполнении Ваших советов; но, для того, чтобы применить их на практике, мне надо разрешить предварительно некоторые вопросы: можно ли пользоваться деньгами? Как добыть землю? Можно ли ее достать у правительства и каким образом? Каким образом удовлетворять умственные потребности? Откуда брать кни-

▲ Флоренский в лаборатории. 1929

ги, журналы, если нельзя пользоваться деньгами или если физическим трудом можно только прокормиться? Может ли остаться время на умственный труд (самообразование)?» Свидетельств того, что это письмо ушло из Тифлиса в Ясную Поляну, нет. Сохранился лишь черновик. Будущий психиатр Асатиани был убежден, что толстовство друга быстро пройдет. И действительно, в 17 лет Флоренский глубоко и искренне обращается к религии.

Два сна, увиденные, теплыми тифлисскими ночами, переворачивают его сознание. В одном он ощутил себя заживо погребенным во тьме рудника, в небытии: «Мною овладело безвыходное отчаяние, и я осознал окончательную невозможность выйти отсюда, окончательную отрезанность от мира видимого. В это мгновение тончайший луч, который был не то незримым светом, не то – не слышанным звуком, принес имя – Бог. Это не было еще ни осияние, ни возрождение, а только весть о возможном свете. Но в этой вести давалась надежда и вместе с тем бурное и внезапное сознание, что – или гибель, или спасение этим именем и никаким другим». В другом сне он ощущает внутренний толчок, и выбегает во двор: «Тут-то и произошло то, ради чего был я вызван наружу. В воздухе раздался совершенно отчетливый и громкий голос, назвавший дважды мое имя: «Павел! Павел!» - Павел и больше ничего. Это не было – ни укоризна, ни просьба, ни гнев, ни даже нежность, а именно зов, - в мажорном ладе, без каких-либо косвенных оттенков...»

Тогда-то и наступает кризис юношеского научного мировоззрения, отныне Флоренским движет вера в Бога как в абсолютную Истину, на которой и надо строить всю жизнь. Уступая желанию родителей, он заканчивает физико-математический факультет Московского университета. Причем, настолько блестяще, что его хотят оставить на кафедре. Но он «изменяет» столь любимой математике и поступает в Московскую Духовную академию. Мы увидим его там и профессором на кафедре истории философии, затем – главным редактором журнала «Богословский Вестник», священником Сергиево-Посадской церкви Убежища сестер милосердия Красного Креста. Но и мирским делам его дарования весьма и весьма пригодятся. После революции энци-

клопедические знания делают его членом Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры и членом Карболитной комиссии Высшего совет народного хозяйства СССР (ВСНХ), профессором на печатно-графическом факультете ВХУТЕМАСа (Высших художественно-технических мастерских, нынешней Российской академии живописи, ваяния и зодчества). А еще он – научный сотрудник Государственного экспериментального электротехнического института (ГЭЭИ) и редактор «Технической энциклопедии», в которой публикует около 150-ти собственных статей...

И что удивительно – приходя на службу в советские учреждения, отец Павел и не думает снимать священнического облачения. «Ответственные товарищи» вынуждены закрывать на это глаза – священнослужитель делает несколько крупных научных открытий, разрабатывает теорию и практику применения полупроводников, создает особый вид пластмассы «карболит»,

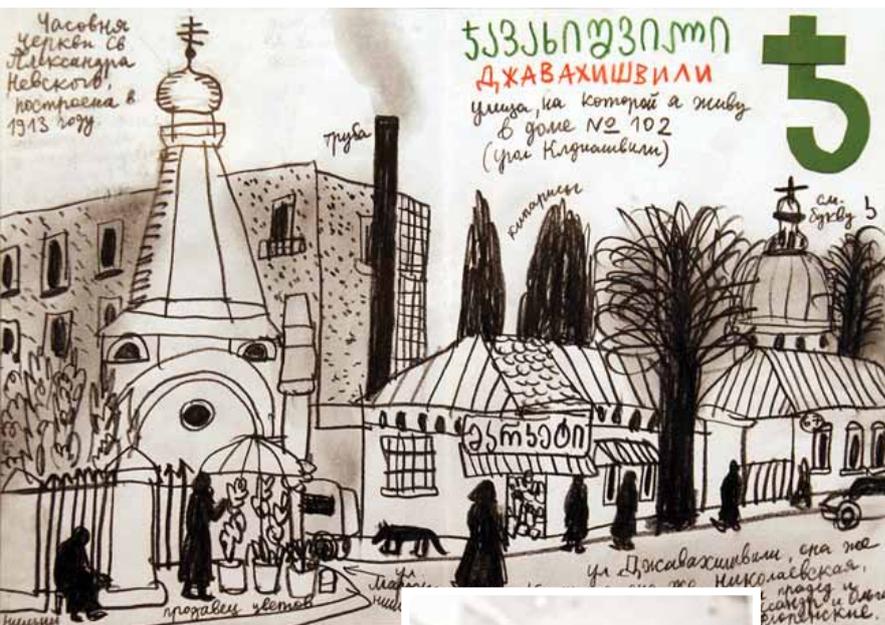

▲ Павел Флоренский

который так и стали называть «пластмассой Флоренского». Но, все же, наступают времена, когда аресты становятся неизбежны.

Первый раз, в 1928-м, его «берут» ненадолго, он даже успевает вновь поработать в ГЭЭИ. Однако против него уже направлены откровенно погромные статьи – ну, как не оклеветать конкурирующего ученого, да еще священника! И в 1933-м Флоренский получает 10 лет лагерей за руководство фиктивной «контрреволюционной националистической фашистской организацией «Партия возрождения России». И тут его духовная сила проявляется удивительнейшим образом. Одной из его крестниц, Татьяна Шауфус-Рапопорт удается через Международный Красный Крест эмигрировать в Чехословакию. Там она работает под руководством дочери президента страны Томаша Масарика и именно через него обращается к властям СССР с просьбой выпустить Флоренского из Советского Союза. И разрешение дается, для всей семьи, но отец Павел... дважды отказывается. Ссылаясь на слова апостола Павла о необходимости довольствоваться тем, что есть.

Между тем, богатейшие знания Флоренского находят применение и в страшных условиях ГУЛАГА.

говорится о царице Тинатин. Читаешь ли ты эту поэму? Ведь я назвал тебя Тинатин под впечатлением именно Руставели. Она мне очень близка по времени своего написания, всему складу мировоззрения и местному колориту».

Но на всех этих драматических моментах летопись «Флоренские в Тбилиси» не обрывается, ее очередные страницы пишутся в наши дни. В столице Грузии живет внучатая племянница Павла Александровича, скульптор и график Марина Иванишвили. Она – внучка сестры философа, художницы Елизаветы и естествоиспытателя Георгия Копишвили, в годы Демократической Республики Грузии – вице-мэра Тифлиса, затем – преподавателя Тбилисского педагогического института имени А.С. Пушкина. До революции оба супруга преподавали в уже упоминавшейся гимназии Левандовского. А у одного из младших братьев Павла – знаменитого военного инженера Андрея Флоренского – есть внук Александр. Он – коренной питерец,

▲ Александр Флоренский

На опытной мерзлотной станции он проводит исследования, которые впоследствии легли в основу книги «Вечная мерзлота и строительство на ней», подписанной совсем другими людьми. И именно по его методу

через много лет строятся города Норильск и Сургут. А на лагерном заводе Соловков он работает над получением из водорослей йода и растительного заменителя желатина «агар-агара». Делает свыше десяти запатентованных научных открытий. Так что йодом в аптеках мы обязаны изысканиям заключенного-священника Флоренского. Но и это не все. Откроем письмо, посланное им сыну Кириллу из лагеря за пять месяцев до гибели: «В прошлом письме я писал тебе о намечающейся возможности получать повышенные концентрации тяжелой воды посредством фракционного вымораживания». А затем – технические подробности того, как промышленно получать эту самую тяжелую воду. А она, ведь, используется только для производства ядерного оружия... И все равно человек, ставящий религию выше науки и политики, не устраивает советскую власть. В ноябре 1937-го особая тройка НКВД Ленинградской области приговаривает Павла Флоренского к расстрелу. Хоронят его в общей могиле.

На протяжении всех долгих лет, проведенных отцом Флоренским вдали от Грузии, эта страна продолжает жить в его сердце. Тем более, что ее столица, город счастливого детства, неразрывно связан с любимым отцом. Прочтем несколько строк из другого письма, написанного на Соловках: «Пишу. Как-то утратилось сознание, где я нахожусь, забылось, что я далеко от Тифлиса и что я вырос... Рядом со мною, слева, сидит папа и внимательно смотрит, как это было нередко, когда я учился в гимназии, ничего не говорит... Вдруг я сообразил, что я ведь не в Тифлисе...» И еще отголосок Грузии – младшей дочери он дает двойное имя Мария-Тинатин. Опять цитата из лагерного письма: «Оля пишет, что ей подарена поэма Шота Руставели, где

иллюстратор Сергея Довлатова и Бориса Гребенщикова, один из основателей неформального творческого движения «Митьки», объединившего в конце XX века многих художников, музыкантов, поэтов и писателей. Кровь предков позвала его в Грузию. С женой Ольгой он объездил страну прадеда и деда, напридумал интересные проекты, один из которых – «Тбилисская азбука». Это сделанные в юмористическом митьковском стиле зарисовки колоритных тбилисских мест, начинающихся с определенной буквы. Среди них две запечат-

▲ Марина Иванишвили

лели здание бывшей 2-й мужской гимназии и церковь рядом с домом Флоренских. А его жена Ольга, тоже известная художница, занялась необычным проектом «Тбилисская археология» - отыскивает в развороченной строителями земле черепки, монетки, осколки и делает из них украшения, используя ленточки и бусины с «толкучек».

Пару месяцев в году эти петербуржцы становятся настоящими тбилисцами – они приезжают в квартиру, которую купили на улице Джавахишвили, в нескольких сотнях метров от все той же церкви Александра Невского. Так что, на бывшей Николаевской и в наши дни живут Александр и Ольга Флоренские.

Владимир ГОЛОВИН

ЛЕРМОНТОВ ОБЪЕДИНИЛ ЛИТЕРАТОРОВ

Лермонтовская строка «Горы Кавказа, я вам не чужой...» объединила под одной обложкой поэзию и прозу в новом альманахе. Он выпущен в Баку Координационным Советом организаций российских соотечественников в Азербайджане при поддержке и содействии посольства РФ. В книгу, посвященную 200-летию со дня рождения Михаила Лермонтова, вошли произведения, связанные с жизнью и творчеством великого русского писателя. Их авторы живут в Азербайджане, Беларуси, Германии, Грузии, России, Татарстане и Узбекистане. Грузия представлена стихотворениями одного из лучших своих русскоязычных поэтов Паолы Урушадзе, руководителя «Ассоциации литераторов АБГ» и литературного объединения «Молот О.К.» Михаила Ляшенко, очерком члена Союза писателей Грузии и редколлегии нашего журнала Владимира Головина. Впрочем, и живущий сейчас в Германии автор рассказа «Демон», член немецкой литературной группы *Vochumer Literaturen*, председатель окружного отделения Союза немецких музыкантов Моисей Борода тоже имеет отношение к Грузии. Он – тбилисец, выпускник Тбилисской консерватории, член союзов писателей и композиторов Грузии.

А теперь – слово составителям альманаха.

Член Союза писателей Азербайджана, председатель Общественного объединения солидарности народов Азербайджана «Содружество» Марат Шафиев:

«Эта книга не претендует на открытия в области лермонтоведения, но в ней есть дальнейшее развитие современными авторами мыслей и чувств Лермонтова. И главное: в ней есть признания любви разных народов к мятежному русскому гению. Думаю, что эта полностью взаимная любовь великого поэта к Кавказу, о которой он неоднократно говорил и в стихах и в прозе, является еще одним надежным духовным мостом,

связывающим народы-соседи».

Член союзов писателей и журналистов Азербайджана, заведующая отделом поэзии журнала «Литературный Азербайджан», давний добрый друг Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» Алина Талыбова:

«Остается только диву даваться, каким вниманием и уважением отмечено отношение Лермонтова к народам Кавказа, к их истории, культуре, менталитету, и как отличается это отношение от нынешних расхожих идеологических и бытовых штампов по поводу неких мифических «лиц кавказской национальности». Эту книгу мы делали с любовью и чувством искреннего признания к поэту, прожившему короткую сложную жизнь полную бурь, сомнений и метаний, но оставившему нам, его потомкам, удивительные строки, исполненные гармонии и красоты. Изначально сборник как свидетельствует его название, задумывался как чисто региональный. Но в процессе работы над ним произошло естественное расширение географии. Спасибо нашим зарубежным друзьям, которые откликнулись на приглашение участвовать в проекте. И еще одно спасибо Михаилу Юрьевичу за то, что он позволил всем нам еще раз встретиться на этих страницах».

В книге, выпущенной издательско-полиграфическим центром «Мутарджим», 49 авторов. Пятидесятый – сам Лермонтов с его посвящениями Кавказу в стихах и прозе. Одно из них: «Приветствую тебя, Кавказ седой! / Твоим горам я путник не чужой: / Они меня в младенчестве носили / И к небесам пустыни приучили... / Прекрасен ты, суровый край свободы / И вы, престолы вечные природы». Своеобразным продолжением этих слов звучат в альманахе строки другого Михаила – тбилисского поэта Ляшенко: «И ждет его оазис близкий, / свободы воздух, наш, тбилисский...»

Остается только сожалеть, что небольшой тираж альманаха «Горы Кавказа, я вам не чужой...» не дает возможность ознакомиться с ним каждому, кто читает поэзию.

Соб. инф.

КОРОЛЕВСКАЯ СКАЗКА

Государственный театр юного зрителя им. Нодара Думбадзе выпускает не меньше двадцати премьер в год. Премьер самых различных – от грузинских народных сказок для малышни и до пьес Шекспира для старшекласников, на которые с удовольствием ходят и взрослые. А вот премьеры на русском языке бывают в театре не так часто. Поэтому недавняя премьера спектакля «Королевская корова» стала настоящим событием и даже открытием. Проект осуществлен при финансовой поддержке Центра культурных мероприятий Тбилиси. До этого последним спектаклем, показанным на русском языке, была «Новогодняя сказка» в постановке Сергея Шведкова.

Сюжет пьесы, в общем, незамысловатый.

Это история об умной, обаятельной, симпатичной, говорящей корове. Она не жалеет усилий, чтобы женить своего хозяина, пастушка Филимона на королевской дочери. При своем появлении, говорящая корова повергает всех в ужас. Но это только на первые несколько секунд. Она свято верит в то, что она – дочь Солнца. Под конец в это начинают верить и остальные. Ведь с ее появлением в унылую жизнь королевского двора приходит радость, веселье и любовь! А еще справедливость!

Авторы пьесы – российские драматурги Лариса Титова и Александр Староторжский. Пьеса ставилась и в Et Cetera, и в ряде других российских театров. На грузинской сцене пьеса поставлена впервые. Важно отметить, что тюзовский спектакль имел такой большой успех, что режиссер поставил его и на грузинском языке.

Режиссер спектакля, молодой Гурам Брегадзе – ученик и ассистент Роберта Стуруа, раньше работал с мастером в московском театре Et Cetera, а затем вместе с ним же поставил нашумевший спектакль «Бидерманн и поджигатели» по пьесе Макса Фриша в Руставелевском театре. В 2005 году Гурам Брегадзе стал обладателем приза в номинации «Лучший молодой режиссер» на Чеховском международном театральном фестивале. Для него постановка в Тбилисском ТЮЗе – и честь, и радость, и ответственность. Особенно приятно, что благодаря ему на грузинской сцене стала появляться современная русская драматургия, новая и интересная.

Оформил сказку Ломгул Мурусидзе. Благодаря его стараниям сцена превращается то в королевскую дачу, то в придворные покои, а то и вовсе в бурное море, которые выбрасывает на берег Заморского принца.

В спектакле много музыкальных номеров, что при-

дает ему легкий оттенок мюзикла, и наполняет жизнью и эмоциями. Заслуга музыкально-танцевальной группы – Гии Маргания, Зураба Ингороква и Александры Лордкипанидзе.

Замечательные костюмы придумала Кетеван Цицишвили. Они несложные, но очень нарядные, праздничные. Чего стоит костюм Коровы апельсинового цвета. В нем столько отличного настроения, что поневоле поверишь Корове в том, что она дочь Солнца.

Корова Зорька (Анна Лежава) действительно очень солнечное и яркое существо. Она всех мирит, всех одаривает своей любовью, всех прощает. Даже капризную фрейлину Сигизмунду. Это блистательная работа Нино Мумладзе – характерная, яркая. Ведь именно Сигизмунда пытается расстроить свадьбу Филимона и его возлюбленной. Но все тщетно. Благодаря Корове, Сигизмунда отвечает взаимностью безответно влюбленному в нее Стражнику (Эдмон Габедава) и обретает столь долгожданное счастье.

Смиряется и Король (Сергей Шведков). В лице коровы Зорьки он обретает надежного советника и друга. Замечательный дуэт сложился у принцессы Ани (Тамара Цквитинидзе) и пастушка Филимона (Ден Хлыбов). Своими поступками они доказывают, что для любви не бывает преград. Интересны работы Повара (Алексей Лобов) и Советника (Николай Дон).

Особняком стоит Заморский принц (Леван Гвазава). Гротескный, немного нелепый, и от этого очень смешной. Он приезжает в королевство, чтобы жениться на принцессе и тем самым поправить свое пошатнувшееся материальное состояние. Король же, наоборот, думает, что с помощью принца заполнит свою прохудившуюся казну. Но в итоге оба остаются с носом. Принцесса и Филимон женятся, а принц, не солоно хлебавши, уезжает восвояси. Вот и сказке конец!

Спектакль запоминается своей красочностью, массой музыкальных и танцевальных номеров, позитивностью. А еще в ней есть самое главное – она учит добру. Эту важнейшую миссию детского театра сегодня начали забывать.

Спектакль получился смешным и трогательным одновременно. Это добрая сказка, в которой зло наказано и торжествует любовь.

Нино ДЖАВАХЕЛИ

ТЕАТР – РАЗВЛЕЧЕНИЕ СО СМЫСЛОМ

▲ Давид Мгебришвили

Недавно Потийский драматический театр имени В.Гуния торжественно отметил новоселье. Важных гостей – элиту грузинского общества – принимал художественный руководитель, молодой талантливый режиссер Давид Мгебришвили, за некоторое время до этого события представивший в Тбилиси, на сцене театра киноактера имени М.Туманишвили, спектакль «Вишневый сад. Репетиция» по мотивам пьесы А.П. Чехова, который был номинирован на театральную премию «Дуруджи». Режиссер решил не ограничивать себя эстетическими канонами и постановочной традицией. Поэтому спектакль и называется «Вишневый сад. Репетиция». Отсюда – свободное отношение к тексту, пропуск каких-то сцен и эпизодов, диалоги актеров, начинающиеся на сцене и продолжающиеся в зале – участники спектакля сидят в зрительских креслах и перебрасываются репликами. Время от времени они зачитывают какие-то куски пьесы с листа – как это происходит во время репетиции, когда актеры еще нетвердо знают свои роли и вынуждены заглядывать в текст... Ритм спектакля переменчив: становится то стремительным, то «рваным», то медленным. Неожиданна и актуализация чеховских текстов – обличительный пафос находит нового адресата: тех, кто сидит в зрительном зале.

Потрясение испытываешь сразу: на экране мы видим ребенка, плавающего в каком-то водоеме, - наваждение Раневской, потерявшей маленького сына при трагических обстоятельствах. Этот мотив усилен в спектакле Давида Мгебришвили. От прошлого в жизни Раневской и Гаева ничего уже нет – еще до того, как продали и стали рубить вишневый сад. Осталось только это страшное наваждение да деревянные стружки, которые практически повсюду. В спектакле изначаль-

но задана тема безнадежности и отчаяния. Реальность словно перечеркнута: деревянная доска, на которую прикреплена маленькая фотография ребенка, наискось перегораживает сцену. От «дорогого, многоуважаемого шкафа» - предмета поклонения Гаева – остались лишь какие-то составные части. Так что Гаев произносит свой знаменитый монолог, обращаясь к... одному ящику – тому, что уцелело, сохранилось. Еще одна говорящая деталь спектакля – детский велосипед без руля, без других деталей, помещенный на авансцене. Тоже связь с горькой потерей хозяйки дома и одновременно знак опустошения, разрушения, конца...

- Давид, вы сравнительно недавно возглавили потийский театр. Какова ваша эстетическая программа?

- Режиссеры мечтают иметь собственный театр, чтобы получить возможность проводить свою эстетическую программу. Но объяснить это в одном интервью невозможно: какие ставишь спектакли, такая, собственно, у тебя и программа. Выдающийся итальянский режиссер Джорджо Стрелер написал книгу, которая начинается с хорошей фразы: «Театр нельзя рассказать». Я всегда скептически отношусь к тому, когда театроведы дают какие-то определения эстетическому направлению того или иного режиссера. Хотя понимаю, что очень выигрышно говорить, например, об уже оформившемся политическом концептуализме Роберта Стурра. Я за театр, который не думает о коммерции, о том, как понравиться зрителю. За театр глубокой внутренней мысли. И я совсем не хочу, чтобы мои спектакли нравились всем. При этом, на мой взгляд, каждый режиссер должен иметь какую-то идеологию. То есть, театр должен что-то говорить людям, иметь внутренний стержень, в противном случае он мне не интересен. Словом, меня

волнует театр, в котором актер и режиссер растворяются в своем творчестве...

Может быть, задавая такую планку, я изначально стараюсь отмежеваться от части зрителей, но я действительно не хочу, чтобы мои спектакли нравились всем. Я знаю людей, положительное мнение которых означает: спектакль не получился. Но есть и другие, мнением которых я дорожу. Помню парадоксальные случаи, когда неудачные спектакли нравились многим.

- А как вы сегодня хотите строить свой репертуар?

- К примеру, мне очень интересно поставить «Последнюю ленту Крэппа» Беккета – о том, как человек подводит какой-то жизненный итог. Не думаю, что на такой спектакль повалят зрители. Но я люблю касаться философских тем. Конечно, вопрос, получается у меня это или нет, но я стараюсь думать именно в этом направлении. Меня совершенно не интересует бюргерский театр с красивыми костюмами, красивым освещением и роскошными декорациями. Лучше уж я буду делать то, что хочу. Театр должен поднимать планку для зрителей, а не опускать ее.

▲ Сцены из спектакля «Вишневый сад. Репетиция»

- Сегодня директора театров, выражающие коммерческие интересы, требуют от режиссеров именно того, чтобы они спустились до уровня зрителей.

- И это, кстати, подорвало профессионализм. Актер уже не так убедителен, не так глубок. Он не думает, все поверхностно, громко, быстро... Я понимаю, что театр существует для аплодисментов, но аплодисмены ведь разные бывают.

Придя в потийский театр, я поставил сразу «Вишневый сад», потом японскую сказку – о мальчике, рисующем котов. Это философская сказка с глубоким смыслом. А вот сейчас ставлю «Гамлета». Благо, для театра построено большое, очень красивое, современное, прекрасно оснащенное здание. Я считаю, что это шанс для того, чтобы предложить зрителю что-то новое, умное и интересное... Зритель, простите, оступел, как, впрочем, и все мы. Я люблю спектакли Льва Додина, Камы Гинкаса, Эймунтаса Некрошюса. Но уверен, что если «Гамлета» Некрошюса поставить в репертуар любого театра, зрителя у такого спектакля не будет. Однако если не будет Некрошюса, завтра театра как искусства тоже не будет. Не у кого будет воровать режиссерские приемы (смеется).

- «Вишневый сад», «Гамлет» - их уже столько раз

ставили! Очень трудно предложить зрителю что-то действительно новое, оригинальное, не так ли?

- Да, трудно. А тут и не надо ничего искать. Театр сейчас переходит в такую фазу развития, которую современные критики определили, вслед за постмодернизмом, так: посттекстуальный театр. Текст, слово сегодня не столь значимы. На смену ему приходит мир образов, ассоциаций, театр, может быть, становится более чувствительным, зрелищным. Но, главное, чтобы при всей зрелищности, технологичности, детекстуальности не потерять суть. Иногда один вектор движения опережает другой, и получается каша. Но, думаю, это тоже утрясется. Сейчас в театре переходный период. Как бы все поставлено, ничего нового не сделаешь. Все все видят, знают, читали, и работать стало намного сложнее. Текст становится вторичным, потому что театр очень привязан к жизни. Нас окружают новые информационные технологии: если раньше мы получали определенный объем информации за неделю, за месяц или даже год, то сейчас это происходит за какие-то секунды, что создает нового человека в глобальном смысле этого слова. Зритель становится другим, меняется и актер. А это меняет театральную форму, но отнюдь не содержание. Оно остается прежним, даже если подвергаются изменениям формы его выражения. Иногда это становится истерикой или наваждением... Происходит сложный процесс, работающий и на подсознательном уровне. Если понаблюдать над самими собой, то мы действительно изменились. Нас уже не устраивает, когда человек на сцене просто произносит текст «Фауста». Напоминать текст – это вгонять зрителя в скуку. Человек в театре должен заменить слова тем, что оставил этот текст в его душе: ассоциации, мысли, идеи, ощущения... К примеру, я специально поставил «Вишневый сад» как репетицию, чтобы быть свободным от ремарок, иметь возможность вынуть какой-то текст и заменить его другим, тоже из чеховской пьесы, но из другой сцены. Не знаю, правильно или нет я поступаю, но по-другому не выходит. Если Чехова ставить строго по ремаркам, скучно будет. Ну, один раз посмотрел, второй... Но главное – не в этом. Ни один режиссер, который переставляет сцены или заменяет один текст другим, не ставит перед собой цель специально что-то изменить. Он просто хочет выразить суть, а выражение сути, в его представлении, должно быть именно в такой сцене, которую он поставил. И потом, все мы зависим от своих физических и иных качеств. Если кто-то может пробежать стометровку за десять секунд, другой может это сделать за семь. Это какая-то данность. Сравнить одного с другим – это все равно что пытаться сопоставлять Достоевского с Толстым и требовать, чтобы они писали одинаково. Каждый пишет, ставит так, как дышит, как понимает.

- Интересный момент: в зеркале Чехова в вашем спектакле вдруг отражается Грузия, проблемы нынешнего грузинского общества.

- Это естественно.

- То есть, для вас такой подход концептуален?

- И да, и нет. Часто идут разговоры о том, что некто поставил в Грузии «русский» спектакль или в России, к примеру, - «французский». Я в это не верю, все равно мы привязаны к своей идентичности. Может быть, мы от этого специально убегаем. Но все равно остаемся грузинами, русскими, поляками, французами... Чехов потому и велик, что в его пьесах подняты универсальные проблемы: куда ни кинь – всюду они есть, и от них никуда не убежишь. К примеру, старое, как правило, уходит и на его место приходит новое. Это и наша сегодняшняя

реальность в любой сфере – в технологической области, в пищевой промышленности и т.д. Раньше мы ели натуральные продукты, а сегодня – генномодифицированные. К этому надо привыкать, однако один принимает новое, а другой сопротивляется. Человек всегда хочет делать то, что он хорошо знает и умеет. А когда он предлагает что-то новое себе или обществу, это всегда вызывает страх, сопротивление.

- *А о чем будет ваш «Гамлет»?*

- Подходы те же. Та же попытка понять, что такое Гамлет сегодня. Кого мы можем сегодня назвать Гамлетом? Может быть, все общество превратилось в единого Гамлета? Ну вот, при загадочных обстоятельствах погиб Зураб Жвания, и вполне возможно, что его и не убили, хотя большинству людей кажется, что это была насильственная смерть. Вопреки утверждению экс-президента, что это не убийство, что Жвания ушел из жизни при других обстоятельствах. До сих пор мы не знаем правильного ответа. Но он же существует! Наверное, об этом и «Гамлет». Хотя, наверное, неправильно, когда в двух словах формулируешь концепцию спектакля... Думаю, пьеса «Гамлет» - о том, что все тайное всегда становится явным. Ничего в этом мире не уходит бесследно, существует какая-то высшая справедливость. На земле мы справедливости не находим, справедливость приходит... или сверху, или снизу, из Рая или из Ада. Если бы не призрак, справедливость в «Гамлете» не восторжествовала бы. Если бы Гамлет оставался в неведении, то жил бы в радости и покое.

- *Кто были вашими учителями?*

- Мне очень повезло с учителями. Я попал к Михаилу Туманишвили и сразу же по окончании вуза поставил дипломный спектакль под руководством Роберта Стура. А потом поставил с ним же еще один спектакль по пьесе американского драматурга Леонарда Герша «Эти свободные бабочки» - про слепого мальчика, который хочет освободиться от опеки своей матери и начать самостоятельную жизнь. Эти два человека – Михаил Туманишвили и Роберт Стура – оказали на меня большое влияние.

- *Хотя это две разные школы?*

- Нет, школа абсолютно одна. Часто люди думают, что Стура очень далеко ушел от Туманишвили. Нет, это, строго говоря, одна школа, одни навыки, один режиссерский вектор. Да, эстетики немного отличаются, потому что разные поколения и разные мировоззрения. Но направление одно – станиславско-товстоноговское, а потом – туманишвилевское, которое, конечно, трансформировалось. Это направление потому и оказалось таким жизнеспособным, что у него есть внутренний стер-

жень. Эту школу можно развивать. Она построена на таких элементарных вещах, которые определяют очень сильный базис. Если его правильно поймешь и усвоишь, это даст тебе большую опору, и ты уже не потеряешься. Кстати, все спектакли туманишвилевских учеников, даже если это не шедевры вроде «Кавказского мелового круга», отличаются грамотностью. Между прочим, те же Мейерхольд, Вахтангов, Михаил Чехов – ученики Станиславского. Если не считать Брехта и Гротовского, система Станиславского – это сегодня школа, в рамках которой проходит 80 процентов театрального процесса. Даже если режиссеры и не думают об этом, большинство из них все равно работают в рамках этой системы. Некоторые режиссеры пытаются поставить что-то поми-

мо школы, но потом вновь возвращаются к ней. Например, спектакли Питера Брука, которые мы видели в Тбилиси, - «Костюм», «Вишневый сад» - это, на мой взгляд, стопроцентный Станиславский, даже если режиссер будет утверждать обратное. Можно играть хард-рок, блюз, джаз, фолк, соул, но существует семь нот, и вокруг них музыканты и крутятся. Семь нот – это и есть Станиславский, вокруг которого создается театр.

- *Поговорим, если не возражаете, о вашем нынешнем спектакле «Мой друг Гитлер».*

- «Мой друг Гитлер» - очень интересная пьеса Юкио Мисимы. В ней отражена печально известная «ночь длинных ножей» - расправа Гитлера над штурмовиками СА, произошедшая 30 июня 1934 года. Гитлер расправился со своими соратниками, друзьями, расчистил себе путь к власти и стал абсолютно бесконтрольным. Когда я ставил эту пьесу, то все время думал о Зурабе Жвании. Опять же не могу утверждать, что его убили...

- *Обязательна ли такая актуализация материала?*

- Думаю, что да. Тогда почему это классика?

- *В чем секрет успеха этого спектакля? Одна из составляющих – в том что женщина, актриса Нато Мурванидзе, играет Гитлера?*

- Этот момент тоже имеет значение. Нато Мурванидзе сыграла Гитлера очень точно, не по-женски точно. Это создало ситуацию, когда на спектакль, на этот персонаж стали обращать больше внимания. К тому же была найдена очень удачная сценография, написана потрясающая музыка. Все это вместе дало результат. А главное – была идея, было, что сказать.

- *Давид, какими своими постановками больше всего дорожите?*

- «Гитлер», «Вишневый сад», «Желтые дни» Даниэлы Янич, югославского драматурга, «Ромео и Джульетта»... Это спектакли именно того театра, который я

хочу делать. Недавно я увидел додинскую постановку «Вишневым сад». Хорошо, что я увидел ее уже после того, как выпустил свой спектакль. Постановки очень похожи. Можете однозначно сказать, какой театр строит Лев Додин?

- *Психологический театр.*

- Хорошо, а что это такое – психологический театр? И какой театр не психологический? Я не доверяю критикам, считаю, что критики, далекие от театральной практики, по-другому все воспринимают. Это как генерал, который воевал, и генерал, который даже выстрела не слышал. И он никакой не генерал!.. Конечно, есть критики, которые в чем-то и разбираются, что-то знают. Но знать – это одно. Очень часто они учат плавать, а сами воды в глаза не видели. Меня это всегда настораживает. К примеру, существует термин «театр абсурда», но что это такое? Абсолютная фикция. Беккет считал, что к театру абсурда он не имеет никакого отношения. Нет, я не против терминов, я против того, чтобы их произносили режиссеры. Не думаю, что Пиромани знал про себя, что он примитивист. Он просто рисовал... То же самое – Леонардо да Винчи. Он просто писал картины, чтобы отразить мир таким, каков он есть, или таким, каким он его видел.

- *Вы уже ощущаете, что не являетесь «молодым режиссером», что нашли свой путь?*

- Да, меня уже опекать не надо. У меня уже появилась определенная уверенность в себе. Конечно, я нашел что-то свое, но в большую театральную фразу это пока не сформировалось. Хотя какую-то свою нишу я уже занял.

- *Вы склонны доверять актеру, его интуиции?*

- Нет, если кому-нибудь стоит доверять, то актеру – в последнюю очередь. Не часто актеры обладают качествами, необходимыми для создания спектакля. Быть умным, начитанным – это еще не значит быть способным что-то созидать. Но есть исключения, конечно. А психомоторика актера устроена таким образом, чтобы выражать какие-то режиссерские замыслы. Актерская профессия ужасная в этом отношении. Хочешь или не хочешь, но ты исполняешь чужую волю. Талант актера в том и заключается, чтобы выслушать режиссера, понять его и на этом создать свой собственный мир. Так должно быть. В театре должны быть личности. Актер, даже не обладающий безупречной техникой, но имеющий внутренний стержень, интересен. В то же время технически великолепно оснащенный актер, лишенный индивидуальности, не представляет никакого интереса. В американских фильмах вы не встретите плохих актеров, все замечательные профессионалы. Но Аль Пачино, Де Ниро, Джек Николсон – таких единицы! 90 процентов таланта Никуши Гомелаури – это его личность. Он был очень яркий человек. Даже когда он просто стоял и молчал на сцене, на него было интересно смотреть.

- *Никуша Гомелаури играл в вашем спектакле «Мистификатор», который вы поставили на сцене театра имени Грибоедова. Это был один из первых ваших спектаклей на профессиональной сцене. Как вспоминаете этот период?*

- С Никушей это не была моя первая встреча. Мы одноклассники. В институте на третьем курсе я поставил с ним спектакль «Прихоти Марианны» Альфреда де Мюссе. Что касается «Мистификатора», то я в этом спектакле никаких открытий не делал, это было овладение профессией, притирка к театру вообще.

- *Первые шаги... Это было страшно?*

- Нет, страшно не было. Всегда есть глубинная вера.

Я очень тогда многому научился. Когда учишься в институте, ты подкован чисто теоретически. Практика начинается после института. Очень помог худрук Грибоедовского театра Авто Варсимашвили, и у него я тоже многому научился. Это был необходимый опыт. Начинающему летчику штурвал «Боинга» не доверят. Рядом поначалу будет сидеть опытный пилот, который будет подстраховывать. Очень важно, к кому попадешь, когда ты только формируешься. Мне в этом смысле очень повезло. Когда я готовился к поступлению в институт, то ходил заниматься к Авто Варсимашвили. Он первый ввел меня в мир театра, и это было очень важно для меня. Потому что у меня сложилось очень трезвое и правильное представление о будущей профессии. Я стал адекватно воспринимать театр. Сегодня я тоже стараюсь объяснить своим студентам, что такое театр в реальности.

- *Вы объясняете своим студентам, что театр – это нечто более конкретное, чем они предполагали?*

- Театр – это в первую очередь не цирк, это развлечение со смыслом. Я должен увидеть нечто из ряда выходящее, выразить суть через определенную форму, придумать какую-то безукоризненную хореографию. Словом, какая-то творческая проблема должна быть решена очень интересно. И тогда это театр. Элементы шоу, яркой зрелищности могут быть в театре, но все-

таки главное – это смысл. Это должна быть литература. Для моей психики «Камеди-клуб» и прочие шоу-программы разрушительны. Конечно, можно сделать комикс из «Преступления и наказания», и такой комикс я, может быть, и прочитаю, но пустой комикс – увольте!

- *Из ваших наиболее сильных театральных впечатлений последнего времени?*

- Эймунтас Някрошюс. Мне очень понравился последний спектакль Роберта Стура «Сезон охоты». В свое время меня потрясли Питер Брук и Джордж Стрелер. Совершенный шедевр – «Три сестры» Петера Штайна. Очень люблю спектакли Анатолия Васильева. Когда-то был под впечатлением от «Служанок» Романа Виктюка.

- *Что сейчас переживает грузинский театр?*

- Нормальный период. Сейчас эпоха, когда человек меняется. Вот эта смена мировоззрения происходит и в театре. Какие-то вещи устарели. Рутину просто невозможно терпеть! И скоро проявится что-то новое. Думаю, то же самое происходит во всем мире. Грузинский театр – часть мирового контекста.

Инна БЕЗИРГАНОВА

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА И ГРУЗИЯ

▲ Генерал Николоз Бараташвили

К 100-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Перед нами два документа. Первый – телеграмма № 914, поступившая в Управление российских железных дорог из Батуми: «Неприятельский корабль дал по Батуму несколько залпов. Обстрелянный нашими батареями, круто повернул в открытое море. По пути к нему присоединился второй... Снаряды рвались на бульваре и в районе мечети Азизие, пристаней русского общества и товарной станции. В городе пробито здание соединенного банка на Михайловской улице. Разбиты стекла государственного банка. Есть убитые и раненные от осколков бомб 12-дюймового орудия». Второй документ – донесение начальника Батумского отряда кораблей: «Всего было сделано 15 выстрелов... Бомбардировка никаких существенных результатов не имела: было повреждено несколько частных домов, осколком пробит борт одного из пароходов, убит 1 и ранено 4».

Это – свидетельства того, как непосредственно по территории Грузии прошла Первая мировая война. Не только Батуми, но и Поти обстреливал в ноябре 1914 года фиктивно переданный Турции германский линейный крейсер «Гебен». Тот самый, о котором Уинстон Черчилль сказал: «Гебен» принес народам Востока больше смертей, горя и разрушений, чем когда-либо причиняли действия кораблей». Вместе с ним по грузинским городам стрелял и легкий крейсер «Бреслау»...

Сто лет назад, в августе 1914-го, Российская империя, а значит, и ее южная провинция Грузия, оказались вовлечены в кровавую бойню, впервые охватившую всю планету. Современное название этой войны появилось в историографии только после начала Второй мировой, в 1939 году. До этого Первую мировую называли «Великой войной», в России – «Второй Отечественной», «Великой Отечественной», «Большой», «Германской», а в СССР – «Империалистической». Из 59-ти стран, имевших тогда государственный суверенитет, в ней участвовали 33, с населением свыше 1,5 миллиарда человек, а это – около 87% всех жителей Земли. Погибло свыше 10 миллионов, ранено около 20 миллионов, среди мирного населения

жертвы от эпидемий, голода и других бедствий войны тоже исчисляются миллионами. В результате более чем четырехлетних сражений был дан импульс для исчезновения сразу четырех империй – Австро-Венгерской, Германской, Османской и Российской. Обрели независимость многие входившие в них страны, в том числе и Грузия. Но до этого она еще раз доказала, сколь мужественными воинами являются ее сыновья и дочери.

Кавказский фронт возглавляет царский наместник на Кавказе, генерал от кавалерии граф Илларион Воронцов-Дашков, к тому времени уже свыше девяти лет командовавший Кавказской армией. Но возраст его довольно солиден, и фактически войсками руководит начальник штаба генерал-лейтенант Николай Юденич, в 1915 и во все сменяющий почтенного старца на командном посту. Ко дню объявления войны Турции три месяца, как шла война с Германией, а это значит, что многие посланцы Грузии уже были в окопах. Их число увеличивается после того, как их родина превращается в прифронтовую полосу. Сколько же всего их было на полях битв Первой мировой? По приблизительным подсчетам специализирующегося на военной истории журналиста Левана Долдзе – свыше 285 тысяч. То есть, около 10% всех жителей Грузии и больше 40% ее мужского населения. За этой сухой статистикой – сотни примеров воинского мастерства и героизма. И пусть, как в киноленте, перед нами промелькнут хоть несколько «кадров», повествующих о таких примерах.

Турецкий фронт. Капитан Тарас Вашакидзе, отправившись в разведку под городом Саракамыш, со 129-ю подчиненными, возвращается, пленив... все командование одного из корпусов противника – и самого командира корпуса, и трех командиров дивизий с их штабами (а это – десятки офицеров), да еще 1306 солдат. Вместе с ними «приданое»: 8 орудий, 24 пулемета, ящики с боеприпасами. Это – результат не только отваги, но и военной смекалки: капитан сумел убедить турок, что за ним двигаются три полка русской армии...

Белоруссия. Там сражается 2-я Кавказская армии, в которую входят 15-й Тифлисский, 16-й Мингрельский и 14-й Гренадерский Грузинский полки. Гренадеры, которыми командует полковник Акакий Отхмезури, несколько суток ведут жестокие бои, сдерживая продвижение немцев. И тогда на их позиции опускаются желто-зеленые облака, это – удушающий газ хлор. Естественно, солдаты надевают противогазы, но в них... не слышно команд! В окопах паника, а неприятель идет в очередную атаку. И полковник Отхмезури принимает беспрецедентное решение: снимает противогаз, чтобы подчиненные слышали его. Примеру командира следуют все офицеры. И вместе с ним погибают уже после того, как паника улеглась, и атака была отбита...

Западный фронт. Здесь, как и два ее земляка, которых мы сейчас видели, высшей воинской наградой – Георгиевским крестом – награждается медсестра Нино Джорджадзе. Выпускница Сорбонского университета добровольно ушла из Грузии на фронт с первых дней войны и спасает под огнем людей, проявляя настоящий героизм...

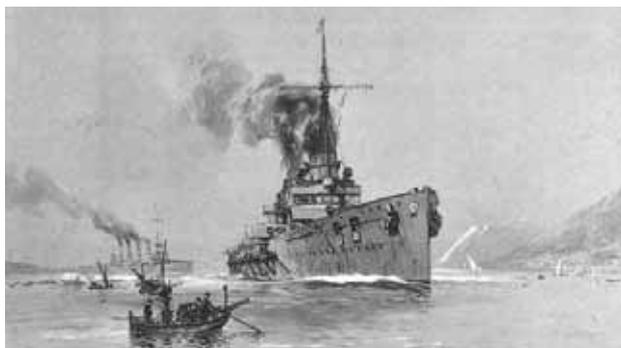

▲ Офицеры-грузины Ардаганского полка

А это уже... Месопотамия. Кавалеристы отдельного Персидского экспедиционного корпуса распевают там: «Наш Баратов бодр и весел,/ Всех к победе он ведет./ Что ж, казак, ты нос повесил?! Веселей гляди вперед!» Это – песня, сложенная в ударной 1-й Кавказской казачьей дивизии о своем командире, генерале от кавалерии Николозе Бараташвили – полном тезке великого грузинского поэта-романтика, происходящего из одного с ним княжеского рода. Он возглавляет специальный корпус, посланный в Персию (Иран) с задачей, прямо скажем, межгосударственного значения: «До объявления войны Персией России поднять престиж русского имени, а с момента объявления войны занять Тегеран с целью закрепления политического положения России в Персии». За 2,5 месяца экспедиция Бараташвили выбивает из ключевых городов прогерманские силы, турецкие диверсионные отряды и очищает от них огромную территорию – до 800 километров по фронту и столько же в глубину.

В штаб Кавказского фронта уходит донесение: «Мирная жизнь персидского населения, нарушенная боевыми действиями, вошла в свою колею». А тегеранский властитель Султан-Ахмед-шах, объявив врагами всех подданных, толкавших его к войне с Антантой, лично благодарит Бараташвили за «образцовое поведение русских войск и дружелюбное отношение к населению». И вручает генералу высший персидский знак отличия «темсал» – усыпанный бриллиантами миниатюрный портрет шаха.

Другой генерал, тифлисец Алексей Брусилов тоже

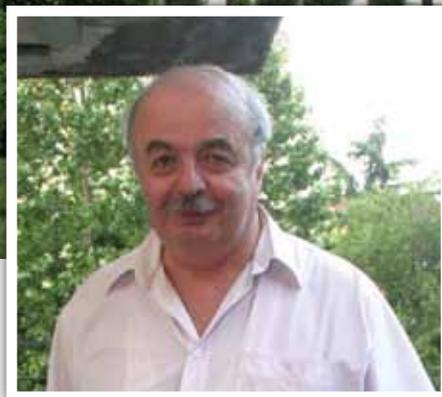
решает задачу международного значения, да еще и входит в историю мировой военной науки. Командуя Юго-Западным фронтом, он прорывает оборону противника, впервые в мире применив одновременное наступление всех имевшихся армий. Войска генерал-адъютанта Брусилова продвигаются на целых 160 километров, и Австро-Венгрия оказывается на грани катастрофы. Это вынуждает немцев перебросить войска от Вердена, что значительно помогает англичанам с французами и спасает Италию от разгрома.

А еще в списке генералов-грузин, отличившихся на Первой мировой, - Захарий Бакрадзе, Александр Багратион-Мухранский, Иванэ Казбеги, Георгий Андгуладзе, Илья Одишелидзе, Кирилл Кутателадзе, Дмитрий Багратион... Всего их 57 – большинство среди более чем 70-ти генералов из Грузии, воевавших в 1914-1918 годах.

Сама же прифронтовая Грузия в те годы дает войскам продовольствие и лошадей, транспортные средства и скот, принимает тысячи и тысячи раненых. В ее городах действуют госпитали, в том числе и созданный императрицей Марией Федоровной. Медсестрами в них становятся и аристократки, и простолюдинки. Один из двух крупных складов медикаментов, организованных в империи «Всероссийским земским союзом помощи больным и раненым военным», открывается в Тифлисе и обслуживает лазареты на 20 тысяч коек в тылах Кавказского фронта... И верховный главнокомандующий император Николай II, побывавший в грузинской столице в ноябре 1914-го проездом на турецкий фронт, благодарит «древний город Тифлис» и «от души осушает бокал» за всех, живущих в нем. Стоит прислушаться и к другому обращению к тифлисцам – городского головы Александра Хатисова: «Увещаваю спокойно переносить временные лишения, не быть расточительными, забыть о всех излишествах, которые сейчас особенно недопустимы и сократить свои нужды и траты».

И, наконец, о зигзагах, которые история проложила в людских судьбах – из Грузии времен Первой мировой войны в будущее. Когда легкий крейсер «Бреслау» обстреливал Батуми и Потю, на нем служил лейтенант Карл Дениц. Которому суждено будет стать гросс-адмиралом, создателем подводного флота нацистской Германии, главнокомандующим ее Военно-Морским флотом и на 23 дня – 4-м рейхспрезидентом. Гитлер именно его назначит своим преемником. А командующий Кавказской армией генерал Николай Юденич, после Февральской революции командовавший и всем Кавказским фронтом, будет одним из самых знаменитых военачальников Гражданской войны, возглавит силы, действовавшие против советской власти на Северо-Западном направлении. Что же касается генералов-грузин, то многие из них с 1918 года будут служить в армии Демократической Республики Грузии.

Владимир ГОЛОВИН

▲ Давид Гургенидзе

ВЫ ОЦЕНИТЕ КРАСОТУ ИГРЫ

В числе нескольких вечных вопросов, над которыми человечество ломает голову не один век, есть и такой: что такое шахматы – интеллектуальное развлечение, спорт, игра, искусство?

Мне выпала удача прочитать недавно изданную книгу Давида Гургенидзе «Андрия Дадиани. От клеветы до истины», и ответ нашелся сам собой. Шахматы – это сама жизнь. С ее страстями и борьбой, достоинством и низостью, благородством и подлостью... А еще шахматы, в конечном итоге, – это воплощение справедливости. Ибо каждому – по делам его. Как в жизни.

Давид Гургенидзе не нуждается в специальных рекомендациях для профессионалов. Большой знаток шахмат, эксперт с безупречной репутацией, крупнейший исследователь истории грузинских шахмат, автор более 30 книг, он – дважды чемпион мира по составлению этюдов, международный гроссмейстер шахматной композиции, международный шахматный арбитр, кавалер Ордена Чести.

Шахматы для грузин всегда имели особый, почти сакральный смысл. Они были органичной частью жизни, одним из предметов первой духовной необходимости. В приданое невестам давали шахматы и «Витязя в тигровой шкуре». А генерал-лейтенант русской армии, князь

Андрия Дадиани (Дадиан-Мингрельский), которому и посвящена книга Д.Гургенидзе, по сей день является одной из самых знаковых фигур в истории шахмат, символом великой игры и шахматных комбинаций, фигурой признанной, но загадочной и трагической.

Книга не только полностью отвечает самому названию и восстанавливает историческую справедливость по отношению к Дадиани, чудовищно оболганному в начале XX века (подробнее об этом – чуть позже). Она значительно масштабнее заявленного тезиса «От клеветы до истины». Можно сказать без всякого преувеличения, что это своего рода шахматная и историческая энциклопедия, связанная с фамилией Дадиани. Она – словно высокое ветвистое дерево с мощным стволом под названием «Дадиани», над которым шумит густая крона – событий, героев, публикаций, слухов и их опровержений. А главное – шахматных партий, которых в книге общим числом – около 400. 338 из них – партии и комбинации, сыгранные Дадиани, обнаруженные автором в частных архивах и в музеях. В частности, в Зугдидском этнографическом музее, где хранится около 1000 страниц переписки Дадиани с крупнейшими шахматистами мира – Чигориним, Стейницем, Ласкером, тетрадей, фотографий и других документов. Именно Давид Гургенидзе обнаружил там

много неизученных и неопубликованных материалов, с которыми щедро знакомит в своей книге.

Перед читателем предстает образ высокого аристократа, великого мецената, неповторимого шахматиста, высокочтимого на Западе и ошельмованного на родине.

«Высоту дерева надо мерить от корней», - пишет автор. Поэтому повествование естественным образом начинается с рассказа о предках князя Дадиани, а потом, все расширяясь, захватывает родословные самых выдающихся людей XIX века, с которыми Андрия Дадиани связывает кровное и духовное родство, тесная дружба, близкое знакомство. А порой, увы, и противостояние.

Ну что ж, как говорил классик, «за мной, читатель!» Перелистаем некоторые из страниц этой удивительной книги – «Андрия Дадиани. От клеветы до истины».

Он родился 24 октября 1850 года в семье последнего Владетельного князя Мингрелии Давида I и княжны Екатерины Чавчавадзе, дочери Александра Чавчавадзе – видного военного, политического деятеля, генерал-лейтенанта, выдающегося поэта-романтика.

26 января 1851 года Андрия был крещен в домово́й церкви дворца Дадиани в Зугдиди. В Национальном архиве Грузии Д.Гургенидзе обнаружил поразительную запись в Метрической книге, выданной конторой Святейшего синода Имеретии Собору Мингрельской епархии. Крестным Андрии стал ни кто иной, как Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич и Великий Князь Александр Николаевич. Через четыре года, 18 февраля 1855 года, крестный-престолонаследник ступил на трон. На коронацию была приглашена Екатерина Дадиани-Чавчавадзе с семьей (Давид I к тому времени уже скончался). Екатерина прибыла со своими детьми и сестрой, Ниной Грибоедовой, и им было оказано особое внимание. Более того высочайшим распоряжением было предложено переселиться в Петербург – «ради воспитания детей». Ради ли воспитания или ради того, чтобы отдалить от родины будущих наследников трона правителей Мингрелии?.. Во всяком случае Нико Дадиани, старший брат Андрии (крестник императора Николая I) в 1866 году был вынужден отказаться от мингрельского трона. Княжество было упразднено, семейство Дадиани, по сути, выслано. А в компенсацию за отказ от владетельных прав в пользу русского императора Нико получил миллион рублей и сохранил в личной собственности имения и дворцы Мингрелии, в частности, дворец Дадиани в Зугдиди. И Нико, и Андрии было дано право носить титул «Светлейший князь Дадиан-Мингрельский».

Саломэ Дадиани, средняя между Нико и Андрии, стала женой принца Ашиля Шарля Луи Наполеона Мюрата, внука знаменитого наполеоновского маршала Иоахима Мюрата и сестры Наполеона Бонапарта Каролины. Вскоре супруги переехали в Грузию, где принц восстановил старинный сорт винограда «оджалеси» и занялся его производством. Принц Ашиль привез с собой некоторые доставшиеся ему по наследству реликвии дома Бонапартов – шпагу Наполеона, предметы мебели и одну из трех посмертных масок императора. Ныне эти уникальные экспонаты хранятся в Зугдидском музее, открытом во дворце князей Дадиани. Принцесса Мюрата родила троих детей. И по сей день – это единственная ветвь, которая продолжает родословную Екатерины Чавчавадзе и Дадиана Дадиани.

Андрии было 10 лет, когда он оказался в Петербурге. Окончил Пажеский корпус, затем – юридический факультет Гейдельбергского университета и уехал к матери, которая к тому времени жила в Париже. (Между прочим, по окончании университета Андрия говорил на шести

языках). Затем он возвращается в Петербург, где начинается его военная карьера в лейб-гвардейском гусарском полку, стоявшем в Царском Селе. Дадиани участвует в русско-турецкой войне, служит в российском консульстве в Риме. В 1890-е годы оканчивает военную карьеру в звании генерал-лейтенанта и переезжает из Петербурга в Киев. Последние годы жизни князь провел в Украине. Скончался 13 июня 1910 года в возрасте 60 лет. Похоронен с воинскими почестями в Мингрелии, в фамильной усыпальнице в Мартвильском монастыре (село Горди).

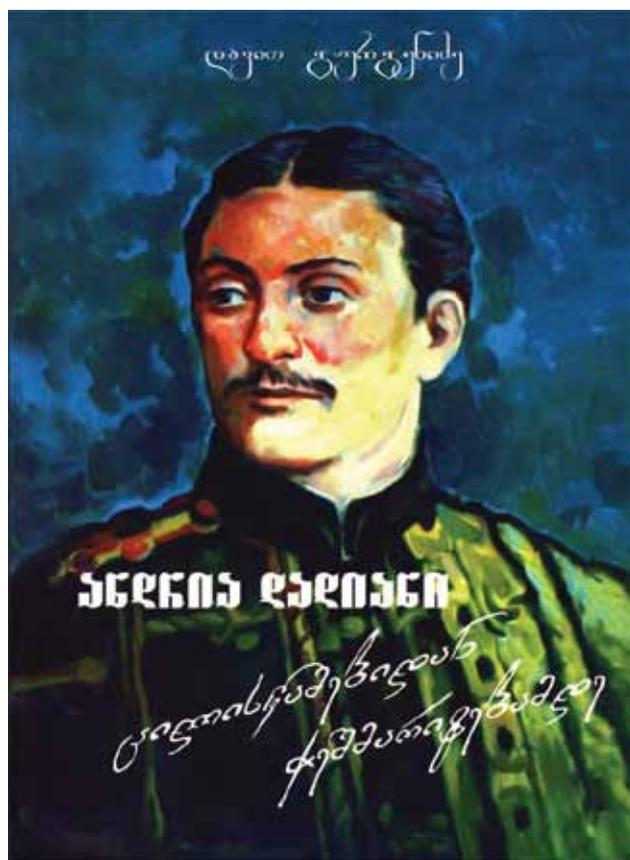
Такова официальная биография Дадиани. А вот «шахматная» история его жизни наполнена гораздо более сильными страстями и переживаниями.

В Тбилиси в доме Александра Чавчавадзе шахматы были одним из самых любимых развлечений. Давид Дадиани отлично разбирался в шахматах. А самого Андрию играть в шахматы научила мать.

В Гамбурге, где Дадиани проводили лето, с 14-летним Андрией занимался известный английский шахматист Томас Бернс, который предсказал юному шахматисту большое будущее. Тогда же Андрия победил в любительском турнире.

В 1867 году знаменитый французский шахматист Жан Претти познакомил Андрию с Игнацем Колишем, австро-венгерским мастером шахмат, который находился в зените своей славы. (Д.Гургенидзе обнаружил три партии, выигранные Дадиани у Колиша).

В Петербурге, Париже, Риме, Гамбурге Дадиани часто играл с самыми сильными русскими и зарубежными мастерами. Часто приезжал в Грузию. В 1894 году, например, в Тифлисе на сеансе одновременной игры на 15 досках он одержал 15 побед. Вообще, список его шахматных побед и в турнирах, и в матчах, и в личных встречах – велик. Его партии в русских и зарубежных шахматных журналах публиковали Михаил Чигорин, Вильгельм

Стейниц, Жан Претти... Лондонский журнал «The Chess Monthly» посвятил Дадиани весь номер целиком и поместил на обложке его портрет. В частности, журнал писал и о том, как в парижском кафе «Режанс», где встречались за шахматной доской мастера, Дадиани поражал присутствующих, по памяти воспроизводя партии известных шахматистов или играя партии, не глядя на доску. «В игре Дадиани мы видим смелого и острого гения», - написал о нем Стейниц. «Дадиани был признанным мастером комбинационной игры. Каждая его партия была острой и напряженной. Такое впечатление, что он всегда шел голыми пятками по лезвию ножа. Каждый его ход – огромное нервное потрясение. Маэстро шахматной игры, он извлекал из клавиш такие необычные звуки, словно в дикую зимнюю ночь одновременно грохочут десять тысяч бурь», - писали о нем специалисты.

В ноябре 1903 года в Киеве вышла книга «Окончания партий Князя Мингрелии Дадиан-Мингрельского» на французском языке тиражом в 50 экземпляров. В предисловии выдающегося русского шахматиста Эммануила Шифферса, который готовил книгу к изданию, приведена цитата из английского журнала «Бритиш чесс мегезин»: «Партии князя Дадиани останутся в мировой шахматной литературе как шедевры».

Но и этого мало. Давид Гургенидзе обнаружил, что в нескольких партиях Дадиани превзошел игру Роберта Фишера (или, возможно, Фишер воспользовался идеями Дадиани, партии которого широко публиковались на Западе?). В конце XIX века в Абастумани Дадиани играет с неизвестным (в книге – партия №48). Эта партия в свое время так впечатлила Вильгельма Стейница, что он опубликовал ее в газете «Нью-Йорк трибюн», где вел шахматную колонку. По поводу 15-го хода Дадиани Стейниц дал такой комментарий: «В серии гениальных ходов этот – первый». Так вот, данная партия предваряет партию Фишер-Пол Бенко (чемпионат США, 1963), в которой аналогичный 19-й ход Фишера шахматный журнал назвал «огненным»! А партия Бирн-Фишер (чемпионат США, 1963/1964; в книге – партия №50) воплощает

▼ Андрия Дадиани

партию Дадиани-Коган, сыгранную в 1902 году (в книге – партия №49).

Мы не случайно привели столь много восхищенных отзывов о мастерстве Андрия Дадиани.

Как же могло случиться, что после 1903 года в России этот выдающийся шахматист, известный меценат заслужил репутацию, мягко говоря, мошенника?

В 1903 году произошел конфликт князя Дадиани с Михаилом Чигориным – символом русских шахмат тех лет. Русские шахматные журналы не простили Дадиани этого конфликта, и если до 1903 года о нем писали только с восхищением, то после – только ужасные вещи. Утверждали, что он фальсифицировал партии, платил игрокам, чтобы они ему проигрывали... Затем эти версии перекочевали в официальную точку зрения 30-50-х годов, во все книги о шахматах, которые выходили тысячными тиражами... Когда в 1962 г. в газете «Вечерний Тбилиси» появилась информация, что международный арбитр Тенгиз Гиоргадзе готовит книгу о Дадиани, журнал «Шахматы в СССР» немедленно опубликовал критическую статью по этому поводу, а через несколько номеров – письмо международного мастера В.Панова «Осторожно! Князь!» В ней автор пишет: «О ком идет о речь? О светлейшем князе, который прославился тем, что оскорбил Чигорина и фальсифицировал шахматы». И уже не имело значения, что у Чигорина была масса конфликтов с массой людей. Все конфликты были забыты – кроме конфликта с Дадиани. Публикации о том, что Дадиани предлагал деньги за проигрыш, свели на нет все его достижения. Он стал одиозной фигурой в мире шахмат.

Д.Гургенидзе рассказывает: «В глазах моего поколения Дадиани был персоной, не заслуживающей уважения. А как иначе было относиться к человеку, который покупал партии? Но постепенно многое прояснилось. Во время перестройки стали доступны иностранные журналы. И выяснилось, как им восхищались великие шахматисты. Кроме того, вызвали серьезные сомнения утверждения, что он мог покупать партии. Кому князь Дадиани мог предлагать деньги? Первому чемпиону Москвы, профессору консерватории Александру Соловцову? Венгерскому банкиру, победителю парижского турнира 1867 года Игнацу Колишу? Итальянскому маэстро Серафино Дюбуа? Министру просвещения Андрею Сабурову? Министру Императорского Двора и уделов, канцлеру российских Императорских и царских орденов Александру Адлербергу? Все они – в числе его соперников, над которыми он не раз одержал победы. Кроме того, было широко известно о благотворительности Дадиани. В Зугдиди хранятся письма Стейница, Ласкера, многих других известных персон, из которых явствует, как зависели от него сильные мира сего».

Давиду Гургенидзе оставалось только одно – для восстановления справедливости и честного имени Андрия Дадиани необходимо было разобраться в сути его конфликта с Михаилом Чигориным. Гургенидзе провел самое настоящее расследование и своего добился.

Какова была официальная версия конфликта?

Об этом в своих воспоминаниях рассказал мастер Федор Дуз-Хотимирский (сыгравший по-настоящему роковую роль в жизни Дадиани). Дело якобы было так. «Дадиани, как генерал, - пишет Дуз-Хотимирский, - не мог участвовать в официальных играх, поэтому сильных игроков приглашал домой. Лично я, 23-летний парень, часто бывал у него, оставался обедать. Как-то раз мы сыграли матч из 12 партий. Дадиани выиграл лишь 3, остальные проиграл. В одной партии он, правда, победил красиво. Дадиани имел привычку хорошую партию со

своими заметками посылать для публикации в Париж, в журнал «Стратежи». Эту выигранную партию он, конечно, сразу послал туда. Журнал вскоре опубликовал ее, но с другим окончанием. Я был возмущен. Сам князь тоже был недоволен. «Я в таком виде ее не посылал», - говорил он. Друзья из шахматного кружка не давали мне покоя, настаивая, чтобы и я напечатал самую красивую выигранную мной у князя партию в газете. И так та партия появилась в прессе...» Дадиани якобы оскорбился и вызвал на дуэль всех членов шахматного кружка. Через два дня после этого инцидента в Киев приехал Михаил Чигорин. Дуз-Хотимирский пишет, что князь часто приглашал к себе домой известных игроков, за гонорар красиво выигрывал у них партии, которые потом публиковал. Мечтал так же выиграть и у Чигорина. Однако Чигорин в знак солидарности с Дуз-Хотимирским отказался от приглашения посетить князя. Гордый князь воспринял это как большое оскорбление и затаил обиду. И вот удобный момент настал. В 1903 году в Монте-Карло был назначен международный турнир, на котором почетным председателем был сам Дадиани, который к тому же оказал и финансовую поддержку турниру. На заседании комитета турнира князь выступил с требованием об исключении из числа участников Михаила Чигорина. Иначе он отказывается от председательства и забирает назад свои деньги. Комитет был вынужден согласиться. Чигорина исключили из турнира. Только пригрозив судом, Чигорину удалось добиться компенсации расходов, и он уехал.

Забегая вперед скажем, что впоследствии Дуз-Хотимирский в беседе с Т.Гиоргадзе признался, что во многом был неточен и дал слово написать подлинную историю конфликта для грузинской спортивной газеты «Лело». Но слова не сдержал. Но свое слово сказала история. В Зугдидском музее Д.Гургенидзе обнаружил его письмо с извинениями на имя Дадиани. Когда Дуз-Хотимирский писал свои воспоминания, конечно, был уверен, что этого письма уже не существует.

«Его Сиятельству князю Дадиан-Мегрельскому. Искренне прошу, Ваше Сиятельство, простить мне мою оплошность, связанную с публикацией вашей партии в киевской газете. С глубоким уважением, Ваше сиятельство, Дуз-Хотимирский».

А сейчас предоставим решающее слово непосредственно автору книги «Андрия Дадиани. От клеветы до истины» Давиду Гургенидзе:

«Я приведу только новые факты, а выводы пусть читатель делает сам.

Чигорин приехал в Киев 23 апреля 1902 года и уехал 1 мая. Князь и Дуз-Хотимирский сыграли партию 28 апреля. Она была опубликована в киевской газете в июле в шахматной рубрике, которую вел сам Дадиани. Цена воспоминаниями Дуз-Хотимирского – грош. Чигорин был приглашен к Дадиани до того, как была сыграна и тем более опубликована партия. Значит, отказ Чигорина имел какую-то другую причину. Думаю, ее надо искать в том, что случилось после Киевского турнира 1902 года, который закончился 22 марта. Князь Дадиани не присутствовал на турнире, он уехал в связи со смертью дяди и только в апреле объявил, что свой приз в 500 франков за красивую партию вручает Джеймсу Мейсону за победу над Давидом Яновским. 23 апреля, когда Чигорин приехал в Киев, эта была свежая шахматная новость. Чигорин был очень обижен, что Дадиани не оценил его партии с Зигбертом Таррашем. Вот почему он и отклонил приглашение Дадиани. Тем более, что на тот момент, как мы выяснили, между Дуз-Хотимирским и Дадиани конфликта еще не было. Чигорин вернулся в Петербург в

▲ Шахматы в Зугдидском музее

начале мая и во всеуслышание заявил – никогда не буду участвовать в турнирах, где президентом является Дадиани. Говорил он и более недостойные слова. Вообще, он был человек очень нервный. Рассказывают, например, что если ему что-то не нравилось в газете, он бросал ее на пол и топтал ногами. Дадиани узнал о высказываниях Чигорина. Именно поэтому и поставил свой ультиматум в Монте-Карло.

Очень важны и следующие факты. За годы после турнира 1903 года в Монте-Карло вплоть до смерти князя Дадиани в мире прошло не менее 10 шахматных турниров. И ни один из них не обошелся без его участия. Значит, у него как была, так и осталась достойная репутация. Удивляюсь, как российские историки не заметили (или не захотели заметить) следующего: впоследствии Чигорин не раз играл на тех турнирах, где президентом был Дадиани. Это значит, что так или иначе, но они помирились. Например, Дадиани пригласили президентом турнира в город Бармен в августе 1905 года. В архиве – около 15 писем от организаторов турнира, которые писали, что хотят пригласить Чигорина. Не знаю, что ответил Дадиани, но факт остается фактом – Чигорин принял участие в турнире. Значит, противостояние не было таким жестким, как представляли потом историки.

В 1908 году Михаил Чигорин умер. На следующий год в Петербурге прошел турнир его памяти, на который съехались все великие шахматисты мира. Победу одержали Эмануэль Ласкер и Акиба Рубинштейн. Турнир среди любителей выиграл будущий чемпион мира Алексей Алейхин. В списке членов оргкомитета, пожертвовавших на проведение этого турнира различные суммы, в русских газетах Андрюша Дадиани не упоминали. А вот в американской газете «Американская шахматная неделя» за 8 мая 1909 года я нашел информацию о том, что князь Дадиани на этом турнире присудил свои призы за красоту партии и вручил их Лео Форгачу и Савелию Тартакову. Не кажется ли вам, что это говорит еще и о такой черте князя Дадиани, как великодушие – на турнире памяти человека, который тебя поносил, учредить два приза за красоту игры».

Так кто же он был, Андрюша Дадиани?

Вот как отвечают на этот вопрос в XXI веке, например, в Канаде. Там действует интернет-блог «Дадиани чес», который публикует только самые красивые партии в истории мировых шахмат. Такие, какие играл Андрюша Дадиани.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ

ЛЕГЕНДА О ЛОЗЕ

Тысячи лет живет на Земле человек. Тысячи лет он изо дня в день совершает подвиг. Многие творения напоминают нам о великом подвиге труда Человека: пирамиды Египта и статуи Греции, водопровод Рима и порох Китая, первые крылья, оторвавшие человека от земли, и виноградная лоза, что преодолела неподвижность камня и из мифа гордо поднялась к солнцу.

О многом из созданного руками человека рассказывают мифы.

Еще в доисторические времена на маленьком клочке земли, где жили пращуры грузин и рождались мифы о золотом руне и легенды об амазонках, поднялась стройная виноградная лоза, которая с тех пор переплелась с историей грузинского народа.

Виноградарство – древнейшая отрасль сельского хозяйства Грузии. Грузинскую лозу воспевали поэты. Она одушевлена фольклором и вошла в национальный орнамент. За нее сражались грузинские витязи. Она кровоточила от мечей Тимур-Ленга и шаха Аббаса и, освященная народным признанием, удостоилась чести обвивать знамена и реликвии. Народ благодарил виноградную лозу за огонь, который она поддерживала в его очаге, за живительный сок ее гроздьев и тяжело переживал все горести ее судьбы.

И в наши дни героического труда рождаются мифы, олицетворяющие дух нашего времени. До нас дошел миф об одной виноградной лозе, ставшей живым свидетелем необычайных проявлений души простого советского человека.

Эту лозу мы увидели в 1958 году в деревне Носте, в колхозе имени Георгия Саакадзе. О встрече с этой лозой, о встрече с человеком, заставившим плодоносить камень, мы уже рассказывали читателю.

С тех пор прошло три года. И вот в 1961 году нам захотелось еще раз увидеть эту лозу, захотелось еще раз приблизиться к подвигу, который, как сказочная живая вода, наполняет людей новыми силами. Ведь подвиг никогда не остается с человеком, его совершившим: он уходит в Мир. Какой-то поступок только потому и называется подвигом, что он приобретает общечеловеческий смысл и превращается в одну из тех ступеней, по которым человечество восходит к своему идеалу.

В одно из ранних летних утр, когда природа заботливо убирает все земное драгоценными каплями росы, наша машина, так же как и три года назад, пошла на Запад.

Ощущение места приносит ветер. Вот вы выезжаете

из Москвы на Волоколамское шоссе, подставляете лицо рвущемуся воздуху и улыбаетесь: «Россия, родина...» Вот вы выезжаете из Тбилиси на Военно-Грузинскую дорогу, и ветер тут же приносит ощущение острой неразрывной связи с этой землей: «Грузия...»

Военно-Грузинская дорога – это дневник, перелистывая страницы которого, вспоминаешь жизнь страны, а через нее и свою жизнь.

Вот когда над дорогой нависала скала, получившая у шоферов название «Пронеси, господи», то на озелененных ныне отрогах Мтацминды – гордости тбилисцев – не рос даже дикий кустарник, а на плато фуникулера, где ныне раскинулся среди фонтанов парк культуры, нелепо торчали ярко-синие духанчики и возле них скучали ослики, прикрытые выцветшими хурджини.

Еще археологи не извлекли из глубины прошлого золотую гемму с изображением курчавабородого ивера, окруженного восхищенной надписью: «Питиахш – душа моя!», еще не был затоплен мост Помпея в Мцхета, но уже подводились первые трубы к горе Джвари, чтобы осветить светом Ленина келью Мцыри.

Так можно вспоминать много и долго...

Для каждого на Кавказе найдется такое место, которое воскрешает в памяти самые разнообразные события его жизни, связывает их с событиями жизни страны, соединяет лирику с эпосом. А находятся такие места потому, что у Грузии есть одно великое свойство: раз увиденная, она остро врезается в память человека и вся целиком, и каждым утесом своим, башней, улыбкой... Именно поэтому так глубоко лег Кавказ в сердца людей русского искусства. Именно поэтому так говорил о Кавказе А.А. Бестужев-Марлинский: «Не там ли настоящее место человека?.. Хребет гор – достойное подножие человеку, достойный порог небожителей...» Поэтому здесь рождаются возвышенные мысли, дерзновенные желания и героические поступки.

Как неопровержимое доказательство непреходящей силы красоты и мудрости, поднимается Мцхета. Это не дома, не храмы, не монастыри. Это много веков назад застыли воины, околдованные волшебной красотой, которую являют бросающиеся друг к другу Арагви и Кура. Вот уже четырнадцать веков не устает следить за этой схваткой монастырь «Джварис-сакдари». Сегодня он напоминает нам о той фразе, которую Лермонтов хотел первоначально поставить эпиграфом к поэме «Мцыри»: «Родина бывает только одна». Это изречение страны Ро-

ланда и героев движения Соппротивления глубоко патриотично и неоспоримо. Конечно, у человека может быть только одна родина, только одно место, встреча с которым происходит взволнованно и сдержанно, как с очень дорогим и близким человеком. Но Грузия обладает счастливым свойством притягивать сердца. Именно поэтому враги Грузии становятся твоими врагами.

Мцхета всегда заставляет вспоминать о врагах, которые покушались на Грузию. Почему они никогда не могли покорить ее?

Еще в I веке нашей эры Апикет поднял меч против римлян. Здесь же, в Мцхетском соборе, похоронен могущественный сокрушитель персов Вахтанг Горгасал, который, как поется в народной песне, «На Эльбрус ступил ногою, и горы дрогнули под ним!» Прямо в сердце арабов метнул огненное слово Иоанэ Сабанисдзе. Надолго запомнили турки твердую руку царя царей Тамар. Цотнэ Дадиани, твое бесстрашное благородство спасло товарищей от страшных монгольских пыток. Не мог разрушить Тимур-Ленг неприступную стену войск Георгия VII.

А вспомните Димитрия II Самопожертвователя, который, не задумываясь, отдал жизнь, чтобы отвести от Грузии персидский меч. Или бессмертные слова Ираклия II,

вступившего в единокорство с войском Ага-Магомет-хана: «Грузия гибнет, и мне жить незачем!»

Герои! Может быть, именно благодаря им враги никогда не могли покорить Грузию...

Мы с болью думали о веках разрушаемых селениях и городах и с гордостью – о непокоренном сердце грузинского народа.

Храм Светицховели! Напрасно зодчему Арсакидзе отрубили руку: все равно только один раз в жизни можно создать такую красоту. Спрятанные в стенах храма огромные кувшины заставляют громко звучать слово, сказанное шепотом. Должно быть, первые слова, которые прозвучали здесь, были такие: «Грузия, ты непобедима, бессмертна, прекрасна!» И стены, приумножив силу голоса, разносили эти слова далеко за пределы храма Мцхета...

Храм Светицховели! Здесь покоится прах царя Ираклия II, который 24 января 1784 года поставил свою подпись под «дружественным договором» с Россией. С этого дня начинается история общих страданий и общих радостей. Одна Грузия морила голодом Нико Пиросмани, а другая – устами Важа Пшавела восклицала: «Свобода или смерть!» Одна Россия убила Илью Чавчавадзе, а другая...

Когда-то при выезде из Тифлиса перед речкой Верой стоял огромный чугунный крест с изображением «Всевидающего Ока». На его гранитном пьедестале золотыми

буквами была выведена надпись: «Живый в помощи Вышнего в крови бога небесного водворится. 12-го октября 1837 года». Этот крест поставила та Россия, которая в этом же году убила Пушкина. Но другая Россия, Россия Лермонтова и Белинского, Менделеева, Циолковского и Павлова, Россия Ленина 26 июня 1927 года помогла поставить другой памятник, который разнес по Грузии тысячи «всевидающих очей». Называется он Загэс. Это Россия помогла превратить пыльный пустырь в Дигомский совхоз, один из лучших виноградарских совхозов Грузии.

Нам пришлось побывать здесь еще в 1914 году. Вокруг простиралась бесплодная земля, выжженная солнцем и горячими ветрами. Сквозь пыль, вздымаемую колесами «Бенцев» и «Мерседесов», только и виделся, что «Белый духан», у входа в который изнемогающий от зноя старый медведь, стоя на задних лапах, клянчил бутылку лимонада.

Это было известное Дигомское поле – неполивной пустырь, полого спускающийся к Куре, находящийся вблизи Тифлиса.

Сейчас справа и слева от асфальтированной Военно-Грузинской дороги тянулись ветрозащитные полосы зеленых насаждений. За ними скрывались виноградные плантации прославившегося Дигомского совхоза. Здесь собрана уникальная коллекция мирового значения. Более 1.200 сортов – посланники всех виноградных держав мира. Грузинская лоза дружески обнялась здесь с итальянской, французской и греческой, с болгарской, испанской и персидской...

Меняется виноград, меняется жизнь. У людей сложилось новое отношение к ценностям, к труду. Грузинский народ сумел объединить прошлое с настоящим, традиции с новаторством, себя – с другими братскими народами.

А вот как 50 лет назад описал путешественник эти места: «Пустынен и неотраден вид равнины Куре в ближайших окрестностях Мцхета. Бесплодная, глинистая почва хотя еще зеленеет теперь травой от необычайных дождей, по обыкновению выгорает летом дотла и обращается в какой-то бурый войлок... Лысые, голые холмы торчат из этой тощей земли, давая кое-где приют редким грузинским поселкам... Садов, виноградников следа нет; даже распаханной земли очень мало...»

Храм Светицховели! Глядя на него, вспоминаются проникновенные стихи Ираклия Абашидзе:

*И тогда я поклялся
нетленностью этих красот.
Формой этих амфор,
лебединой повадкой кувшинов:
Нет, не сон и не прах
то, что мастер в трудах создает.
То, что он созидает,
в грядущее мост перекинув.
И тогда я подумал,
что это не камни горят,
А глаза их творцов
полыхают огнем из-под спуда.
Ощувив на себе
этот зоркий и пристальный взгляд,
Я поклялся, что жизнь
ярче сна и чудеснее чуда.*

Жизнь чудеснее чуда! От Тбилиси до Гори заложены новые виноградники, вестники непрерывного движения жизни. И, любуясь молодыми плантациями, мы думали о том, что совершенство картины зависит от гения художника, совершенство же местности – от гармоничного сочетания природы, истории и труда. И, думая об этом, мы невольно вспоминали Цинандали.

В Цинандали есть все: старинный декоративный парк, память о том, как гуляли здесь поэты Александр Чавчавадзе и Александр Грибоедов, а в залах гостеприимно-

го дома пил «польский мед» урожая 1814 года молодой Лермонтов. Здесь передовые люди того времени слушали стихи, насыщенные пафосом социальной свободы. И здесь свидетелями большого труда являются многоликие превращения винограда: сусло... маджари – молодое вино... многолетнее томление в чанах. Торжественный день разлива и получение имени. Первые выезды в «большой свет». Представление своей родины на международных дегустациях, выставках, ярмарках. Появле-

ние на ярлыках золотых медалей...

А машина шла дальше, и вновь лилась в окна непрерывная и необозримая красота...

По обочине дороги, поставив на плечи корзину, так легко шла девушка, словно несла не тяжелые гроздья винограда, а черную пену.

Не шелохнулась на спине черная коса, и казалось, камни, бугорки и ямки на миг исчезли, помогая ей сделать следующий шаг.

Грузинская женщина!

Несколько лет назад нас поразила в Вардзии фреска царя-царей Тамар. Не простым художником должен быть человек, чтобы создать такой портрет, в котором отразились бы мудрость старца и сила юноши, высокомерие царицы и стыдливость девушки, непоколебимость полководца, суровость воина и хрупкая красота женщины. Фреска стара, но разве не те же черты своеобразно отражены и сегодня в каждой грузинской женщине, мудрой, сильной и красивой?! Этим женщинам посвятил Шота Руставели свою бессмертную поэму.

Существует очень немного книг, которые можно называть букварями жизни. Читая и перечитывая их, человек постоянно учится любить и ненавидеть, учится, в сущности, самым основным чувствам: любви к прекрасному и ненависти к уродливому. Так же, как и сами чувства, эти книги никогда не стареют и из века в век все щедрее открывают перед читателем тайны своей глубины. Грузия подарила миру такую книгу: это «Витязь в тигровой шкуре».

В древности говорили: «Поэзия – часть мудрости». В поэме Руставели высокая поэтичность и глубокая мудрость связаны так, как аромат с розой или мысль со словом.

Упоение красотой всего земного, которое переполняет поэму, вот уже много веков заставляет людей остро почувствовать желание жить и жить. «Я воспел лишь плоть земную, красоту ее влечений...»

Вы видели, как плачут люди в темноте кинозала? Одни плачут от умиления, и тогда они пытаются скрыть свои слезы. Другие – от сочувствия к чужому горю, и тогда они, может быть, чуть-чуть горды тем, что умеют так глубоко чувствовать... Но есть фильм, на котором плачут от чего-то такого, что если сказать – от счастья – это будет далеко не точным и не исчерпывающим. Это фильм Уолта Диснея «Бемби». Великая сила искусства сделала этого олененка близким для каждого человека... Но мало кто знает, что этот образ создал повелитель гор и лесов, рек

и ущелий, душ животных и ума человека Важа Пшавела.

Еще задолго до того как пролилась кровь на сопках Маньчжурии, задолго до того как стонала Марна и горела Галиция, из глубины пшавских гор донесся взволнованный голос человека, напоминающего, что самое ценное на земле это жизнь и любовь.

Настоящее искусство, так же как чувство или мысль, не имеет национальности. Вернее, оно не замыкается в границах одной национальности, а перешагнув через них, решительно входит в сердца всем людям. И тогда, помимо того, что оно грузинское, оно становится русским и испанским, греческим и французским, индийским и норвежским. Чтобы творить такое искусство, нужно уметь мыслить и чувствовать так, как люди всего мира. Для этого нужно быть гениальным поэтом.

*Что странного, что я пишу стихи?
Ведь в них и чувства не в обычном роде.
Я б солнцем быть хотел, чтоб на восходе
Увенчивать лучами гор верхи.
Чтоб мой приход сопровождали птицы
Безумным ликованием вдалеке.
Чтоб ты была росой, моя царица,
И падала на розы в цветнике.
Чтобы тянулось, как жених к невесте,
К прохладе свежей светлое тепло.
Чтобы существованьем нашим вместе
Кругом все зеленело и цвело.
Любви не понимаю я иначе.
А если ты нашла, что я не прост,
Пусть будет жизнь избитой и ходячей –
Без солнца, без цветов, без птиц и звезд.
Но с этим ты сама в противоречье,
И далеко не так уже проста
Твоя, растущая от встречи к встрече,
Нечеловеческая красота.*

Чьи это стихи? Блока или Лорки? Верлена или Гейне? И того, и другого, и третьего... А написал их еще один гениальный представитель Грузии, великий «человеческий» поэт Николоз Бараташвили, имя которого нельзя не назвать даже тогда, когда вы собираетесь сказать о Грузии всего три слова.

Может быть, именно благодаря таким «красавцам людям» враги никогда не могли покорить Грузию...

Быстро крутятся колеса нашей машины, но не догнать ей крылатого коня Мерани. И поэтому вновь льется в глаза неисчерпаемая красота. Шумела река Лехура, отражение моста судорожно цеплялось за валуны, словно не хотело податься течению. До Гори оставалось километров тридцать, когда показалась башня, будто наступившая на дорогу. Это была Цители-Сагдари, таможня, которая напоминала о раздробленных феодалами путях и о княжеских пошлинах. Из-за деревьев выступала деревня Игоети, белые придорожные столбики, словно резвящиеся дети, побежали вниз.

Этот дом остался один. Он стоит на холме, такой непохожий на все окрестные здания. От западных склонов Дагестанских гор, обращенных к Кахети, и до восточных отрогов Сурамского хребта, обращенных к Карталинии, он остался – один. Воинственные орды иранских шахов и турецких султанов превратили в руины все светские здания средневековья, украшавшие Грузию. Уцелели, конечно не все, - крепости-монастыри; дворцы остались в легендах. Этот дворцовый дом построили более двухсот лет назад Тархан-Моурави, прямые потомки полководца Георгия Саакадзе. Это было время персидского влияния, и оно отразилось на архитектуре этого здания и на его внутренней отделке. Мы видели в лунных отблесках безмолвный фонтан и на стенах поблекшего зала красочные медальоны итальянских мастеров. В комнате, подобной шатру, на потолке и на стенах таинственно сверкали капли зеркал, вкрапленных в узорчатую листву из чер-

вонного золота. Мы вступили в голубоватую комнату, где искусно был выложен камин и где решались судьбы государства. Мы многое знали об этом доме, но мы не знали его судьбы.

Носте. Место, в котором любят рождаться подвиги. Мы волновались, приближаясь к нему, волновались за жизнь лозы, которая за три года могла выбиться из сил в неравной схватке с камнем.

- Проведите нас к Иванэ Сидамонидзе, - попросили мы ностевскую детвору, сбежавшую к машине.

- Сидамонидзе?.. Его уже нет.

Слово «нет» всегда решительно и необратимо. Мы вспомнили:

Запах овчины. Свежевыпеченные лепешки. Блеск прадедовской шашки. Мы находились в комнате для гостей первого виноградаря Носте.

Перед нами в кустарных рамках несколько фотографий. 1900-е годы: на плацу новобранцы 167-го Остроцкого полка. Правофланговый – Иванэ Сидамонидзе. 1904 год: на выцветших сопках Маньчжурии среди солдат 212-го Бахчисарайского полка разведчик Иванэ Сидамонидзе в косматой папахе и башлыке поверх шинели. 1916 год: на фоне взятого Эрзурума среди стрелков 77-го Тенгинского полка – Иванэ Сидамонидзе.

Три фотографии большой истории. Ратный труд русского солдата. Ненависть к врагу, как оружие прадедов, передавалось новым поколениям.

Иванэ Сидамонидзе наполнил красным вином три стаканчика, но жестом остановил нас, когда мы собирались их осушить за его здоровье.

- Это вино пейте только за жизнь моего сына...

Мы поняли, о чем говорил старый солдат. Тот, кто уходит из жизни героем, продолжает жить на земле. Иванэ Сидамонидзе рассказывал:

- Девятнадцать лет от начала века прошло, говорили: долгий мир настал на земле. В тот год сын у меня родился. Не успел его еще хорошенько рассмотреть, он уже из ностевской школы в Сурамскую автотракторную перешел. Землю за щедрость очень полюбил. Как будто в поле выехал, а на самом деле – в жизнь. Но тут наперерез немец вышел. Сын без приказа на войну ушел: «Буду, - сказал, - воевать так, как воевал Георгий Саакадзе». Из города Севастополя письмо прислал: «Соберите, колхозники, деньги и купите мне танк. А тебе, отец, посылаю двести рублей, посади около нашего дома виноград. Понимаю, невозможное прошу, но вчера краснофлотец Николай Фильченко с гранатами на поясе под немецкий танк лег. Если вернусь, с тобой, отец, выпьем за людей вино из нашего винограда, если не вернусь, вы пейте за мое здоровье...»

Иванэ Сидамонидзе замолчал, словно прислушивался к гулкому шуму падающей с гор Ностури. Потом сказал:

- Танк мы «Родиной» назвали. Севастополь тогда защищал Кавказ. Кавказ защищал Севастополь. Большой бой был. Сын вместе с танком сгорел. Но это вино все же он первый выпил!

И старик поведал, как долго он трудился, чтобы камень ожил, как настойчиво боролся с его упорством, как

бережно выхаживал первую лозу, долго казавшуюся ему нереальной, как согнулась она под тяжестью первой кисти и какого цвета было первое вино; как поднялся он к боевой башне, долго вглядывался в туманные дали запада – и на том месте, откуда ушел сын, осторожно окропил вином выросшую здесь лозу...

Медленно шли мы по тропинке, которая три года назад привела нас к человеку-герою. Но не могло уже умереть с ним его деяние. Нет! И это «нет» было еще более решительно и необратимо. Не могло! От той самой башни, к которой часто приходил встречать сына Иванэ Сидамонидзе, и до веселой Ностури в каждом садике по каменным склонам вилась цветущая виноградная лоза.

Закончилось наше путешествие по вечно юной земле. Закончилось в том месте, где победенный камень поведал нам о бесконечности разума и сил человека. Камень заплодоносил потому, что его сломила еще более непоколебимая вера, которая побеждает смерть.

*Апрасион Мерквиладзе
Думал, что бессмертен он.
Двадцать пуль в него попало,
«Комары!» - подумал он.
Вопль соратников слышан.
«Как поют!» - подумал он.
Кровь, текущую из раны.
Принимал за розу он,
А товарищей погибших
Принимал за спящих он.
Лишь глаза его померкли.
«Это вечер!» - думал он.
Пал в ущелье бездыханный.
И решил, что дремлет он.
Как в могилу опустили,
Думал, что в засаде он.
Лили мы над мертвым слезы,
«Дождь весенний!» - думал он.*

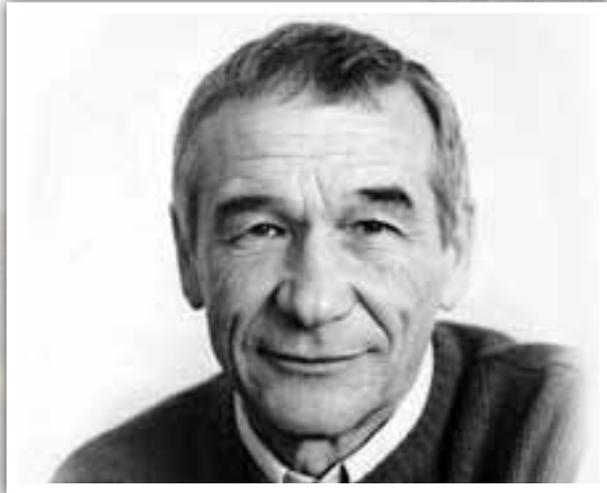
Может быть, именно благодаря таким «красавцам людям» враги никогда не могли покорить Грузию...

Книга не кончается...

Кончается лишь еще одна страница истории людей, которые достойны называться мастерами жизни.

Не кончается и дорога, так как нам предстоит еще продолжить наше увлекательное знакомство с другими районами современной Грузии. Мы надеемся, что наш путь в недалеком будущем приведет нас и в чарующую Пшаветию, на родину мужественного и возвышенного Важа; к ледяным высотам Хевсуретии, где неувядаем дух грузинского рыцарства; в Южную Осетию, от высот Кавказа сбежавшую к пламенным долинам; в Мингрелию, и в век «стальных коней» не изменяющую горным скакунам; в Аджарию, озаренную зеленым лучом Черного моря; в Сванетию, гордо опустившую небо на свои башни, и наконец в Месхетию, открывшую нашему времени древние сокровища Грузии. Героям наших будущих документальных новелл мы говорим: «До скорой встречи, друзья!»

Анна АНТОНОВСКАЯ, Борис ЧЕРНЫЙ
«Документальные новеллы о Грузии», 1961 г.

ВЛАДИМИР ЛЕОНОВИЧ (1933-2014)

От автора: «Живу на Родине, в Костроме, где я родился в 1933 году, потом был увезен в Москву, окончил московскую школу, учился в Одесском высшем мореходном, в Военном институте иностранных языков, служил в армии (Шуя, Гороховецкие лагеря), учился на филфаке МГУ, преподавал в сельской школе, работал в плотницкой бригаде, на стройке Запсиба, на электрификации Красноярской ж/д. Работал в журнале «Литературная Грузия», много переводил».

УТРО

В Богородицын оклад
врезанные самоцветы –
золота и камня лад
на другом краю планеты.

Яхонты горят в венце
Божьей матери Хахульской...
Рдеет на твоём лице
жар лучей от печки русской.

Виноградная резьба,
строгое витье колонок...
Пятистенная изба
нам досталась от олонок –

девяти столетних дев
Феодоры и Пиамы.
Пышет печи львиный зев...
Тишина... раздолье... планы...

Золотят твои зрачки
радужные золотишки –
разбегаются клочки
первой утренней картинки.

Будет месяц без гостей,
черный хлеб родимой речи
и желанный – сам-третей –
утренний огонь из печи.

Железными гвоздями в меня вбивали страх.
С разбитыми костями я уползал впотьмах.
Но призрак Чести вырос, как статуя во мгле:
вернулся я и выгрыз позорный след в земле.
И стал я набираться железных этих сил...
И стал м е н я бояться т о т, кто меня гвоздил.
А мне теперь, ей-богу, не много чести в том,
и радости не много в бесстрашии моем.
Меня топтали кнехты, и тело сек палач,
Но даже истязавший не услышал мой плач.
Я молча стиснув зубы, из подо лба глядел,
А мой палач угрюмый с усталости потел.
Подковы молотили мой торс со всех сторон,
Но те, кто меня били не слышали мой стон.
Я падал, поднимался, опять сшибали с ног,
Но тот, кто издевался, боялся моих строк.
В темницах, в униженьях, под криками угроз
Никто из них ни разу моих не видел слез.
В пучинах преисподней, я из последних сил
Магическую заповедь себе в уме твердил
Как Отче наш единый «еси на небеси»:
Не верь, не поддавайся, не бойся, не проси
И все-таки я выжил, злодейству вопреки,
И трепетом прониклись исконные враги.
Железными тисками выдавливал я страх,
Лизало нервы пламя, обугливало в прах
В изгибах лихолетья, заматерев душой,
Я формулу бессмертья в самом себе нашел.
Не зря меня боялся тот, кто меня гвоздил
Я выжил и поднялся, набравшись новых сил
Воспрял, как птица Феникс, обидчиков кляня,
И стал разить словами тех, кто душил меня
Стрелял почти не целясь, но сразу наповал
Убойными стихами злодеев добивал
Но мне теперь, ей-богу, не много счастья в том,
и радости не много в бессмертии моем.

СВ. СЕМЕЙСТВО

Тоненькая,
белоснежная –
слетает Мариина ручка
на темную руку супруга.
Вздвогнув, Иосиф
взгляда не поднимает,
лишь накрывает Мариину
Иосифова рука –
похожая, если взглядеться,
на пустынный пейзаж
с такыром и чахлой порослью.
Взгляд мужчины похож
На Мертвое море: там
некий свинцовый слой
не всплывает – не тонет –
не подымает глаз
на Марию Иосиф,
но Девочка ни при чем
в этой жестокой сказке.

БЕЗ ТЕБЯ

Я живу тяжело и открыто.
Наполняется мой Колизей.
Я просеял сквозь крупное сито –
я отвеял неверных друзей.

Я живу далеко и забыто
в обаянии небытия –
без Тебя, без малейшего быта –
где вы, дочери и сыновья?

Понимаю Вас, Анна Андревна,
полной мерой этой беды.
Никого – на песочке арены,
только ближе и ближе – следы...

НЕУСТАННО

В келье стол, топчан и стул.
Каменная тишь. Снаружи
два на два – раздельный стук.
- Да, войдите. Да!! Да ну же...

Гость стучит: кресты кладет,
и без трех крестов надверных
в эту келью не войдет
ни один из благоверных.

Дверь тесовая, с волчком, -
сотка, с проймами, сплошная...
Пролезает гость бочком,
крестит стены, объясняя,

что кропить и осенять
надлежит их неустанно –
неустанно изгонять
призраки СЛОНа и СТОНа.

Прим.

*СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения;
СТОНа – Соловецкая тюрьма особого назначения.*

ИЗ АЛЬБОМА

Видел я Каргополь нынче и Петрозаводск,
Питер и Оренбург, Кострому и Калязин,
Алмаатаюсь по свету, и нет мне опоры.
Нет – как дифтонга воздушного «и-а»,
чтоб мог я Гиа сказать, Гиинька, домосед
мой счастливый.

Ты себе дома, и крепки твои бастионы
рукописей, корректур, запыленных подшивок...
«Книгу в себе» ты умеешь ценить,
прикасясь пальцами
бережно к авторской подлинной правке,
к детскому почерку: о! лепетать, о Цхинвали! -
синюю папку одну разрешив от тесемок.

Третий этаж, и звонок – наконец! - и объятья,
и ритуальные танцы, и пухлые ручки
к небу воздеты, и прыгает Лялька, и Джанка
лает и лает, и монументальна Этери,
как дедабодзи, держащая Дом крестокрыло.
В этом триклинье грузинском теснятся картины,
книги, растенья и камни и – вечные гости –
в комнаты входят с балконов лоза и глициния.
В этом дарбази античном гостят олимпийцы,
ликамы – вполоборота – из тьмы выступая.
Додик Давыдов, наш Рембрандт, снимал их,
но если б
преображенные Додиком оригиналы
все собрались – не избежать бы им потасовки!

Мир вам, которые живы, и царство...
Но царство – в воздухе дома сего:
замирание звуков благоговейное,
этих камней и растений
позы и возникновение звуков, и ликом
этих вниманье – и все тут внимает и внемлет
некоей чудной стихии... Но страшно за Гио:
так незнакомо лицо и уста побелели,
бездной какой-то охвачен,
последним блаженством, на волоске его жизнь...
Длится пауза... - Белла, гениалури, -
прошепчет, еще не очнувшись.

Беллину книгу держал я, как Вацлав Нижинский
Павлову Анну, и это – вина режиссера.
Бисерным Гииным почерком: Павлову Анну –
мне, - и так далее. Где эта книга, Илюша?
Как же я мог... Ради предка Дадешкелиани,
доблестного Константина, найди и верни мне
если не книгу, то надпись, но как же, но как же...
Вечный вопрос наш, Илюша, верни же
мне Анну – Беллу,
хотя и окончен балет наш...

«ПЕРЕВОДЧИК, СЛОМАЙ КАРАНДАШ!...»

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ И ВЛАДИМИР ЛЕОНОВИЧ

Владимир Леонович, его стихи и переводы (подчеркну: вольные переводы!) - серьезное явление в российской поэзии. Переводят почти все поэты, и многие делают это мастерски. Но очень немногие достигают в переводе такой напряженной искренности, такой свежести, такого проникновения в оригинал (хочется сказать – взаимопроникновения), как Леонович.

Он многое и многих переводил. Но решающей для него, как справедливо замечено Г.Маргвелашвили в предисловии к книге «Стихи», оказалась именно встреча с Грузией и грузинской поэзией, в особенности с незакатным солнцем ее – с Галактионом Табидзе.

Родина! День наступает и близится.

Родина, сердце мое оживи.

Видишь – любовь моя – светится – высится

В утреннем зареве – храм на крови...

В щедрой на поэтов Грузии поэтическое имя Галактиона Табидзе стоит среди первых ее имен.

Передать бездонность его стихов – вот главная задача их переводчика. Заслуга Леоновича уже в том, что он первый понял это, а поняв – не отступил от края, не зажмурил глаза, а стал понемногу пересказывать для нас то, что сумел разглядеть в глубине.

Можно взять подстрочники Г.Табидзе (благо они изданы) и сличить их с переводами Леоновича. Но это филологическое упражнение, бесполезное в большинстве случаев, здесь оказывается неуместным. Дело в том, что Леонович, насколько я понимаю, переводит не отдельные стихи, а поэта и поэзию в их целокупности. То же сличение – «очная ставка» якобы подлинника и якобы перевода – говорит нам об этом и только об этом. Как правило, видишь: уловлено и со-

хранено главное – тема вещи, но сами слова и вариации, в которых она раскрывается, - другие: непохожие, но удивительно точные по существу.

Наивные люди требуют от художественного перевода зеркальности, физической симметрии: по-грузински здесь речка – и по-русски давай ее сюда же. Но истинная природа перевода скорее химическая: два вещества – два поэта, переводимый и переводящий, – каждый со своей собственной достаточно сложной структурой и свойствами – вступают друг с другом в соединение, во взаимосвязь, в сложную реакцию, в ходе и в результате которой образуется нечто новое, нечто третье, сохраняющее черты обоих источников, обоих своих подлинников, как ни парадоксально это звучит. Важно помнить, что реакции эти строго избирательны, и далеко не каждый поэт способен настроиться на другого.

Пока Леонович переводил Галактиона Табидзе, он написал об искусстве перевода несколько статей и стихов – исповедальных, ярких и полемических. Вот строфа одного из них:

Переводчик, сломай карандаш:

Перескажешь – размажешь – предашь.

Этот подлинник неуследим.

Подвиг – подвигом переводим.

Именно этими строками впору закончить краткие заметки о книге, вобравшей в себя и высокую лирику Галактиона Табидзе, и переводческий подвиг Владимира Леоновича.

Павел НЕРЛЕР

Из сборника «Зедзени в тумане.
Российско-грузинские этюды»

ПАМЯТИ ДРУГА

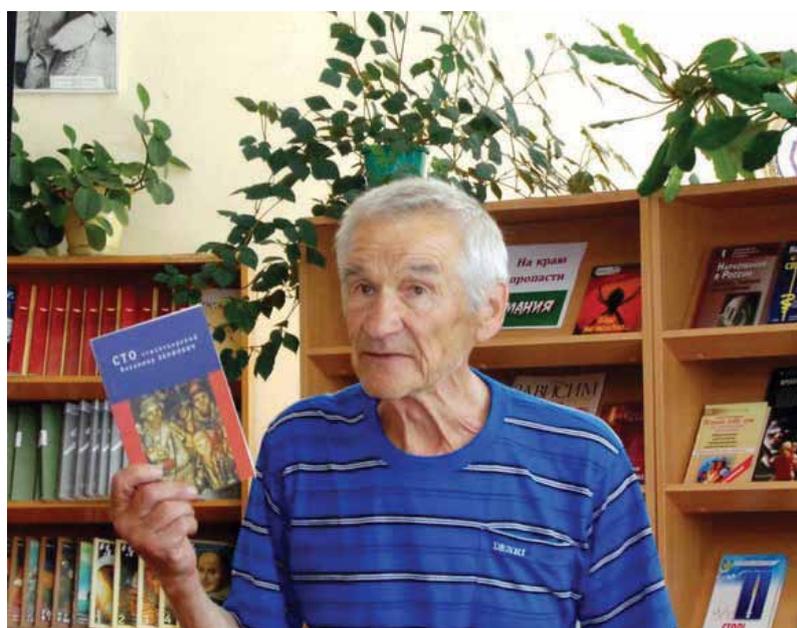
9 июля 2014 года на 82 году жизни скончался большой русский поэт и выдающийся переводчик Владимир Леонович. Обе наши литературы – русская и грузинская, понесли огромную утрату. Мне выпало счастье дружить с Володей более сорока лет. Когда он жил в Карелии один или вместе с замечательным человеком и поэтом Яном Гольцманом, они присылали нам письма на бересте, делясь красотой и загадочностью Северного края. А в последние годы его жизни, когда он поселился в любимой им Костромской области (ведь он и родился в Костроме, и преподавал много лет в тамошней школе), мы общались по мобильному и, несмотря на тяжелую болезнь сердца, нужду и некоторую оторванность от московской культурной и литературной жизни, голос его всегда был бодрым, и он рассказывал с радостью и любовью, как растет его маленькая дочь Маруся. Я хорошо знала маму Володи Ольгу Александровну, обожавшую сына и постоянно тревожившуюся за него. Это была исключительная женщина, очень много давшая ему в области духовного развития. Поистине счастливыми были вечера, когда Володя и его благородная и добрая красавица-жена Раечка приходили к нам на огонек. Митя и Оля в те годы были слишком малы, чтобы ходить с родителями в гости. Увы, Раечки нет с нами уже два года, но память о ней жива по сей день. Новую семью Володи мы знали только с его слов.

Володя получил разностороннее образование, хорошо знал несколько европейских языков, был интеллигентом чистой воды и, в высоком смысле этого слова, интеллектуалом. При этом он обожал простую крестьянскую жизнь, умел тяжело трудиться, владел довольно редким ремеслом печника, предпочитал жить в глубинке поближе к природе.

Так счастливо сложились обстоятельства, что я в молодости и в зрелые годы пребывала в окружении самых ярких, талантливо творческих людей Грузии и России, и хочу подчеркнуть, что даже на этом ослепительном фоне Леонович всегда выделялся и стоял

как бы особняком. Он был действительно неповторим и отличался от всех внешностью, одеждой, манерами, говорил и писал, вел себя не так, как все. К этой своей особенности он никогда не стремился. Напротив, предпочитал оставаться незамеченным, держался всегда скромно, если не робко, и окончательно расковывался, только читая стихи и переводы. Читал он необыкновенно страстно, с огромным чувством, от которого у него самого перехватывало горло. Я и сейчас вижу его перед собой и слышу этот неповторимый голос. К своим стихам и переводам он относился с одинаковой ревностью и любовью, как к родным детям.

В Грузию он влюбился, как говорится, с первого взгляда. Он принял эту страну целиком и взахлеб, с ее природой, историей, героями и простыми людьми. Он очень любил вставлять в тексты стихов и переводов грузинские названия, слова, иногда целые выражения в русской транскрипции. В тбилисское литературное сообщество он влился, как родной. За это он был осо-

бенно благодарен нашему незабвенному Гие Маргвелашвили. Володя переводил грузинских поэтов разного поколения: здесь были Карло Каладзе и Лия Стуруа, Шота Нишанидзе и Заур Болквадзе, Отар Челидзе и Бидзина Миндадзе. И все это на высочайшем профессиональном уровне. Однако, особые отношения у него были с поэзией Отара Чиладзе. Я не знаю, что это было: борьба противоположностей, или стремление к единству. Поэмы и стихи Отара Чиладзе стали личным делом поэта Владимира Леоновича, частью его судьбы и занимали огромное место в его творчестве.

И все таки, непокоренной вершиной для Володи до конца жизни оставался Галактион. Трагическая судьба гения, неповторимая музыка его сочинения, новаторский стих волновали Володю, и он стремился воплотить все это в русском слове. В 1986 году в «Мерани» вышла самая лучшая, на мой взгляд, из опубликованных его книг – книга стихов и переводов «Время твое». Этот сборник стал драгоценным украшением уникальной серии «Стихи о Грузии и переводы», подарившей поэтам, не печатавшимся в России, право и возможность разговаривать со своим читателем. Володю связывали с тбилисской элитой прочные творческие связи. Вместе с замечательным художником

▲ С дочкой Машей

Робертом Кондахсазовым и талантливым переводчиком Нодаром Тархнишвили (увы, уже ушли из жизни все трое), они задумали иллюстрированное издание на русском языке легендарной «Литературной богемы старого Тбилиси» Иосифа Гришашвили. Книга, в конце концов, увидела свет, но ... без иллюстраций. Кому-то наверху они показались чересчур вольными, хотя эта работа Роберта Кондахсазова является по сей день подлинно хрестоматийной. Но не все оказалось под силу мудрому и сильному, и главное, бесстрашному и бесменному издателю Марку Израилевичу Златкину, истинному другу всех талантов. Начиная с 1989 года, Володя остро переживал все происходившее в Грузии. Это была его вечная боль и страдание. Наконец, после событий в Абхазии и Южной Осетии, когда мы с мужем навестили Володю в Боткинской больнице в Москве, он сказал: «Иногда мне стыдно, что я русский». Это переключается с криком души из письма к Отару Чиладзе, опубликованного в журнале «Русский клуб»: «Прости Россию, Отар». Так мог сказать только человек, представляющий настоящее лицо России. Боже мой, как мало сегодня таких людей!

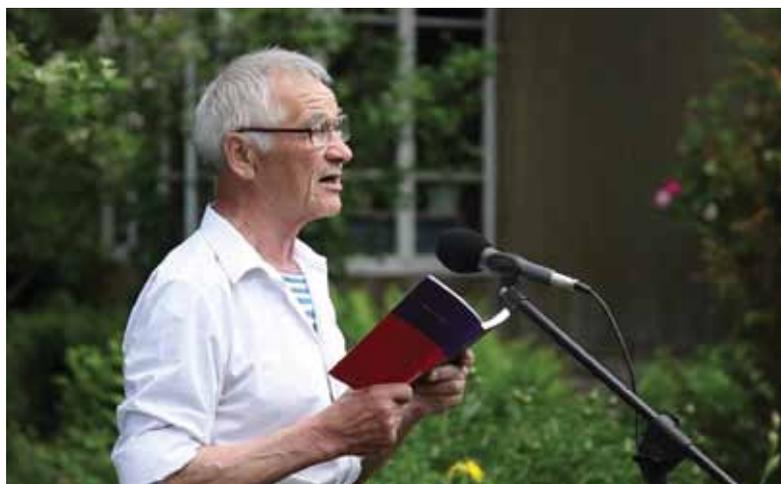
Воспоминания уведат меня слишком далеко от дня нынешнего, когда мы должны сказать нашему дорогому другу и соратнику последнее «прости». Ушел еще один из столпов грузино-русских связей, на ответственных плечах державших иногда непосильный груз ответственности. Низкий поклон и великая благодарность тебе, Володя, за твою неподкупную честность и мужество, за твой исключительный талант и трепетную бережность к Слову, родному или чужому. Впрочем, в литературе и культуре для тебя не было ничего чужого. Отныне твое имя всегда будет звучать рядом с любимыми тобой Владиславом Ходасевичем, Борисом Пастернаком, Галактионом Табидзе и Отаром Чиладзе. Никогда не забуду, что первый тоненький сборник дореволюционной Ахматовой, в известные времена запрещенной, именно ты подарил нам. Теперь это достояние наших взрослых детей, которые слышали в нашем доме, как ты читал свои новые стихи и переводы. Покойся с миром и вечная тебе память.

Анаида БЕСТАВАШВИЛИ

ПОЭТ БОЖИЕЙ МИЛОСТЬЮ...

«Самая большая роскошь на свете – роскошь человеческого общения». В этом афоризме великолепного француза Антуана де Сент-Экзюпери – истина и мудрость. Он приобретает особое звучание и особый смысл сегодня, в наш прагматичный, распущенный и жестокий XXI век, перенасыщенный техническим прогрессом, угрожающим самому его творцу – Человеку.

Не стало Владимира Леоновича. Эта весть, неожиданная и ужасающая своей простотой и категоричностью и непреложностью своего смысла, поразила меня.

Да, много лет, лет двадцать пять, если не больше, мы с ним не виделись, не переписывались. Но я знала, что там, в Москве, на проспекте Мира либо на далеком российском Севере, укутанном снегами и льдами, откуда в прошлом веке, он писал мне длинные письма, письма-размышления о виденном и переживаемом, отдающие горчинкой одиночества, - вот там живет Володя Леонович, и, конечно, будет день, когда он придет к нам опять...

Он писал об удивительных церквях и монастырях сурового края, столь чуждого мне, о людях там живущих, и благодаря его рассказам, все это освещалось каким-то особым светом. Попадались в этих рассказах и факты крайнего одичания и жестокости человека, с которыми ему доводилось сталкиваться, которые он не мог предотвратить и которые удручали его и меня, читавшую эти строки. Писал о поэзии. Осведомлялся о друзьях. С теплотой вспоминал «васильковые глаза» Лили Брайловской. К сожалению, его письма затерялись где-то в моем беспорядочном архиве, разбросанном среди книг и бесчисленных бумаг.

Высокий, подтянутый, бледнолицый, с темными глазами, в которых постоянно пульсирует мысль, зимой в неизменной кожаной черной курточке... Немногословный, вежливый, с открытой, озаряющей весь его облик улыбкой...

Тбилиси принял его радушно, сразу угадав в нем отпущенный Господом дар. Грузинские поэты обогрели его, он приобрел среди них много друзей (сколь многих нет сейчас на этом свете!). Он с увлечением стал работать, его забросали переводами, с ним заключали договоры. «Литературная Грузия», через которую за сорок лет прошло не одно поколение русских поэтов

▲ На фестивале «Песня Булата»

всех рангов, приветливо распахнула перед ним двери. Бессребреник и несколько аскетичный Володя с головой погрузился в своеобразный и чарующий мир Тбилиси, с его старинными районами, с красотами Ботанического сада, с веселым, неторопливым и тенистым проспектом Руставели, где по вечерам гуляли, встречаясь, обязательно торопливо целовали друг друга, улыбались, назначали свидания, прохлаждались знаменитыми водами Лагидзе, которые, - увы! - давно смело рыночной экономикой, интригами и еще какими-то силами. Незабываемые вечерние прогулки по набережным Куры, по древним площадям, местам с необычными названиями вроде Шайтан базара... Могила Саят Нова... Место казни Або Тбилели... Духанчики с шарманкой, с утренней церемонией хаши... Пестрота щедрых и ярких тбилисских базаров, украшенная острословием торговцев-крестьян, продающих *свой* товар. Это была другая жизнь, другой ритм, другие отношения... Поэту все было внове и в радость.

Недавно мне понадобилось пересмотреть «Литературную богему старого Тбилиси» неповторимого мэтра поэзии и певца нашей столицы Иосифа Гришашвили в блестящем переводе Нодара Тархнишвили. Жемчужинами рассыпаны по ее страницам переводы песен и стихов тбилисских ашуггов, с высоким мастерством выполненные Владимиром Леоновичем. Поистине удивительно, как сумел этот русский северянин поймать тот ритм и ту интонацию, тот настрой и весь лад грузинской городской поэзии, благодаря чему столь естественно передана прелесть этих произведений. Не могу умолчать о неограниченной заслуге рано ушедшего талантливого переводчика Нодара Тархнишвили, который очень помог своему другу не только подстрочниками, но и необходимыми разъяснениями.

Это был конец 60-х... Мы («Литературная Грузия») печатали переводы и оригинальные стихотворения Володи. Он активно сотрудничал с издательством «Мерани». В 1977 году «Мерани» издает ранее опубликованную нами «Литературную богему», к сожалению, блекло, как можно издать какой-нибудь сборник законов, или научных статей, отказавшись от прекрасных, спе-

циально выполненных красочных иллюстраций в стиле миниатюр, полностью созвучных духу этой уникальной книги. На титульной странице указано: «Перевод с грузинского и комментарии Нодара Тархнишвили. Перевод стихотворений Владимира Леоновича». Двадцатитысячный тираж быстро растворился среди читателей, которые могли бы вслед за Гришашвили воскликнуть: «Я Тбилиси люблю!» и не только среди них. В том же 1977 году «Мерани» издает объемистую книгу стихов русских поэтов «Если пелось про это...», куда вошли и стихи Леоновича. Составитель книги Константин Симонов пишет в своем вступительном слове: «Грузия, как мы уже сказали мощно входит в поэзию Николая Заболоцкого, Павла Антокольского, живет в стихах Луговского, широко раскрывается в стихах Луконина, Дудина, Межирова, Солоухина, Николаевской, и с новой силой возникает в стихах Евтушенко, Ахмадулиной, Окуджава, продолжаясь затем в стихах Куняева, Леоновича, Цыбулевского». Шура Цыбулевский, автор замечательных поэтических и прозаических произведений, прошедший в юности советские лагеря, и Гия Маргвелашвили, талантливый критик и поэт, столько сделавший для популяризации грузинской литературы,

▲ С Ольгой Окуджава

всегда неразлучные, очень дружили с Володей, составляя гармоничное трио.

А в 1980 году, уже не вполне безоблачном, «Мерани» выпускает в свет еще один поэтический сборник «Свидание с Тбилиси» с подзаголовком «Стихи русских поэтов» - начиная с Пушкина, Лермонтова, с первого, ошеломляющего «открытия» Грузии, Кавказа, и далее – поэты «серебряного века» – Маяковский, Есенин и, наконец, Евтушенко, Вознесенский, Окуджава, Леонович.

Творческие контакты и взаимосвязи обогащают литературу и культуру. Это известно. Чуть изменяя слова К.Симонова, Грузия мощно вошла в русскую поэзию. Но и переводческая деятельность русских поэтов оставила благотворный след в грузинской поэзии и сделала ее достоянием многомиллионного русскоязычного читателя. Один из этих поэтов – Володя Леонович.

Исторические и политические события, происшедшие за последние 25 лет – все это грубо, безоглядно и бездумно разорвало дружеские, творческие и родственные связи, нарушило то самое человеческое общение, которое – роскошь и необходимость, в котором так нуждался, которым так дорожил и которое обрел среди нас большой поэт, неординарный человек Владимир Леонович.

Камилла-Мариам КОРИНТЭЛИ

МАКСИМ

Проезжая мимо цирка, я обратила внимание на необычное оживление, свежие и яркие афиши, щебечущую детвору с шариками, радостных родителей и стало понятно – цирк ожил! А ведь не так давно любимое всеми здание тоскливо возвышалось над городом, потухшее, темное, запущенное и неживое, без афиш, без работающих касс, без галдящих детей, и становилось грустно. Не верилось, что цирк перестал быть популярным, дарить праздник, радость, веселье детишкам и взрослым, как когда-то в детстве. Помню, как мои родители, молодые и счастливые, радовались походам в цирк больше, чем я, потому что мне было жаль животных, за которых я очень переживала и даже плакала. По этой же причине не любила зоопарк. Но мне нравится вспоминать ощущения: как мы поднимались по казавшимся бесконечными лестницам, как цыгане кричали «Боря гадает», продавали сводившее родителей с ума «мамало» в форме петухов и пистолетов, разноцветные шарик на резиночках, которые было приятно дырять, и из них высыпалось что-то непонятное, приводившее в восторг! Как искали свои места, гас свет, начинал громыхать оркестр, луч света падал на арену, выходил нарядный конферансье – и все начинало кружиться и меняться, как в калейдоскопе. Эти ощущения до сих пор живут во мне: пестрые, яркие, шумные и помнится вкус мороженого, которое разносили в антракте женщины в белых фартучках, и прозрачных бутербродов в буфете, казавшихся самыми вкусными в мире...

А ведь цирковые выступления были популярными в Тбилиси задолго до появления этого здания и имели характер игры, спортивных соревнований во время народных гуляний, на ярмарках. Выступали шуты, клоуны, борцы, показывались дрессированные животные, выступали наездники. Все это имело народный характер и колорит. Еще во времена царей существовали придворные театры, где выступали акробаты, жонглеры, затем появились бродячие артисты, балаганы, шапито. В 90-х годах XIX века в Тбилиси, на Головинском проспекте, построили каменное здание цирка братьев Никитиных, который в 10-х годах XX века сгорел. Скоро на Элбакидзе, на месте сквера, появился цирк братьев Ефимовых, а в 1914 г. братьев Есиковских. Долгое время оба цирка работали одновременно и имели успех. Уже в 1939 г. по

проекту Непринцева, Урушадзе и Сатунца закончилось строительство «нашего» здания.

Всегда были радостным событием гастроли различных трупп, особенно московского цирка, и лилипутов. Однажды, еще до войны, все тбилисцы радовались приезду лилипутов, которые с успехом выступали на арене еще старого цирка, где работала соседка моей бабушки Сонечка, одинокая стареющая женщина, занимавшая маленькую комнатку во дворе. В один из вечеров она вернулась с работы со странным, неправдоподобно маленьким человечком, который очень стеснялся и грустил. Весь двор собрался поглазеть и познакомиться с лилипутом Максимом. Он был слишком стар для выступлений, но труппа возила его с собой. Когда пришло время уезжать, Максим тяжело заболел и Сонечка предложила ему остаться с ней. Что тут началось! За маленьким человечком ухаживали всем двором, каждый считал своим долгом чем-то его накормить и напоить, посидеть рядом до возвращения Сонечки с работы. Вскоре Максим выздоровел, и все постепенно привыкли к его маленькой фигурке в несуразно-длинном пальто, тоненькому, кукольному голосу, крошечным одежкам, вывешенным на общей веревке во дворе, и как он каждое утро шел с авоськой в «Голубой магазин» за молочными продуктами для Сонечки... Циркача полюбили всей душой и воспринимали не как старичка (в это трудно было поверить), а как ребенка. Благодаря Максиму двор на ул. Пастера, 1 стал каким-то особенным, теплым и дружным. Его очень любила моя прапрабабушка, запасала в карманах конфеты «для Максима» и старалась всегда угостить чем-нибудь вкусным. Он радовался приглашениям, скромно стучался в дверь, заходил и садился на детский стульчик со своим столиком, который остался от бабушки – моя прабабушка Анаида нашла его в чулане и принесла для миниатюрного гостя. Он был начитан, хорошо знал историю и литературу, всегда рассказывал что-нибудь интересное, декламировал стихи, целовал руку моей прабабушке, восхищался ее именем, а мою прапрабабушку называл «тетя Майрик» (мамочка), думая, что ее так зовут. Он старался всем угодить, сказать или сделать что-нибудь приятное. Однажды принес моей юной бабушке букетик ландышей. Это было так неожиданно и трогательно, что она не смогла выбросить уже засохший букет и сохранила его в книге на всю жизнь. Букетик побывал в Западной Украине, куда переехала бабушка после замужества с дедушкой-офицером, пережил первые фашистские бомбежки, эвакуацию, долгий путь в Тбилиси и моего деда, который погиб под Полтавой... Максим ушел из жизни так же неожиданно, как и появился. Общему горю не было конца. Особенно горевала Сонечка, которая пережила его всего на год. Этот маленький циркач принес столько добра, света и любви, что досталось и мне. Его образ поселился в моей душе, и, бывая на старом Кукийском кладбище, я обязательно поминую доброго маленького человечка, для которого наш теплый город стал второй родиной...

Его хоронили всей улицей и устроили поминки в соседней столовой, где работал поваром сосед по двору. Горевали долго и всем сердцем и никогда не забывали...

При слове «цирк» мне вспоминается Максим, на душе становится как-то тепло и очень хочется, чтобы этот замечательный, яркий, красочный, озорной и шумный вид искусства не исчез, а развивался, чтобы здание жило и светилось, чтобы к нам отовсюду приезжали артисты и само слово «цирк» ассоциировалось у людей с праздником.

Анаида ГАЛУСТЯН

▲ Мстислав Ростропович

СЕЗОН ВИОЛОНЧЕЛИ

В здании театра имени Шота Руставели по субботам тбилиссские меломаны имели возможность наблюдать за успешным проведением Международного музыкального фестиваля «Сезон Виолончели».

Фестиваль был проведен в рамках государственного проекта «Многовековое сотрудничество Грузии и Израиля» и был посвящен Дню независимости Грузии. Фестиваль получил приветственное письмо от премьер-министра Грузии Ираклия Гарибашвили.

В рамках фестиваля свое высокое исполнительское мастерство продемонстрировали челисты с мировым именем – Наталья Гутман, Борис Андрианов, Сандро Сидамонидзе, Николас Альтштадт, Иштван Вардаи, Лиза Рамишвили и Давид Герингас. Дирижировали Дмитрий Лис, Ариэль Цукерман, Реваз Джавахишвили, Жолт Ноджи, Кристиан Клуksen и Николоз Рачвели. Солировали – контртенор Михеил Сулухия, альтист Гиорги Цагарели, пианист Николоз Рачвели и мегазвезда Сергей Накаряков, прозванный современным Паганини духовых инструментов. Были исполнены произведения П.Чайковского, А.Шнитке, Д.Шостаковича, Г.Канчели, Я.Сибелиуса, А.Дворжака, Э.Элгара, Р.Шумана, И.Брамса, И.Штрауса, М.Равеля, Б.Квернадзе, Й.Гайдна, И.-С.Баха и Н.Рачвели.

Заключительный концерт был посвящен светлой памяти великого музыканта Мстислава Ростроповича. А партию на виолончели исполнил его ученик Давид Герингас, партию на флюгельгорне – Сергей Накаряков.

Перед началом заключительного концерта Николоз Рачвели сообщил, что свой опус «Reverence» он посвящает светлой памяти горячей любимой матери и своим великим учителям Мстиславу Ростроповичу, Бидзине Квернадзе, Нодару Габуния и Джансугу Кахидзе.

Перед исполнением произведения Гии Канчели «Warzone» Николоз Рачвели пояснил, что произведение было написано в честь 50-летнего юбилея Валерия Гергиева и по-осетински это означает «с любовью». Но когда афиши напечатали в Англии, то оказалось, что с английского его название переводится как «зона войны». Таким образом, композитору удалось предсказать печальные события будущего.

Очарованные высочайшим исполнительским мастерством музыкантов, слушатели долго не отпускали их.

После окончания концерта Сергей Накаряков сказал, что Николоз Рачвели доверил ему первое исполнение его произведения и, что и в будущем он будет рад быть первым исполнителем его новых произведений.

Надо признать, что грузинские слушатели проявили большой интерес к фестивалю и концерты проходили при полном аншлаге.

Реваз ТОПУРИЯ

კინძმარაული მარანი

KINDZMARAULI MARANI

KVARELI DISTRICT, VILLAGE GAVAZI, KAKHETI, GEORGIA

Tel./Fax: +995 (32) 36 18 50

Mob.: +995 (99) 54 00 18

E-mail: info@kmwine.ge ; km.wine@hotmail.com

www.kmwine.ge

1512-2972